С 91
Л 33

В. ЛЕБЕДЕВ

К СЕВЕРНЫМ НАРОДАМ

ОГИЗ • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1933

98345

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач. ———

Зак. 594

С 91
133

ВСЕВОЛОД ЛЕБЕДЕВ

К СЕВЕРНЫМ НАРОДАМ

(ПУТЕШЕСТВИЕ К ЛОПАРЯМ)

Рисунки художников
Гладун и Кирпичова
и лопарей

Архангельская областная библиотека
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ГОСУДАРСТВЕННОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Не выносить
1948
1966 г.
Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова
1955
Кабинет Севера.
1955

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1933

910.4
Л-33

91+087:1

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Издание 2-е исправленное и дополненное

1948
2010

2002

Редактор Эйхлер. Техредактор Плакунова. М. Г—3682. Инд. Д—7 Формат 82×111/32 11 печ. л. Уполномоч. Главлита Б-29992. Тираж 20.000. Зак. 6340

Третья фабрика книги Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Нейтрализация
20 11 г.

От автора

В этой книге я описал свою поездку к лопарям.

Читателю следует узнать, в каком положении оставил старый строй мелкие угнетавшиеся им народы и как эти народы начинают жить в наше время социалистического строительства.

Я описал сохранившиеся суеверия, старался объяснить их происхождение, а также указал, какими путями идет сейчас просвещение северных народов в СССР и как северные мелкие народы продолжают жить за границей СССР в буржуазных государствах.

Главная задача этой книги—показать, как жили люди в старинные времена, как они строили жилища, страдали от холода, были подавлены суевериями и сказками.

Я начинаю эту книгу с рассказов о Ленинграде, так как этот город связан с судьбой северных народов: сначала, на протяжении сотен лет, как старый царский Петербург, угнетавший и эксплоатировавший народы, а теперь как Ленинград—советский город, связанный с жизнью Севера, один из центров нашего социалистического строительства.

Ленинград стоит при впадении в море северных вод. Река Нева, Ладожское озеро, Онежское озеро, Кивач—все это силы, носящие наши корабли, наш лес, помогающие нам двигать наши заводы.

Громадный Ленинград стоит рядом с девственной еще природой, разрабатывать которую начали по-настоящему лишь при советской власти.

Наверное многие из читателей этой книги будут участвовать в строительстве Севера, требующего массы энергичных людей.

Ни одна книга не сможет дать сейчас исчерпывающих сведений о каком-либо крае СССР, до такой степени быстро меняются формы хозяйства, быта.

Моя книга—только маленькая часть того, что пишется и что будет написано об этом крае.

День, когда мне захотелось ехать на Север

В осенний день в 1924 году я сидел над книгами в Ленинградской публичной библиотеке. Здесь огромный, как целая площадь, зал, в котором триста или четыреста человек полдня живут с книгой. Спустятся вниз, в буфет, поедят—и снова к огромным столам. Часов в пять заблистает над столами свет. Большой темный зал сплошь унизан светлыми огоньками, и везде полуосвещенные головы, плечи. Я сидел и читал книгу о северных краях, о том, как над ними целую зиму не восходит солнце, подходит по морю к снежному берегу ледяная гора, и какая тишина стоит над этими землями, где редко-редко проедет на оленях лопарь.

Я не закрыл еще книги, как вся работа в библиотеке внезапно остановилась: зашуршали закрываемые книги. Сотня человек стала сразу подниматься, и я вместе с другими должен был выйти из этого тихого, с утра до ночи работающего зала. Что же случилось? Уж если закрывается читальный зал Публичной библиотеки—значит, вокруг, за стенами, в Ленинграде, что-то случилось особенное.

Дело было простое: начиналось наводнение. И маленькая пушка, стоявшая на Петропавловской крепости (это—старинное здание на берегу реки), несколько раз подавала сигналы. И эти сигналы слышали мы все, работавшие в библиотеке, но никому не хотелось оставлять начатой работы. Мы прислушивались, переглядывались, и вот нужно выходить. Сигналы с крепости стали непрерывными. Библиотека закрывается. Вода близко.

Все читатели видели города, выстроенные у рек, но такой город, как Ленинград,—единственный. Город настолько велик, что река не особенно замечается. Тысячи людей проходят по набережным у реки, пролетают над рекой в трамваях. Жизнь идет вокруг реки и над рекой. А вместо гладкого спускающегося берега—прямая каменная стена. Река Нева блестит среди города, на ней гудят маленькие пароходы, но город шумит больше, чем река.

Город, пожалуй, красивее реки. Везде камень, камень. Громадные дворцы стоят у Невы, тянутся пестрые улицы.

Трудно себе представить, чтобы это движение толпы, шум, мелькание трамваев хоть на минуту прекратились. Это бывает только тогда, когда в городе какое-нибудь несчастье, например, прекратилась подача тока в трамвай, да еще по ночам, когда затихает город и начинает жить река.

Часа в два ночи мост, стоящий над рекой, вдруг раздвигается на две части, одна половина моста лезет вверх и становится над рекой, как щит. Странно видеть, как мост с тротуаром, с трамвайными линиями вдруг поднимается над рекой. Это работает машина под мостом. Тогда по темной воде ползут одна за другой—целые города дров—барки, в которых вы слышите человеческие голоса. Это люди плывут издалека, с озера, сквозь Ленинград. Ночью их пропустят через город по реке. Утром они уж стоят на другом конце города—у моря.

Представьте себе, что вы приехали на такой барке. Сначала вы видели болотистые берега да туман. Потом ночью вошли в город—плыли среди темных огромных зданий. И утром море. И над морем блестит город—Ленинград.

При царе, когда в Ленинграде не было Дома крестьянина, эти проезжающие сквозь город крестьяне часто только ночью видели центральные его части. На берегу Невы они видели гору с освещенными окнами. Это царский дворец—целый дом, город с тысячью комнат—и другие такие же дворцы. Днем около них гуляли господа. И никакой крестьянин не мог прежде войти в этот великолепный дом. Но после революции порядок изменился.

★

Теперь я возвращаюсь к описанию наводнения. Выйдя вместе с другими из Публичной библиотеки, я сразу увидел большие толпы народа, которые сползались в одно место. Видно было, что толпе этой некуда итти. Главный путь—Невский проспект, блестящая широкая улица, шириной с хорошее поле,—этот громадный, длинный путь (здесь магазины, театры, кино, учреждения), этот обычный мой путь, по которому я ежедневно ходил, был прегражден.

Фонари на улице не горели, а между тем сгущалась уже темнота. Говорили, что с реки по улицам двигается вода. И было видно, что нам не попасть домой, на другой берег реки.

Я никогда еще не видел воды среди города. Ленинградские старожилы знали наводнения прошлых лет, когда вода на улицах поднималась по колено.

Шум выстрелов с Петропавловской крепости был все сильнее и сильнее.

Скоро совсем смерклось. А мне нужно было находить путь домой. Я шел к брату.

Но попасть к нему было нелегко. В темноте я свернул с Невского по знакомым маленьким улицам, но скоро оказалось, что итти нельзя. В темноте что-то хлюпало, шагало. Это не были люди, это была продвигавшаяся вода.

В Ленинграде центральные улицы замощены торцами, то есть большими деревянными кубами, плотно приложенными друг к другу, так что получается деревянная плотная мостовая. Если итти по такой мостовой, то почти не слышишь своих шагов.

Сейчас под торцы подобралась вода. Она взбухла под ними и выперла их вверх. Еще одно движение воды, и торцы рассыплются на сотни тысяч деревянных шашек, и вода понесет их. Но вначале, когда воды под ними еще немного, они стоят над водой, как настил.

Я в темноте ступаю на торцовую мостовую и чувствую, что она зыблется подо мной. Это уже не мостовая: нога и все тело мое прорываются вниз—в воду.

Я иду в другую улочку и там на половине пути узнаю, что и сюда подступила вода. С реки, по всем направлениям, вливается в улицы вода. Веселый большой город погружается в мертвую тишину, нигде не горит электричество. На ступеньках у входа и в лестницах чужих домов жмутся усталые люди. Сейчас все равно, в какой бы дом ни зайти. Тут, стоя в подъезде одного дома, познакомился я с одним крестьянином. Так как было темно, то лица его я не сумел разглядеть.

Нам, жителям этого города, наводнение было не страшно, так как мы готовились к нему. А крестьянин был первый раз в Ленинграде. Он долго собирался из деревни в Ленинград к сыну, ехал на поезде и ясно представлял себе, как увидит освещенные улицы и пойдет разыскивать сына по адресу.

Но, выйдя из поезда к вокзалу, он попал к воде и в темноту. Фонари нигде не светили. Он встретил темные улицы, встревоженную толпу народа и так пошел по переулочкам во тьму, разыскивая место, где бы можно было ступить.

Крестьянин решил, что приехал в Ленинград как раз к кончине мира. Он уже не надеялся увидеть город, которого так ждал, а думал, что после всего, что он здесь пережил за час со времени прихода поезда, уже не будет ни городов, ни сел.

В этот день я подумал, как мы мало знаем о нашей стране. Мы живем в городе, получаем известия по телефону и телеграфу. И вот сегодня телефон и телеграф не работают. Настала страшная тишина.

На следующий день я увидел, как быстро ленинградские граждане восстанавливали в городе порядок. На месте обычного уличного движения лежали горы деревянных торцов, неведомо с какой улицы принесенных. Толпы людей работали, перекладывали их на тачки, и снова открывалось свободное пространство улиц. Но трамвай еще не мог ходить, потому что были попорчены рельсы, и не было электрического тока оттого, что попортило станцию, вырабатывающую ток.

Мы приготовились несколько дней жить без света, без тока.

У Невы люди стояли в очереди с чайниками в руках. Сегодня не действовали во многих домах водопроводы, и люди сразу почувствовали себя живущими на берегу реки—пошли к реке с чайниками.

На Невском лежали лодки. Они были привязаны к фонарным столбам. По ним сразу можно было понять, что было здесь ночью. Спасательные команды сели в лодки и поехали по тем местам, где раньше ходил трамвай. Лодки остались привязанными к столбам, в то время как вода сошла, возвратилась в реку, и река стала обыкновенной.

А у царского дворца, на набережной Невы, в том месте, где до революции стояли царские городовые, оказался чуть не такой же длинный, как дворец, корабль. Это была барка с лесом, которую во время наводнения проносило по Неве, и, когда улицы сравнялись с рекой, эту барку поставило рядом с Зимним дворцом. Петрозаводские крестьяне, вместо своего обычного пути через Ленинград к морю, оказались в гостях в городе возле бывшего царского дворца. Среди общего смятения и работ они одни оставались спокойными. У многих из нас, ленинградских жителей, в квартирах была вода. А их плавучий дом остановился на земле, и они чувствовали себя еще спокойнее, чем в пути. Пища у них была заготовлена еще в Петрозаводске, и им незачем было ходить в город.

Зато наши городские булочные подмокли. Из хлебозавода хлеб выносило тысячепудовой кашей. Ударная группа наших студентов ходила спасать завод от воды.

Недолго пришлось нам терпеть последствия наводнения. Мостовые уложены. Снова пошел трамвай. Из подвалов вода выкачена, и потерпевшим жителям оказана помощь. И сразу начались работы на берегах моря, чтобы в другой раз при таком же большом наводнении вода не могла подняться в город.

И город наш зажил спокойно, потому что он хорошо организован, потому что в нем на страже и милиция и пожарная помощь. И море и вода нам одинаково безопасны. Но вода с нами рядом, и мы не должны о ней забывать.

Из Ленинграда на Север

Край, окружающий Балтийское и Белое моря и подходящий к Ледовитому океану, раньше был совсем пустынным. Но вот в газетах стали появляться известия, что в одном месте на реке открылась электростанция, ток от которой будет передаваться над землей на шестьдесят километров, в Ленинград, и этот ток будет движущей силой наших фабрик и заводов, а по пути и темные сидящие в болотах деревни осветятся.

Так была построена Волховская станция на пустынной и бурной речке Волхове. Долгое время она была Волховстроем. К этому месту свозили лес и машины. Строились бараки для рабочих. И появился целый красиво освещавшийся по ночам городок из этих бараков. Те, кто проезжали из Ленинграда по Северной железной дороге на Вятку, всегда на семидесятом километре от Ленинграда вставали и смотрели в окно даже ночью: ночью Волховстрой был особенно заметен по блестевшим крупно огням. И люди знали, что здесь идет работа по осуществлению ленинского плана электрификации.

Потом вместо Волховстроя оказалась станция. Плотина сдерживала напиравшую воду, и силой падавшей воды приводилась в действие огромная машина. И на месте, которое прежде было пустынно, скоплялся ток, который передавался над полями прямым путем в города, на фабрики.

В двадцать четвертом году в газетах часто появлялись известия о Кондострое. Тогда еще был Кондострой, который должен был превратиться в огромную, самую большую в мире бумажную фабрику. Этот Кондострой ставился на далеком Онежском озере, возле деревни Кондопоги. И деревню Кондопогу и Кондострой я потом увидел. Увидели ее и тысячи экскурсантов уже прекрасно оборудованной фабрикой.

Ленин не увидел Кондопожской фабрики. Кондострой был начат при нем, по его плану. По этому плану на всех бурных речках Северного края должны были стоять вырабатывающие ток станции.

В море

Мы едем на боте «Маргит». Небольшая команда.

Пассажиров на этот бот не полагается брать, но в этот раз так вышло, что на борту оказалось несколько человек: жена капитана, дочь одного служащего кооперации и два крестьянина-рыбака.

Мы долго стояли в порту рядом с иностранными судами. Здесь, в заливе, море было тихим. Говорили, что в открытом море начинается непогода. В Териберку мы рассчитывали попасть к ночи.

На судне были две каютки: одна капитанская, другая—матросский кубрик, где в два этажа были койки.

До города Александровска мы шли заливом.

Александровск стоит у выхода в море. Против Александровска—Александровская биологическая станция. Это научное учреждение, исследующее жизнь моря. На черном пустом берегу стоит несколько домов. В них живут ученые и рабочие станции. Заведующий станцией Клюге вместе с женой провел здесь всю свою жизнь. Моряки уважают Клюге за его упорный труд и знание моря.

Навстречу нам летела моторная лодка, в которой мы разглядели двух человек. Это была моторка биостанции. Большую часть времени сотрудники станции проводят на море—на судне.

Жизнь Ледовитого океана еще мало изучена. Между тем этот океан дает нашему хозяйству ценнейших зверей и рыб. Необходимо изучение этих животных, охрана их от истребления.

Мы шли по морю, метавшемуся тяжелыми волнами. Шли по оврагам, образующимся на поверхности моря и исчезающим. Напротив нас шел черный берег без жилья, а в другой стороне было открытое море.

Стали матросы говорить, что мы не дойдем к сроку в Териберку из-за волнения. Наше судно тяжело гружено, и его нельзя вести по большому волнению. Я стою на палубе среди северной пустыни—далеких серых волн, среди качающейся воды. Ветер. Холодно, как глубокой осенью.

Мы делали остановку на острове Кильдине. Это было ночью. Пароход стоял против черных скал, над которыми с головокружительным криком взлетали чайки. Эта на вид пустая земля была островом Кильдином—заповедником песцов.

Песец—ценный северный зверь, водящийся в тундре. Песцов не только убивают в тундре, но и ловят живыми и доставляют в Кильдин. Здесь песцовая республика: размножается зверь. Ученые изучают его и улучшают породу.

Я больше не мог стоять в тяжелом бросавшемся на меня, как собака, ветре. Матросы посоветовали мне сойти в кубрик. Это было маленькое помещение. Матросы лежали на койках, как в гнездах. В середине едва хватало места для стола.

Я, двое крестьян и несколько ехавших впервые в Териберку молодых людей сидели вокруг стола, опустив на стол головы. Я съел первую банку консервов. Кругом говорили, что мы можем в море застрять на несколько дней. Придется поставить судно на якорь и выждать погоду.

Крестьяне рассказывали о промыслах.

Я спросил о лопарях и узнал, что напротив Териберки есть летняя стоянка лопарей, но неизвестно, застану ли я их: они могут уже быть в это время в тундре.

Спать, склонив голову на стол, можно было. Но вот скоро над нами стали перекатываться на палубе бочки. Все поползло вниз, потом опять вверх. По палубе промчалась вода и ударила в верхнее окно.

На стол попали брызги—вверху была щель.

— Не скоро мы попадем теперь в Териберку,—сказали мужики.

В это время нашла новая волна, и густая полоса воды плеснула на нас и на стол. Вода была у меня за воротом и во всех местах, где ей не полагалось быть.

Из кубрика был ход в трюм, в темное помещение, заваленное несвежей картошкой. Мужики, решив, что лучше всего спать—хлеба нет и до Териберки далеко,—забрались туда, в трюм. Дверца туда запиралась со стороны кубрика. И иногда из трюма стучали.

Мы отворяли и выпускали человека. Он выходил подышать и снова прятался.

От усталости и желания спать залез в трюм и я. Неловко было лежать на груде картошки, почти без воздуха, и чувствовать низко над собой потолок. Но я быстро уснул.

Проснулся я оттого, что у меня внутри все ходило: темнота точно взбесилась—нас качало, давило, и чувствовать над собой потолок и запертое пространство было нестерпимо. Я долез до стенки и стал стучать. Не отворяли. Я стучал с ненавистью и отчаянием. Вдруг дверь открылась сама. В кубрике было светло. Матросы попрежнему спали, а один из молодых людей стоял на четвереньках перед ведром и старался лицом попасть над посудой.

Вылез затем мужик, увидел это и сказал, что его никогда на море не рвало, только не может он видеть, как другие люди блюют—тогда его самого тянет. Сказав это, он снова залез в мрачное помещение с картошкой.

Мы уже не плывем. Нас покачивает, но мы стоим, и неизвестно, сколько времени будем стоять. Против нас берег. Черный скат. И вьющиеся чайки, чайки с высоты падают к берегу, как снег. И крик их—пронзительный стон. Порой кажется, что сквозь шум моря бьют колокола.

Таким протяжным диким шумом отвечают чайки на бурю.

И опять я сажусь спать, уже по-настоящему голодный. Просыпаюсь и опять вижу тот же берег—черную скалу, а чаек еще больше, как и волн. Чайки встречаются с волнами, потом кружатся над скалами.

Среди черной пустоты на берегу стоит один домик.

Комсомольцы говорят, что пойдут пешком до Териберки—пусть высадят их на берег. Но их удерживают, потому что итти по сырым скалам в такой обуви нельзя. По болоту тоже не пройти.

Вот теперь я и вижу, что такое Север: это черные берега, да морское волнение, да шум птиц.

Через день решили все-таки пойти; я на палубе прижался к мачте, а судно наше ходит по волнам.

Судно, как игрушка, идет вниз и потом лезет вверх.

Матросы показывают мне черный, мрачный берег. Вот маяк. Вот на берегу лежит разбитый корабль. Разбился он несколько лет назад. Все ценные части отсюда уже увезены, и на берегу только скелет позабытого корабля.

Утром матросы показывают мне белые столбы, далеко стоящие в океане. Они похожи на двух животных, на львов.

Это волна бьет о камень и поднимается над морем белой пенистой высотой.

Мы проехали мимо них.

Можно вспомнить рассказы древних греков-мореплавателей о подобных явлениях. Греки считали эти столбы чудесными зверями, почти богами, губившими корабли.

Утром мы пришли в Териберку. Зашли в валив. Я только слабо запомнил большое количество парусов, какие-то дома. Я уснул на судне и спал долго.

Териберка

Когда я проснулся, для того чтобы покинуть судно, я действительно увидел большой веселый город. Залив загораживали ёлы и карбасы—белая парусина везде.

Здесь два города рядом: один на воде—суда с парусами, другой—рыбачий поселок на берегу.

Я здесь всегда чувствовал больше настоящим городом стоящие на море суда.

И действительно, только плохая погода загоняет рыбака в поселок.

А дома здесь большей частью маленькие, тоже похожие на каютки.

Часть Териберки бывает заселена только на время лова, летом, когда сюда приезжают рыбачить крестьяне с Белого моря. Маленькие домики поморов привозятся на кораблях по морю: здесь близко своего леса нет.

Другая часть териберкского населения—колонисты. Это люди, постоянно живущие на этом неприветливом берегу. У них дома побольше и лучше обставлены.

А против Териберки, за речкой, уже не дома, а один домик и несколько землянок. Землянки эти из Териберки почти не заметны—они сливаются с черным фоном скал. Это лопарское стойбище.

Ходить по Териберке и скучно и трудно—нога устает в песке. А за Териберкой черные обрывы, и там, напротив, на лопарской стороне, огромная скала.

Рыбак знает только узкую полосу песчаного берега. Он не бывает дальше в тундре—там идут болота, которые знают только лопари.

Да и у себя в доме рыбак почти гость. Я это понял, посидев в маленькой избушке у помора. Люди сидели и выжидали хорошей погоды. А в хорошую погоду они в море.

Хозяин избушки попросил сфотографировать его с сыновьями. Снялся он на воде, на своей ёле (ёла—судно), под парусом, на фоне белого города парусов. Когда я сказал хозяину, что хочу итти с лопарями в тундру, он стал говорить о мошке и о том, что с лопарями трудно жить. «Мы роздали им хлеб печь, потом увидели, как они пекут, и теперь не даем».

Этим он указывал на нечистоплотность лопарей.

Я побродил по Териберке. Везде у домов, как серые стены, стояли сети.

У сетей работали люди. Земля была завалена рыбьими головами, от которых шел сильный запах.

Главный лов здесь—треска.

Мурманский берег дает много улова. И государством обращено большое внимание на организацию лова.

Прежде не все рыбаки имели хорошие суда. Государство дает моторные суда. Суда эти получили организовавшиеся в Териберке две рыбачьи артели.

Артель рыбаков—все равно, что колхоз на поле.

Море требует еще большей организации, чем поле. Здесь нужна и общественная помощь судам в бурю, для чего в Териберке есть спасательное судно. А самое главное для этого края—добыча наживки, той мелкой рыбы, которая наживляется рыбаками при лове крупной. Наживка эта встречается далеко не везде. Существуют наживочные суда, которые уходят на лов мелкой рыбы, и часто бывает, что и при хорошей погоде все рыбаки сидят дома—выехать не с чем, ждут прибытия наживочного судна.

Над териберкской лавкой висит доска, где даются сведения о ходе заготовок наживки. Эта доска—календарь рыбака. Он утром выходит на улицу и смотрит, заготовлено ли что-нибудь, можно ли итти в море.

Рыбачье становище живет отрезанным от остального мира. Связывает его с другими становищами и городом не берег, а море. Раз в неделю ходит из Мурманска пароход на Архангельск. Кроме того судно «Маргит» возит в Териберку продукты.

Кооперация на берегу поставлена хорошо. Иначе и нельзя—здесь все, кроме рыбы, привозное.

Териберка—районный центр. Здесь—райисполком, правление кооператива, клуб с избой-читальней, красным уголком, хорошая больница, детская площадка.

Лопари, живущие летом против Териберки, принадлежат не к Териберкскому, а Ловозерскому рику—по тому месту, где они живут осенью и зимой. Против Териберки у них временное становище из землянок и один маленький дом.

Я расспросил людей, и оказалось, что лопари в этот год запоздали итти в тундру—все еще живут, но не сегодня-завтра могут пойти. Я зашел в райисполком, где застал только секретаря. На Мурманский берег едут люди, которые действительно что-то хотят сделать. Народ в райисполкоме работает приезжий. Ему главным образом приходится иметь дело с рыбаками. Сейчас шла большая работа по организации рыбаков в артели.

Лопари же в Териберке показываются получить норму из кооперации и не так часто.

— Я хочу попасть к лопарям,—сказал я секретарю рика.

— Хорошо,—сказал тот. Сложил папку в стол и, взяв ключ, вышел.

Мы заперли рик.

Секретарь попросил лодку у рыбака. Взял весла. Прилив: и речка между Териберкой и лопарями разлилась. Секретарь греб. Вода сейчас была сильная.

Так на черном скалистом берегу собрались колонисты, поморы из архангельской страны, приехавшие работать в советских учреждениях люди и лопари из тундры.

Мы пристали к другому берегу. Нас встретил мальчик, одетый в меховую рубаху с меховым мешком на голове. Это был первый лопарь, которого я встретил[1].

Мое путешествие по обычным дорогам—по железной дороге и морю—кончилось. Теперь мои хозяева—маленький лопарский народ. Куда они пойдут, туда и я решил итти: за горы, в серую тундру.

Найдите на карте становище Териберку и поставьте здесь крест. Путь дальше будет к югу, мимо озер, в центр тундры.

Вообще мой совет читать эту книгу с картой, отмечая пути.

Лапландия. Местность

Речка Териберка—небольшая. Большой она делается во время морского прилива. Тогда между рыбачьим поселком и лопарскими землянками целое море. После отлива на том и на другом берегу остается громадная полоса песка и на нем много нанесенных с моря водорослей. Водоросли эти—как большая желтая губка, наполненная водой.

На мокрых песках огромными стаями сидят чайки. Я старался подойти к ним как можно ближе. Подойдешь совсем близко, и

---

1 Это время года теплое, и лопари не носят меховой одежды, но этот мальчик был простужен и на него надели малицу.

вся стая с бешеным криком сорвется в воздух и будет летать над черными скалами, садясь, снова взлетая и пропадая далеко.

Чайки эти придают оживленный вид всей стране. Не видишь в рыбачьем поселке людей—он пуст. На другой стороне речки, у лопарских землянок, лежат белые собачки да редко выйдет лопарь. А с птицами живее и веселее.

Над лопарскими землянками, как черные сторожа, стоят огромные камни. Трудно определить их высоту, потому что вблизи нет ничего, с чем бы эту высоту можно сравнить: ни города, ни колоколен. Правда, под самыми скалами идут телеграфные столбы (эта линия телеграфа идет по всему берегу). Столбы эти по сравнению со скалами кажутся совсем маленькими.

Я часто взбирался на скалы. Скалы были за спиной. Впереди смотреть можно было только на залив и речку. А между скалами и берегом шла узкая полоса земли и тянулась далеко. Туда, к горам, должны мы итти с лопарями. Оттуда покажутся первые олени, придет оленье стадо.

На скалу взбираться было нелегко. Держишься рукой за маленькие березки, растущие на склонах. Кроме таких березок, я не видел растений на морском берегу.

В трещинах свистят, поют ручьи. Остановишься и слушаешь, как, глубоко разрывая землю и сдвигая камни, падает среди пестрых мшистых камней вода. И потом опять взбираешься, пока не дойдешь до самой высоты.

Когда взберешься на высоту, окажется у тебя перед глазами ровное бесконечное место, откуда местами глядят озера. В месте этом не возвышается никаких лесов, только пестреют камни. «В эту страну,—думал я,—мне нужно будет итти с лопарями. Там нет ни телеграфа, ни почты. И если я умру по дороге, обо мне узнают в Москве только осенью, когда лопари со своими стадами подойдут к зимним деревням».

Видя меня гуляющим по камням, лопари посоветовали мне посмотреть падун—водопад на берегу, в трех километрах от их землянок.

Первый раз я увидел падун с лодки, издалека. Мы поехали с моим хозяином, лопарем Андреем Михайлычем, и другим лопарем, молодым, за дровами.

За несколько километров растет кустарник, и мы поплыли за ним по речке.

Лодка шла мимо огромных пестревших камней. И я все старался измерить, представить себе их высоту.

Лопари говорили мне названия гор. Самое главное для лопаря—олень. И потому и камни и горы лопари часто называют именами, связанными с оленем.

Большая гладкая скала внезапно выдвинулась на нас.

Лопари сказали:

— Это Лоб важенки.

Важенка—оленья корова.

Я еще не видел у лопарей ни одного оленя—все они были на воле, далеко. Скоро за ними будут посылать пастухов. Я пока гляжу на Олений лоб—огромную гору над рекой, на Олений рог—большую скалу.

Мимо меня проходят на страшной высоте громадные лица камней. Мы проплываем мимо них как песчинка, теряемся как мгновение среди вечности. Не живет здесь никто, никто не подходит к этим скалам, чтобы описать их. А если там, вверху, на скале, умрет человек—никто не найдет его тела.

Мы собирали топливо: мы вытягивали из земли, ломали мелкий кустарник, отмахиваясь от комаров. Лицо жгло от укусов. Мы собираем ветки так же бережно, как собирают хлеб. Наваливаем в лодку и едем снова среди молчаливой местности.

Вдали что-то рычало, шумело. Лопари с лодки показали мне падун.

В одиночестве, среди камней, билась и сверкала разноцветным веером над камнями вода. Меня привлекло одиночество водопада. На берегу он шумит один среди черных камней. Старинные лопари поклонялись водопаду, так же как древние охотники поклоняются лесным зверям.

Водопад

Немного погодя я собрался смотреть падун. Взобрался на скалу и шел от скалы к скале.

Я думал пройти четыре горы—так мне казалось издали. Оказалось, их не четыре, а восемь.

Но чем дальше я шел, тем сильнее мне хотелось увидеть водопад. И вот уже шум его близко. Я подхожу туда, где трясется земля. Кажется, здесь нет ничего постоянного. Стоишь здесь, как у огромного часового маятника.

Представьте себе, что вы забрались в механизм больших часов, где стучат, сверкают колеса. То, на чем вы стоите, дрожит. Вам нет дела до остальной земли. Вам кажется, вас замкнули в громадный механизм и земли вокруг уже нет.

Приблизительно так чувствовал я себя около падуна, единственно живого у этих скал.

Сколько лет живет падун? Несколько тысяч или несколько десятков тысяч. Он срывает камешки, камни. Он поднимает белую пену. И стоит над землей целый ворох белых, голубых брызг—такая волна света. Горит, светит и движется.

Уже потом, долго просидев у падуна, я заметил на камне избушку. Здесь живет рыбак, который ловит семгу.

У этого рыбака с лопарями старинный спор.

Первые дни с лопарями

Раньше лопари стояли не против Териберки, а подальше, у этого самого падуна. Там они ловили семгу[1]. Но уже несколько лет семга отдана в аренду русскому рыбаку. И только в последнее время приняты меры, чтобы возвратить падун из единоличного пользования лопарской артели.

---

1 Семга идет по речке, идущей из тундры к морю и образующей водопад. Для того чтобы пройти из речки, ей нужно прыгнуть над камнями водопада. И она прыгает и большей частью попадает в расставленную в водопаде сеть.

К Северным народам

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Когда это будет окончательно сделано, лопари сломают в старом месте дома, сделанные из кусков земли, сложат дома на новом месте, а единственную маленькую избушку тоже перевезут к падуну. Лопарское становище против Териберки исчезнет, появится против водопада. Так движутся лопарские города.

Лопари на берегу моря живут летние месяцы. К началу осени или в июле они оставляют до будущего лета землянки и уходят со стадами в тундру.

Мой первый день у лопарей начался с того, что я, войдя с секретарем рика в лопарскую избушку, попросил лопарей взять меня к себе жить. Тут я увидел, что с лопарями надо говорить очень медленно. Лопари живут с оленями, с собаками. И совсем иначе движутся и говорят, чем мы, живущие в городе.

Маленькая лопарская избушка принадлежит двум семьям. Остальные шесть или семь семей живут в земляных немного больше человеческого роста постройках с дырой вверху--для выхода дыма.

Землянки эти называют вежами.

В избушке был стол и два стула. Впрочем, лопари редко сидели на стуле—им удобнее было на полу.

Среди ворохов шкур и обрезков материй сидела, мусля нитку, толстая, очень добрая с виду женщина, со щеками, как ягоды брусники, и маленькими глазами—и добрыми и хитрыми сразу, сразу все замечавшими.

Она на мой голос не дала ответа, точно для нее не было неожиданностью, что приехал человек из Москвы, перебрался через море—все для того, чтобы войти в маленькую ее избушку.

Секретарь показал меня, посоветовал меня взять. Но ответа от лопарей все не было. Хозяйка важно шила пимы—меховые сапоги, и видно было, что это для нее самое главное сейчас занятие.

— Вот я поживу у вас, потом вместе с вами пойду в тундру.

— Как ты попадешь в тундру? В тундре попадает нам река большая. Итти не сможешь. Разве на санки заберешься.

Потом опять стала шить. Шила, шила, и шили вместе с ней другие женщины, серьезные: иногда улыбнутся и опять работают.

Как я сговорился с ними, я точно и не помню. Как будто даже и не сговаривался. Помню, что вместе с ними сел есть треску.

Треску подали в общей тарелке. Потом стали для меня искать вилку. Но я от вилки отказался—стал есть по-лопарски. Брали просто руками. Треска была соленая, скучная. На этой треске придется просидеть неделю, а может быть больше, пока не пойдут лопари в тундру. Там, во время кочевья, будут убивать оленей.

Вежи

Выйдешь утром из избушки—перед тобой среди синеватого воздуха тундры точно шесть опрокинутых больших горшков курятся. Это вежи.

Подойдешь—вежа немного больше твоего роста, и в ней маленькая дверь. Согнешься до пояса и войдешь—не в помещение, нельзя назвать это помещением,—войдешь в страшную тесноту. У костра, на котором кипит чайник или варится в котле рыба, сидят, согнув колени, пять или восемь или больше человек. Среди них замечаешь и детей—маленьких и совсем маленьких.

Совсем маленькие, в коробах, завернуты, как багаж, и сложены вместе с тряпьем и мелкими вещами. Тут сидят и собаки, которые любят подлезать к костру и так же, как люди, глядеть на костер. И собак редко прогоняют. Забьешься и сам между собаками и детьми на белую оленью шкуру и сидишь в едком глухом дыму (если ветер не дает ему выходить кверху).

Вежа.

Имущества в летней

стоянке у лопаря всегда мало. Оно должно быть легким. Ведь приходится возить его летом на санках по болоту и камням.

И все имущество это сложено в нескольких деревянных легких коробках. Там одежда, стаканы, табак простой и нюхательный, старая подзорная трубка, ножи, оленья сбруя. Все большое, тяжелое и дешевое оставляется в землянке на зиму.

В избушке, кроме стола и стульев, была и печь. Печью этой поочередно пользовались все лопарские семьи для печенья хлеба. Жили в избушке так же тесно, как и в вежах.

Одного из хозяев не было. Он с женой ушел праздновать свадьбу за двенадцать километров.

Ушли с ними и другие лопари из вежи.

Остальные ждали их прихода, для того чтобы готовиться к общему выходу с берега.

К началу июля, обыкновенно, лопари уже выходят с оленями с летнего становища.

Но в этот год из-за свадьбы все задержались на берегу.

— Когда вы пойдете в тундру?—спрашивал я.

— А случится, и завтра пойдем. Вот только наши придут. Соберем оленей и пойдем.

— А ваши когда придут?

— А скоро придут. Может, завтра.

Лопари привыкли к тому, что их жизнь идет десятилетиями и не меняется. Они согласны ждать и день, и год, и десять лет. И мало событий случается, по которым можно было бы отличить день от года.

*

У моря, действительно, и день и месяц почти одинаковы.

Я перестал отличать день от ночи. К ночи солнце сядет немного над морем, но закатывается на самое малое время. И ночью оно блестит на горизонте.

И бывает странно, когда ночью встаешь с оленьих шкур и выйдешь на воздух.

Собаки лежат, так же как при дневном свете, подвернув голову. Свет их не пугает. У них тоже дня и ночи нет.

Над водой, над скалами кружатся те же птичьи стаи.

Так я потерял время. По календарю я с лопарями у моря жил две недели. И каждый день слышал, что «может, завтра пойдут лопари в тундру».

Совсем казалось похоже на птиц: сидят птицы на скале плотной, как будто даже спящей стаей, и вдруг и не узнал их: они все снимутся и летят уже порознь и потом опять вместе над скалами, скрываясь в далекую даль.

И мне нужно быть такой же птицей: не опоздать и вместе с другими подняться с камней, от моря, итти в поход.

Подошел к морю олень

Оленей я долго не видел. Все слышал от лопарей только об оленях. Видел и оленьи шкуры, научился различать шкуру молодого оленя от старого.

Лопари беспокоились, что в этот год бродящее по тундре стадо уйдет очень далеко и придется долго искать его.

Стадо бродит летом без пастухов, питаясь белыми мхами—ягелем.

Когда придет время итти, лопари пошлют пастухов, и те идут с собаками по следам стада, находят его за сто, за двести километров от моря, окружат собаками, погонят обратно к морю, к лопарским вежам. У веж лучших оленей лопари поймают арканами, запрягут в санки и на санках повезут имущество, детей, стариков и больных, а остальное стадо пойдет впереди с пастухами и собаками опять от моря в тундру, к осенней стоянке.

Часто бывает, что во время свободного хождения по тундре стадо распадается на несколько частей, которые отыскиваются лопарями уже к зиме. Часто бывает, что отдельные олени попадаются волкам. Поэтому-то лишнее время, которое лопари жили у моря в этот год, ожидая прихода со свадьбы, могло для них обойтись очень дорого.

Стадо, по их соображению, очень далеко ушло, рассыпалось и наверно частью погибло. Но, тоскуя об этом, лопари продолжали сидеть на месте и заниматься очередными делами: женщины шили пимы, мужчины смазывали тресковым жиром оленью упряжь. Собаки оставались пока без дела.

Мы на месте лопарей сходили бы за двенадцать километров в деревню, где пировали ушедшие на свадьбу, и позвали бы их, но лопари этого не делали.

Каждый мой день начинался разговорами с лопарями, что скоро придут со свадьбы, и мы все тронемся в тундру.

Однажды, выйдя утром на воздух, я увидел черного худого зверя, перебиравшего ногами метрах в сорока от лопарских землянок.

Я не сразу понял, что это олень.

Выбежали дети и вышли лопари смотреть на оленя. Это был молодой, с тонкой шеей зверь. Близко подойти к себе он мне не дал. Сразу оказался где-то далеко и скоро совсем исчез, слившись с черными скалами.

Но на меня этот приход оленя подействовал, как первые птицы весной. Ведь вместе с оленями я пойду туда, откуда приходил этот олень.

— Значит, близко бродят олени,—говорили лопари.

Следующими оленями была пара таких же молодых. Один держался далеко, как и всякий олень, не подпуская людей к себе, а другой, к моему удивлению, подошел к нам сам и, как собака, ткнулся мордочкой в мою ладонь.

У него были черные большие выпуклые глаза. Шерсть нежная, как шелк; на солнце вся она искрилась, а под рукой казалась бархатной.

Лопари мне объяснили, что этот теленок ищет хлеба. Его, очевидно, поймали русские, когда он с матерью подходил к русскому становищу, заперли в амбар и кормили хлебом. И потому он привык к людям.

От лопарей я узнал, что олень из рук ничего не берет.

Не берет и попробованный или примятый другим оленем мох. Поэтому оленям всегда нужна новая, неисхоженная земля. И человеку только приходится подчиняться—итти по тем путям, которыми исстари ходит стадо.

В русском поселке

Пока мы жили у моря, я несколько раз бывал с лопарями в Териберке. Ездили мы в лавку получать норму—хлеб, крупу, табак—на дорогу. У себя в избушке мои хозяева часто говорили о своих русских знакомых в Териберке. И вот раз мы поехали в гости.

Наладили карбас, забрали мешки и одним махом переплыли маленькую речку, к рыбачьим пристаням. А мне показалось,—я из одной страны попал в другую, проехал страшно большое пространство.

Лопари в Териберке шли гуськом, тихо. Мне показалось,—идут маленькие куклы—до того неподвижны и как-то сонны были их лица в этом русском становище.

Сначала мы отправились в гости в лавку. Пришли, сели вокруг на мешки и стали смотреть, как приказчик продавал рыбакам консервы, соль, керосин. Мне надоело сидеть. Я вышел, сходил на почту, купил карандаши для детей и вернулся. В лавке был только один человек—женщина, покупавшая ситец.

Лопари попрежнему сидели кольцом на мешках с мукой.

— Что же вы не спросите?—сказал я.

— Да видишь—в лавке народ.

Наконец народ—то есть женщина—ушел.

Тогда один из лопарей встал, погладил усы и сказал с волнением приказчику:

— Что у вас есть, Иван Максимович?

Так мы ездили в лавку. В лавке лопари ничего не взяли, потому что, как оказалось, забыли продовольственные книжки на том берегу, и, вместо того чтобы послать одного из своих переехать эту маленькую речку, пошли в гости к знакомым.

Торговец у лопарей

Русские к лопарским вежам приезжали редко. Помню один такой случай, когда приехал торговец с женскими платками, шелком, мужскими рубахами. Приехал менять на меха, шапки, пимы и всякое другое лопарское изделье.

Вошел торговец с большим узлом и на глазах лопарей развязал и вывалил разноцветные вещи. Лопарки с увлечением смотрели на вещи, но ни одна из них не взглянула на торговца. Торговцем они совсем не интересовались.

Начал продавец хвалить товар, раскидывать перед лопарками цветные платки, а сам присматривается к обрывкам меха, щупает их. Посидел, поговорил, при чем лопарки сидели, как горы, ничего не отвечали, а старшая, моя хозяйка Анна Михайловна, сидела и с аппетитом пила чай и смотрела в чай, а никак не на торговца.

— Принеси мехов,—попросил торговец.

Но ни одна не ответила. Две перебирали платки, а Анна Михайловна сидела и пила чай, тяжело дыша, точно через гору перебиралась.

— Видишь, я чай пью.

— Тогда пошлите девку,—сказал продавец и обратился к дочке хозяина—Нине, которая сидела, поджав ноги, и с интересом смотрела на товар. Нина подняла голову и не то брезгливо, не то с испугом посмотрела на торговца.

А торговец шутил своим басом. Лопари же говорят тихо и мелко-мелко барабанят словами, только и слышишь: т-ттт...

Лопарский мелкий и торопливый разговор почти ускользал от торговца. Он сидел среди лопарей, как среди совсем чужих людей, и наверное думал объегорить лопарей как следует. Только как к ним подступиться?

— Девка не твоя. Зачем ты велишь ей принести?—Так хозяйка ответила торговцу. А другие лопари с интересом перебирали платки.

— Тогда сама сходи,—сказал торговец.

— Ты видишь, я чай пью.

Торговец посидел, подождал. Как ни привык он ждать, обманывая и уговаривая покупателей, но, должно быть, так ждать, перед пьющей на полу чай лопаркой, закатившей от удовольствия глаза под лоб и не уделявшей ему внимания, ему показалось обидно, потому что он встал и сказал:

— Ты, наверное, три года будешь чай пить.

— Три часа буду пить,—сказала спокойно лопарка, как бы уничтожая разницу между часами и годами.

Но торговец выждал. Он весь вспотел, озлился, но выждал, пока после чая лопари, мелко поговорив между собой, принесли ему поглядеть шкуру и шапки. Торговец потрогал шкуру и стал торговаться. Торг шел очень медленно. Лопари казались очень заинтересованными в вещах, но мало заинтересованными в торговле, и, когда торговец сказал, что за такую шкуру не стоит отдавать хороший платок, лопарка всем лицом своим обиделась, подобрала под себя шкуру и долго молчала. А лопари сказали:

— Мы твоего товара не ругаем. Зачем ругаешь наш?—И еще пригрозили:—Если ты будешь так громко говорить и шуметь, то мы уйдем отсюда и оставим тебя одного.

Стали торговаться уже не на шкуры, а на деньги. Но деньги лопари предлагали неохотно.

— Два рубля мы не дадим. Мы бедные. На нашей земле мед не растет,—сказали они с укоризной торговцу, намекая, что на его земле мед растет.

Страна, где не растет мед

Накануне вечером я говорил с лопарями о нашей стране: что у нас есть, что растет. Полей лопари не имеют. Огороды есть у очень немногих лопарей. А таких овощей, как огурцы, многие из них совсем не пробовали. Видали в магазинах в Мурманске, да еще слыхали, как огурцы хвалил самоед (ненцы—родствен-

ный лопарям народ, тоже, как и лопари, живущий на севере). Так вот самоед ел в Мурманске огурец и зимой, заехав к лопарям в чум, рассказывал, что это хорошо. Также я упомянул, что в России есть мед. О меде они тоже слышали, даже, может быть, другие и ели его. Но поняли они все по-своему.

И сказали торговцу: «На нашей земле мед не растет».

Единственный товар, имущество лопарей—оленьи меха.

Самый ценный мех—пыжик. Этого меха как раз хватает на одну шапку с длинными, доходящими до пояса ушами, которые можно обертывать вокруг шеи. Этот мех легкий и нежный, как птичье перо. Когда его трогаешь, боишься его испортить. Этот мех с новорожденного оленя—пыжика. Пыжик—новорожденный олень—часто остается без матери. Неумелая мать уходит в стадо и не хочет его кормить. Тогда пыжика убивают. Он величиной с зрелого зайца.

Другой мех—неблюй. Неблюи—это годовалые телята, олени ростом по пояс человеку. Шерсть у них грубее и не похожа на пух, как у пыжика, а красиво блестит, точно намазанная маслом. Неблюев специально убивают ради их шкур. Из этих шкур шьют пиджаки, шубы для продажи.

Наконец третий сорт мехов—это мех старого оленя, обыкновенно загрызенного волками. Мех этот чаще всего зовут постелькой, так как на одежду он не идет, а употребляется для спанья. Спать в нем мягко и хорошо, если густая шерсть. Эти меха постилаются на землю, когда ставится чум. На этих мехах я провел без простынь несколько недель странствия с лопарями. Подушки же у лопарей были.

Я, как приехал, сразу заказал лопарские меховые туфли.

Вся зимняя обувь шьется из мехов. Для шитья меховых сапог—пимов—употребляются лапы, то есть снимаются с оленя сапоги и переобуваются на человека. Лапы—это шкура с оленьих ног. Для человека требуется несколько лап.

Мне для пути требовались в тундру особые сапожки—тоборки.

— Как ты пойдешь в тундру?—отговаривала меня хозяйка.—В твоих сапогах нельзя итти. У тебя тоборков нет.

Но я уже знал, что пойду в тундру. И сама хозяйка, отговаривая меня итти, должно быть, в то же время спрашивала у рыбаков, где достать кожи для тоборков.

Тоборки делаются из шкуры морского зверя. Это золотистая с коричневыми пятнами шкура. Ее нужно промыть в воде с содой, чтобы очистить от жира.

Тогда шьются короткие сапожки, в которых нога чувствует себя, как в чулке. Эти сапожки непромокаемы. В них можно итти по сырой земле, перейти ручей.

Пришел со становища русский рыбак и принес шкуру морского зверя.

Хозяйка сушила, мочила ее и предупреждала меня, что тоборки надо ночью спрятать от собак: иначе собаки съедят их. Собак мог приманить запах жира и сала, который так и остался в тоборках все время, пока я носил их.

Готовятся к пути

Еще не дождавшись людей со свадьбы, лопари стали готовиться к походу в тундру. На земле у каждой вежи стоят сани. Лопарские сани очень просты и легки. Иначе трудно было бы оленям тащить их летом по тундре, между камней, поднимать на горы, везти через быстрые речки, где сани должны то тонуть, то ударяться о подводные камни.

Лопари выносили из веж оленью упряжь. Упряжь эта сделана из кожи, из веревок. Все твердые связи, все, что в нашей рус-

ской упряжи делается из железа, у лопарей составлено из оленьих костей.

Здесь и мундштуки, и пуговицы, и застежки, и бляхи—все сделано из оленьей кости ножом. Работа над оленьей костью—очень большой; медленный труд. Упряжь лопари смазывали тресковым жиром, чтобы придать ей мягкость.

Теперь я уже начинал думать, что наше путешествие близко.

Подошло еще несколько оленей к вежам. Их ловили и привязывали к санкам. Когда я подходил к оленям, они отстранялись от меня,

Шьет пимы.

Удобнее всего оленя держать за рога, но нужно это делать очень осторожно. В эту летнюю пору рога—молодые (олень ведь меняет рога каждый год). Они тверже, чем тело, но еще не совсем похожи на кость. Они покрыты шкуркой, и сквозь ее пушок чувствуешь рукой горячую кровь.

Часто олень, ударившись о что-нибудь, идет с надломленным рогом, и густая кровь валится с него, как вишни с дерева. Последние дни жизни у моря я проводил в разговорах с лопарями и их детьми.

Дети лопарей

У лопарей детей мало. Трудная жизнь—кочевье по болотам, работа с сетью в осеннем озере—рано лишают лопарей здоровья. Стариков я видел среди лопарей очень мало.

Представьте себе, что перед уходом в тундру заболеет ребенок. Оставить его на берегу моря нельзя. Сдавать детей в больницу лопари еще не привыкли.

И вот лопарский народ идет в путь, а на санках вместе с вещами завернут в меха больной лопарский ребенок. Идет дождь и даже град. Санки тонут в холодной речке.

Народ лопари немногочисленный. В СССР их живет всего около двух тысяч человек. Потому лопари особенно внимательно относятся к детям. Кому же они оставят после смерти стада?

Каждый родившийся ребенок получает в подарок от отца и родственников оленей. На ухе подаренного оленя делают надрез ножом. У каждого лопаря свой знак на оленях—своя форма надреза.

Учиться лопарским детям приходится мало: они с отцами в кочевье.

Те ребята, которых я видел, учились по два месяца в году. У них временно была школа в зимней деревне. Покидая зимнюю деревню в кочевье к новым местам, лопарские дети покидали и ученье.

Я давал детям листы бумаги, и они, не умея написать слова, рисовали мне свою жизнь, то есть почти исключительно оленьи стада, среди которых едут на санках лопари. К стаду пририсовывали чум или куваксу—лопарское переносное жилище, которое ставится из жердей и парусины на пути в тундре.

Играют лопарские дети чаще всего, изображая оленя.

Ребята становились на пригорок, на берегу. Один брал аркан—веревку с петлей—и ходил, выбирая оленя. Другой выбегал из толпы и, подражая оленьему крику и движениям, бежал. Изображавший человека ловил «оленя» на большом расстоянии на бегу. Взмахнет арканом—и петля как раз падает на плечи «оленя». Тогда «олень» бросается на землю, брыкается, не дает себя вести.

Помню, я захотел испытать ловкость ребят и, побежав, велел меня ловить.

Когда я, разбежавшись, чувствовал себя на полной свободе, вдруг меня что-то сразу остановило,—это сидел на мне аркан. Даже не поверил, что я пойман.

Играя так, дети учатся работать, как работает взрослый лопарь.

Самый маленький, двухлетний или трехлетний Андрюша, по силе возможности также играл в эту игру. Он также подражал клеймению оленя, то есть подходил к прирученной, все время лежавшей у дома собачке и щепочкой «клеймил» ее уши.

История с собачкой

Незадолго до нашего отправления в тундру лопари рассказали мне, что они боятся, когда с того берега приезжают русские. Дети их бегут, прячутся в вежи. Раз, когда с того берега приехали несколько русских с ружьями и ушли в горы, лопари были недовольны и все вспоминали какого-то Ваську. Мне стало ясно, что кто-то обидел лопарей, и они свой испуг от одного человека переносят на многих русских.

Лопари стали мне рассказывать, как приехал из Териберки рыбак Васька и застрелил из озорства лопарскую собачку. «Оттого мы теперь не любим ребят выпускать, когда приезжают. Он, Васька, придет, опять будет стрелять». И просили меня, чтобы я подал на Ваську в суд.

Раз заговорив об этом предмете, лопари стали говорить и на другой и на следующий день. И каждый раз сообщали мне новые подробности этой истории: как Васька сошел на берег, прошелся между вежами, крикнул лопарю, чтобы он посторонился, и выстрелил в собачку.

История рассказывалась с таким волнением и так подробно, что я все время думал, что она случилась перед моим приездом и всерьез решил написать заявление в Териберкский рик на Ваську, чтобы он не смел шуметь на лопарском берегу.

Но когда я стал писать и спросил лопарей, вчера или третьего дня это случилось, они сказали: «Пятый год пошел» и продолжали говорить о собаке, жалея ее.

Из этого случая я понял также, как много доверия и бережного отношения должно быть между людьми, живущими вместе в тундре. Ведь никто не может охранить этих людей и их имущество. Что же случится, если какой-нибудь хулиган придет и ударит лопаря, или зимой, когда вежи оставлены и лопари от них за сотни километров, придет и сломает земляное жилище?

Особенно ясно это мне стало один раз, когда я взобрался на громадные скалы как раз над лопарскими домами. Я о домах

Идут искать стадо.

сначала забыл, а видел перед собой лишь синее пространство моря да черное пространство тундр.

И мне показалось: я один в этой громадной глубокой синеве и черноте. Мне захотелось движения.

На самом углу скалы, откинувшись над ней в пространство, стоял тяжелый камень. Может быть, я и не сумел бы его сдвинуть, может быть, это было бы много выше моих сил, но мне показалось тогда, что этот огромный камень так легко стоит на самом краю обрыва, что я одной рукой могу толкнуть его и он, рухнув со скалы, перелетит расстояние до моря.

И тут вдруг я увидел, что там, на земле, внизу, еле различимые от земли, стоят знакомые лопарские землянки. Стоит мне, действительно, столкнуть камень, и он со страшной силой полетит и по пути может разбить одну или две землянки с детьми, с собаками.

Так появилось у меня чувство ответственности за свои движения. И с тех пор, когда я снизу, находясь среди лопарей, смотрел на далекий, вверху висящий камень, я всегда вспоминал об одном и том же: как мало лопарей осталось на земле.

Пришли со свадьбы

И вот пришли те лопари, которые ходили вместе с женихом в недалекую приморскую деревню брать невесту. Зарегистрироваться нужно здесь в рике, в Териберке, а там был праздник и пили.

Оттого что на празднике запоздала брага (не было сахара, и ее варили, как часто делают на мурманском берегу, из конфет), запоздали и лопари. И, как только они вернулись, все сразу стали думать об ушедшем стаде, о том, что часть оленей сейчас, может быть, потеряна.

Стали тосковать.

Особенно сильно тосковали женщины. И я в этой суете и этом горе сразу почувствовал себя лишним. Хозяйка стала раздраженно говорить, что меня некому будет проводить из тундры, что они доведут меня только до осенних деревень и останутся там рыбу ловить, что в тундре я могу заболеть, что нам попадет большая река—как я ее буду переходить?

Но я верил, что меня возьмут в путь, потому что та же хозяйка через минуту, утешившись, пропуская через рот нитку, которой шила мне тоборки, говорила, что если я пойду через реку, то могу стать сзади на санки.

Искать стадо послали четверых лопарей. Дали им ташки (мешки с сухарями), чайник, арканы. Они пойдут далеко в тундру по следам оленьего стада.

Когда они найдут стадо, собаки погонят его к морю. Если пастухи долго не вернутся, значит они не догнали стада и вслед им пошлют другую смену. И вот лопари с высокими мешками за спинами держат на привязях собак. Собаки весь этот путь сделают с ними. Ушли.

Мы все живем у моря, дожидаясь стада и пастухов.

Свадьба в Териберке

У жениха с невестой стоял в стороне к скалам маленький шалашик, даже без дымового отверстия—только для того, чтобы в него сунуться и спать. Днем жених и невеста сидели в каком-нибудь другом чуме.

Жених был красивый молодой лопарь с важным смуглым лицом. На нем меховая шапка, а на груди цепочка от часов.

Раз, приехав с хозяином на нашем карбасе в Териберку, мы увидели на улице целую процессию раньше нас приехавших сюда наших же лопарей. Оказалось, жениха и невесту ведут регистрировать в рик. Я пошел со всеми.

Медленно поднимались по лестнице рика в комнату, где за красным сукном перед чернильницей и книгами сидел териберкский милиционер.

Жених и невеста (та в зеленом шелковом платье и с бисерной повязкой на голове) вошли, держась за концы носового платка. Это, должно быть, придавало всему особую торжественность и обрядность.

Когда стали спрашивать возраст жениха и невесты, то они сами не могли ничего ответить. За них стали припоминать другие лопари, и те как следует не могли определить.

За свидетелей просили расписаться меня, так как я «один был по-настоящему грамотен».

Потом лопари стали вставать. Андрей Михайлыч, который был в новом пиджаке и в штанах и со своими широкими усами походил больше на английского лорда, чем на лопаря, стал рыться в карманах, чтобы уплатить милиционеру.

Но тот объяснил ему, что за брак не платят. Тогда лопари стали по очереди подходить к милиционеру и благодарить его за регистрацию.

Потом мы обратно поехали на лопарский берег. В одной из веж был устроен праздник. Там сварили пиво. Так как в этой землянке собрались все лопари, и даже собак оттуда выгнали по этому случаю, там было так тесно, что я уж постеснялся входить, а только на миг увидел, открыв маленькую дверь, как на земле колени к коленям сидели лопари. Между ними еле помещался костер. Стояли ящички с чайными чашками.

Лопари на этой пустынной земле гораздо внимательнее берегут вещи, чем мы, живущие в городских улицах среди магазинов.

И поэтому у лопарей легче, чем у нас в городе, встретить старинной работы чашки, те самые чашки с густыми синими

пятнами, которые прежде были повсеместно в русских деревнях, а теперь уже исчезли.

От лопарок я впервые познакомился с нюхательным табаком. Они не курят, а нюхают. Табак этот, мелкий, как порошок, носят с собой в маленьких тавлиночках, и среди бабьего разговора часто вынимают эти тавлиночки, и в разговор вмешивается долгое крепкое чиханье.

Очень любят, зажав одну ноздрю и пустив в другую струю табаку, несколько секунд ждать с открытым ртом и трясущимися плечами, пока не заберет окончательно все тело. Тогда послышится глухое чиханье, и из глаз потекут слезы. Так невелики развлечения среди лопарей.

Впрочем в той же Териберке с лопарями видел я кино.

В клубе и в гостях

В Териберке на самом видном месте среди песчаных улиц стоит большой дом—клуб. Там, перед клубом, на песчаной площадке часто вертятся футболисты. В том же доме группа пионеров занимается физкультурой.

Взрослые рыбаки читают журналы, играют в шашки.

О кино я узнал еще на лопарском берегу.

— Вот приедут в Териберку, будут показывать кино,—говорили лопари. Все они, и многие уже не один раз, кино видели. Я спрашивал, что им нравилось в кино. Они не запоминают картины в целом. Из прошлой картины им понравилось, как один человек загляделся на бабу и упал в озеро.

Видели они и спектакли в клубе. В спектаклях им самое важное,—о чем будут говорить актеры.

Содержание пьес мою хозяйку Анну Михайловну не интересует. А интересует ее вот что:

— Мне про любовь неинтересно, как представляли. Мы сами знаем любовь. А интересно, что они скажут. Что знают, то и скажут.

Приблизительно так же слушали раньше карелы и лопари калевальские песни, внимательно прислушиваясь к каждой подробности, принимая ее всерьез.

На этот раз в Териберке предполагалось кино. Мы приехали на карбасе и первым делом отправились в гости к знакомому рыбаку-колонисту (так называют постоянно живущих здесь рыбаков).

Этот колонист был лопарям даже дальним родственником. Он выставил для нас на сковородке жареную камбалу и чай.

У себя лопари редко едят что-нибудь, кроме трески, и то сами не ловят, а покупают у рыбаков.

Камбалу я только раз или два ел у лопарей.

Камбала—рыба, почти не имеющая толщины и имеющая одну ширину, то есть она похожа на широкий листок с дерева,—большая, почти квадратная рыба, которую можно положить только на бок.

Кажется, что она урод, у ней срезали половину тела. Оба глаза у ней на одной стороне.

С колонистом мы вели разговор о тундре и о дальних землях.

Большинство рыбаков не знает совсем тундры и не любит ее. Зато великолепно знают море, его волну, далекие северные острова, все скалы, места, где тонут корабли.

Странно живут рыбаки: на узенькой полоске песка у моря, у земли, на которой не сеют, около пространства, куда совсем не ходят. Никто не пойдет гулять дальше сотни шагов от Териберки. В Териберке песок, а там скалы, ручьи, мох и болото. Так поделена земля: рыбаки—в море, лопари—в тундре. Рыбаки на море, как на твердом месте среди всех этих ветров и волн. Лопари на болоте—на своей родине. Этот же колонист тундру отчасти знал, потому что ездил к осенним лопарским деревням за травой. У этого колониста есть корова.

Корова на мурманском берегу большая редкость. И молоко, которое остается у него, он не продает всем, а только больным по записке врача. Лугов вблизи нет. От Териберки луга—больше чем за сотню километров. И то не луга—кочкарник, болото. Я о них расскажу в следующих главах книги.

Сено колонист возит зимой на санях.

В разговорах о тундре он чаще всего упоминал комаров и мошку.

Здесь время рассказать и о комарах.

Еще в дороге, проезжая станции Мурманской дороги, я увидел силу комаров. Все работавшие здесь люди были в накомарниках, плотно закрывавших лица. Уезжая в Териберку, я не думал, что попаду к лопарям, не знал, что против Териберки лопарское становище и что я, распростившись с морем, пойду в тундру.

Поэтому я не достал накомарника.

Тундра.

В Териберке, у моря, на ветрах, комаров нет. Но стоит переехать к лопарям—начинаются комариные стаи.

По утрам я выходил из домика побродить по скалам.

Замечательная вещь—итти и видеть далекую полоску равнины, которая идет среди гор.

Нигде—ни в Крыму, ни на Кавказе—я не чувствовал после такого широкого, звучного пространства. Гуляя здесь, можно было легко представить себе древнюю историю, первобытные кочевые народы, путешествовавшие, так же как лопари, по нетронутым землям. Но я скоро почувствовал, что здесь и думать и смотреть трудно. Комары садятся на плечи стадами. Слышен глухой ядовитый вой.

И тебе нельзя глядеть: комары засыпают тебя. И пока ты их давишь, ты перестаешь думать и жить. Плечи моего макинтоша были черны от раздавленных комаров. И уже после путешествия у меня сохранилась привычка проводить рукой по задней стороне плеча. Это тот привычный жест, которым я уничтожал комаров в тундре.

Но еще хуже для человека мошка. Она не кусается, а как-то прилипает к лицу и этим страшно его раздражает. Я вполне верю рассказам о том, что мошка заедала людей. Если представить себе человека, оставленного в тундре со связанными руками, и представить, как ему на лицо садится мошка, для живших с мошкой станет ясно, что это самая мучительная смерть. Еще мы говорили с колонистом о приезжающих писателях, которые пишут о Севере, пожив два-три дня в становище.

Мох—ягель.

В этом месте моей книги мне хочется обратиться к читателю.

Товарищи, будьте верны своей революционной, большевистской закалке. Никогда не пишите о тех вещах, которых вы как следует не пережили. Становитесь писателями только тогда, когда у вас есть опыт

в каком-нибудь деле. Иначе будут над вами смеяться и рыбаки и лопари.

Рыбаки будут говорить, что вы не знаете, что называют сетью и что называют крючком, а лопари... Уж не знаю, что скажут лопари.

Один писатель изобразил в своей книге лопарей дикими, сильными людьми, пожирающими сырое мясо, отбивающими друг у друга жен. Писатель этот читал в детстве неправдоподобные романы из жизни североамериканских индейцев. Кроме того он проехал на пароходе вдоль мурманского берега. Но вряд ли он видел лопарей, так как узнал бы, что лопари—люди маленького роста, очень тихие, которые ни с кем ругаться и драться не будут, а если их обидели, поворотятся и уйдут.

Рыбаки же в Териберке очень смеялись над одной книжкой, где изображены разные невероятные случаи из их жизни.

От колониста мы пошли в териберкский клуб. Сидя на крыльце, хозяин Андрей Михайлыч наблюдал, как возятся с мячом полуобнаженные футболисты. Потом мы поднялись и вошли в самый клуб, где много было народа. Сидевшие там молодые рыбаки спрашивали, не писатель ли я, и усмехались, узнав, что я писатель.

Оказалось, что вместо кино будет спектакль.

Долго лопари сидели перед занавесом. Изредка чему-то усмехались. Спектакль их не удивил. Показывали две пьесы: одну про попов, другую—как женщины отказались работать на мужей и мужчинам пришлось поставить самим самовары. Все это показывалось в назидание старым рыбакам, которые любили еще сходить в стоявшую на берегу моря церковь.

Лопари не столько вглядывались, сколько вслушивались. После спектакля, дома, лопарские женщины, собравшись вместе, о чем-то говорили. Говорили и на следующее утро.

— Знаешь, о чем мы говорим?—сказала хозяйка.—Про то, как у мужей женка ушла.

Они говорили о спектакле с той серьезностью, с какой говорят о действительных событиях.

Пришли пастухи

Лопари начинали бояться за пастухов. Те уже несколько дней бродят в тундре. Пищи у них немного. Главное—могут выйти спички, и тогда нельзя будет согреть чайник. Опять нашло на всех нас пасмурное, угрюмое настроение, когда уже не до слов бывает.

С уверенностью говорили лопари, что всего стада в нынешнее лето пастухам не собрать, часть стада наверное откололась и ушла далеко, и найдут они этих пропавших оленей, может быть, только зимой.

Тут лопари стали мне рассказывать о трудностях пастушьего пути.

Пастухи идут по следам—от горы к горе, вокруг озера—целыми днями. Еще труднее итти обратно со стадом. Стадо идет быстро. Его мучит комар. Оно останавливается поесть на короткое время или прилечь и встает так же быстро и неожиданно. Поэтому лопари едва успевают согреть чайник. Иногда только что согретый чайник приходится выливать. И не поспевшие напиться лопари идут за оленями, за стадом, за которым следят, которое направляют собаки.

Многие сотни километров делают так лопари. Расстояния они не привыкли считать.

Народ слабосильный, они в этой ходьбе очень выносливы—сотни километров почти без отдыха.

И вот в нашей избушке сидит вернувшийся похудевший пастух.

Его лицо потеряло всю жизнь, и он едва умеет ответить на вопросы. А под столом еще более похудевшая собака.

Вы наверное знаете то состояние усталости, когда человек настолько нервно измучен, что не может спать, не может и есть, организм его не действует ни в каком направлении.

Собаке давали есть. Она не ела.

Пастухи прошли несколько сот километров.

Не догнали стада.

В этот год стадо совсем далеко ушло. Боялись истратить последние спички и вернулись обратно. Нужно посылать новых пастухов. И новая смена собралась, взяла собак и пошла. Да, наступило время работы и для собак.

Лопарские собачки

Лопарские собачки—мирного нрава. Они небольшие, с широкой мягкой шерстью. Когда увидишь такую собачку лежащей у вежи, непременно подумаешь, что она могла бы тебе много рассказать.

Лопари да собаки—самые старые жители (кроме конечно оленя) в этой стране. Весь труд лопаря проходит совместно с собаками. Собаки сидят в чуме рядом с лопарем у костра. И едят вместе с ним. И разговаривает он с ними, как с детьми.

— Говорят, что собаки в дикое время говорили,—сказал мне в чуме лопарь. Лопарям казалось, что собака только недавно замолчала и то не навсегда.

Действительно, собаки здесь во многом подобны человеку. Люди живут у моря, не двигаясь, сберегая силы, чтобы потом двинуться вместе с оленями в тундру. И собаки сидят так же, но сидят не лениво, как некоторые наши избалованные городские собаки. Сидят они очень сдержанно и серьезно, зря не лают и не двигаются, и нервничать, рваться с привязи начинают только тогда, когда увидят оленье стадо.

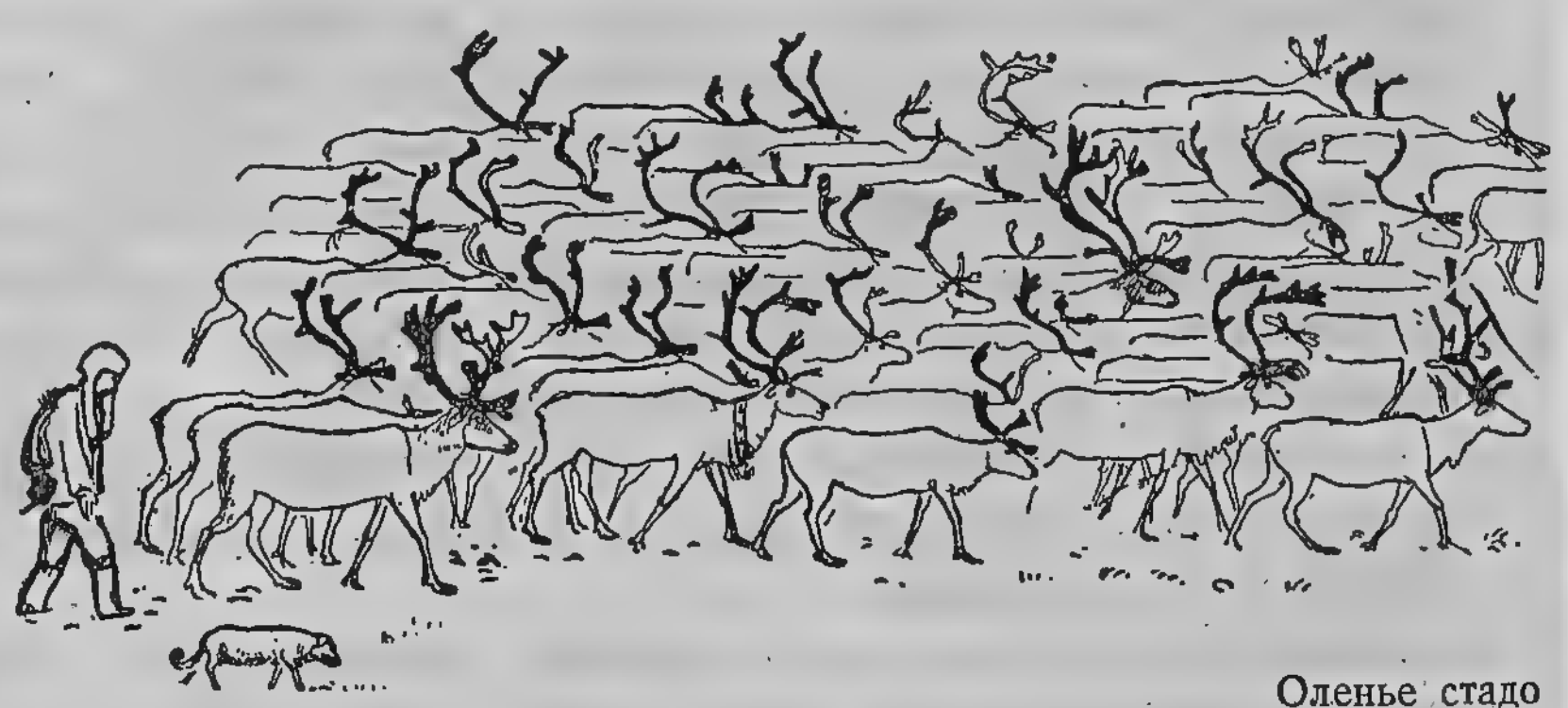
— Мы нашим собакам зря кричать не даем,—сказал лопарь.

И верно, услышав каждый раз собачий лай, он одергивал собаку, и та сразу становилась тихой.

Гнать стадо оленей собаки умеют великолепно.

Я помню, как оленя пришлось перевозить через реку. На лопарской стороне колонисты купили оленя. Нужно было перевезти его в Териберку. Олень стоял привязанным к санкам. Черные рога его были совершенно неподвижны, как черная корона.

К нему подошел колонист с собакой, накинул аркан и стал звать.



Оленье стадо

Но оленя трудно сдвинуть с места, он сразу весь врастает в землю, и его тянуть—точно дерево веревкой из земли.

Колонист тянул, как тянут баржу. Веревка натянулась, как канат, все тело оленя вытянулось, вышли из орбит глаза, но он стоял совершенно неподвижно.

Потом он упал на землю, зацепился ногой за рог, и колонист попробовал тащить его за веревку по песку, как санки.

— Пусть позовут собаку,—сказал он наконец.

Крикнули лопарскую собачку. Небольшая, шустрая, она прибежала сразу. Олень моментально почувствовал ее присутствие и встал. Колени у него начали вздрагивать. Собачка металась около него, как белый клок, с лаем, и олень моментально пошел. Перед самой лодкой он опять упал на землю, но на этот раз собачка очень быстро укусила его сзади. И он опять сразу встал. Оленя столкнули в воду.

возвращается на стоянку.

Колонист сел в лодку, и карбас пошел к другому берегу. Олень поплыл сзади. Его держали на веревке.

Народ в древности

Побыв с лопарями, я наяву увидел страницу из древней истории человечества, когда все народы жили, как пастухи, и когда больше надеялись на собаку, чем на себя. Лопари—народ, сохранивший остатки такого древнего быта до нашего времени.

Когда-то человек бродил по северу не как пастух, а как охотник. Стрелами он убивал оленей из диких стад, бродивших повсюду. Мясо он ел сырым и только постепенно научился жарить его на костре, добывая огонь из дерева и камня. Привычка есть сырое мясо сохранилась еще у ненцев (самоедов) на Севере. С другим народом—ижемцами—я ел сырую рыбу на Кольском полуострове.

Оленью кровь охотно пьют ненцы. Лопари ее пьют редко, главным образом от слабости.

Жил первобытный человек вероятно в углублениях среди скал. На камнях сохранились следы древних людей. В Карелии и Лапландии на реках и озерах встречаются камни с высеченными изображениями. На одном из них изображен голый охотник, окруженный всеми зверями, которые водились на Севере. Многих из этих зверей теперь уже не сохранилось.

Позднее жилищем человека стал шалаш.

Сначала собака помогала человеку в его охоте, потом она стала помогать гнать стадо. Охотничьи инстинкты в собаке и страх оленя перед собакой остались до сих пор, иначе не объяснишь, каким образом три или четыре маленькие собачонки могут согнать в стадо полсотни разбегающихся оленей и гнать их стадом сотни километров. Позднее часть народов перешла к земледелию.

Но вот мы дожили до такого времени, когда самые разные народы объединились в одно социалистическое государство и когда некоторые лопари от древних форм кочевой жизни сразу переходят к жизни оседлой: уезжают учиться в школы, вступают в колхоз.

Теперь я расскажу, как появилось наконец оленье стадо и как лопарский народ с собаками, с детьми, с почти умиравшей старухой пошел в тундру. Нужно упомянуть еще о том, что лопари, готовясь итти в глухую землю, взяли с собой кота. Кот был взят у колониста из Териберки. Посредине тундры на озерах стоит маленькая лопарская деревня, где лопари живут несколько месяцев осени. Там, в амбарах, они с зимы запасают хлеб. Там лежат их вещи. И кот должен был пойти с лопарями в тундру, чтобы охранять запасы—от мышей, что ли?

Я мог сравнить себя с этим котом.

Кот и я были двумя единственными существами, которые должны были в первый раз пойти в тундру, переплыть реки и достичь далеких лопарских жилищ.

О смерти кота я расскажу потом, когда подойдем к описанию перехода реки. Теперь же будем жить так, как живут лопари.

Пуас

Пуас—значит олень.

Я выучил несколько лопарских слов от детей и хочу передать их читателю: олмэн—человек, лейб—хлеб, пыт—дай.

И вот дети вбежали и закричали: «Пуас!»

И сразу все лопари встали, пошли, как на праздник, точно отца приехавшего встречать. Все лопари шли из веж. Шли они радостно, но медленно. Я, обогнав их, вышел вперед, смотрел в даль, но ничего не видел.

Подошли лопари и стали с удовлетворением смотреть на горы.

— Где стадо?—спросил я.

— Сейчас оно идет по той горе.

Но сколько я ни смотрел, я не мог увидеть стада.

Потом различил козявок, ползущих по горе.

Долго я ждал и наконец увидел массу бегущих, идущих оленей.

Едва различал в этой массе рога отдельных быков. Потом масса остановилась, стала. Я подошел и стал разглядывать стадо.

Трудно было сказать, сколько тут было оленей—сотни две-три. Не только подсчитать, а рассмотреть какого-нибудь отдельного оленя в этой двигавшейся массе было трудно. Все стадо шевелилось. Олени перебегали с места на место, терлись друг о друга. Посредине возвышались большие и спокойные рога. Там стояли старые быки.

Лопари же сразу разглядывали оленей. Иногда над стадом летал аркан. И лопарь тянул оленя посмотреть уши—чей надрез.

Большинство же помнило своих оленей, видело, какие есть, искало отсутствующих.

Дети собрали ветки мелкого хвойного кустарника и запалили костры. Стадо оленей стояло, окруженное кострами. Пошел дым, который охранял оленей от комаров.

Надо было собираться итти. Пока я жил у моря, мне все казалось, как долго мы не идем. Все готовился. Потом, когда пошло стадо, показалось, что мы идем неожиданно.

В тундру на оленях.

— Ведь стадо долго стоять не будет,—говорили лопари,— его ест комар.

И, значит, покуда стоят в дыму эти серые тела зверей, мы должны собраться, превратить все имущество в багаж. Наш будущий полотняный город—парусина и жерди для кувакс (чумов)— уже на санках. И вот мы сдвинулись с места.

Перед отходом мы пьем чай. Совсем как в буфете перед отходом поезда. Горы и море остаются на месте. Но напротив Териберки теперь будут стоять пустой домик и пустые землянки. Был городок—и нет его.

Лопари в тундре

Перед уходом мы несколько санок, которые с собой не берем, затащили в домик. Там остается много вещей, но их никто не тронет.

Двери в дом изнутри подпираем санями, сами вылезаем в окна и начинаем забивать их, чтобы спасти стекла—самое ценное в доме.

Теперь вся наша жизнь на санках.

Вывели больную старуху, лежавшую безмолвно на полу в домике, положили на санки, закрыли мехами. На других санках уложены деревянные короба с сухарями (целую неделю пекли хлеб и сушили для дороги), чайники, посуда, рубахи, одежда, шесты и парусина для кувакс, оленьи «постельки».

Теперь на верха кладут маленьких детей. Ввязывают их в мех так, что одни лица видны. У одного красное лицо; он молчит, у него жар—началась корь.

Хозяин идет с арканом и собаками ловить самых сильных и приученных к санкам ездовых оленей. В этот год—горе: большая часть стада все-таки не вернулась, отбилась в тундре. А там были самые сильные ездовые быки. Приходится ехать на слабых. Лопари очень этим удручены.

С большим трудом запрягают оленей. Они бьются, падают на землю. Андрей Михайлыч ругается. Но наконец все готово. Лопари машут длинными шестами с костяными шарами на концах. Олени сперва не хотят трогаться, но с помощью собак мы все двинулись. Санки потащились по камням. Мы идем следом за ними. А впереди перед нами идет стадо и с ним дежурные лопарские пастухи.

В тундре

И вот открылись передо мной те далекие страны, о которых я прежде читал, рядом с которыми прожил две недели на берегу моря. Я мог попасть в эту страну только с лопарями, потому что от моря в глубь страны никаких дорог нет. Лопарь узнает в этой стране следы оленьего стада.

На больших расстояниях друг от друга у озер лежат камни прошлогодних костров. Таким путем я должен итти.

Взгляните на карту Кольского полуострова. На изрезанном заливами берегу точками помечены становища рыбаков. В глубь страны с морского берега идут реки. А в середине Кольского полуострова, между горами и озерами, всего несколько названий лопарских и ижемских деревень. Эти названия относятся к поселкам, которые по нескольку месяцев в году остаются пустыми: часть года жители их бродят со стадами по тундре.

Я мог приехать в Териберку не в июле, а в августе.

Я спросил бы в рике, где живут лопари. Мне указали бы на темные землянки на другом берегу речки и ответили: «Лопари

летом жили здесь, но неделю тому назад ушли в тундру». Если бы я попросил секретаря сельсовета указать точно то место, где живут сейчас лопари, он рассмеялся бы. Никто из русских не сумеет меня проводить к тому лопарскому городу, который стоит теперь в пяти или десяти километрах от берега, неведомо у какого озера.

Впрочем, к этому городу можно дойти по следам примятого мха, по пути большого стада. Город этот состоит из восьми куваксов—построек из жердей и парусины. Завтра этот город будет на новом месте.

Первую остановку в пути мы должны сделать в нескольких километрах от Териберки. Точно расстояние в тундре определить я не умел. Стадо идет, огибая горы и озера; подъем на большую гору кажется далеким путешествием, потому что с санками на гору ехать трудно. Поэтому и расстояние в тундре для лопарей измеряется не километрами, а теми усилиями, с какими им приходится итти. Я уверен, что в первую ночь мы сделали не больше пяти километров, но они показались очень большим путем.

— Будет большая гора,—говорили лопари.

Они нервничали, ожидая эту гору. Каждый год она встает перед ними, и каждый год с прежним трудом они гонят запряженных оленей на гору. Олени срываются, санки застревают в камнях.

У берега моря идет горная тундра. Горы невысокие, но они кажутся большим препятствием перед идущими за санками лопарями.

А за горами пойдет «гладкая тундра»—болото, местами сухая земля, закрытая белым мхом—ягелем (главной пищей оленя).

Как ходят за оленем

Перед нами далеко шло стадо и с ним очередные пастухи. С нами шло с десяток упряжей. По два, по три оленя запряжены в санки, за ними гуськом идут другие санки этого хозяина. И все упряжи тянутся медленной стаей к горам. Собаки бегут рядом с санями. Хозяин идет с хореем—длинным шестом, погонялкой. Изредка,

когда встретится болото, он присядет на сани. Хозяйка Анна Михайловна из-за больных ног и своей толщины почти весь путь сделала на санках.

Я шел весь путь пешком, за исключением редких случаев, когда попадалось особенно трудное для меня болото.

На одних наших санках лежала старуха, которую лопари уже в пятый раз везут в тундру, осуждая ее за то, что она долго не умирает.

Теперь я перечислю, кто шел.

Группа лопарей, живущих около Териберки, невелика, чтобы не ошибиться—человек тридцать. В семье моего хозяина были: сам хозяин—Андрей Михайлыч, жена его—Анна Михайловна и приемная их дочь Нина. Да еще шел работник Олимпий.

Дальше шел брат Андрея Михайлыча с женой, сыном и матерью жены. Сыну было около трех лет, и его обе семьи считали своим главным наследником.

Потом шел новобрачный с молодой женой. У них не было своего чума. Шла еще большая семья лопарей—фамилий их я не помню.

Шел молодой лопарь, Омелиан Пелькин, с женой и годовалым ребенком. Этого Пелькина лопари считали за самого глупого человека за то, что его отец всю жизнь пил и раздарил приятелям все стадо, и за то, что Омелиан не умеет ходить за оленями.

Шла вдова с дочкой. Дочка эта часто жила в русских становищах и по-лопарски говорить не любила.

В этом составе людей было шесть детей школьного возраста, четыре девушки и один парень.

Мы подошли к горе.

Гора не могла удивить своими размерами. Могла она удивить одним: как можно оленю с санками подняться по этому камню, местами очень покатому и гладкому, как мыло. Лопари тревожились. Они, увидев гору, точно удивились ей, что она опять на месте, как и в прошлые годы, никуда не сошла, загораживает тундру, и придется по ней итти.

Готовились к переходу они медленно. Свободные, не управлявшие оленями лопари и несколько мужчин пошли на гору.

На одном краю горы лежала большая полоса нестаявшего снега. В холодное лето в Лапландии на склонах таких холмов часто лежат глубокие снежные пласты. По этому белому пятну решили взъехать два лопаря, считая, что по снегу с санками будет легче. Остальные стали гнать оленей прямо на песок и камень.

Олени двинули санки на высоту и остановились—песок мешал им, камень их сбрасывал. Санки накренились. Их приходилось поддерживать.

Стоит вспомнить, какую муку переживали лопари, стоявшие на вершине горы. На их лицах я видел отражение всего труда, с каким шли и срывались олени. Наши санки точно замерли на горе. Олени не могли поднять их. Ноги оленей раскатились, копыта били о камень. Тогда лопари позвали собак. Лопарские собаки бежали в сторонке, все время прислушиваясь и присматриваясь к хозяевам. Они все понимали. Когда лопари крикнули на них, собачки сгрудились в стороне и начали бешено лаять. Эта лающая кучка действовала на оленей—выпрямляла их мускулы. Олени готовы были вывезти санки.

Страдали лопари, страдали собаки, и тужился вывезти санки олень. Лопарские крики стояли над стадом.

Наконец особенно звучный собачий лай, и безмолвные олени преодолели самое трудное место.

Теперь итти легче—санки скользят свободно по гладкому сухому покрову тундры. Лопари начинают шутить.

— Теперь ты видел, какая у нас гора?

От Териберки мы отошли совсем немного. Но после этого напряженного, вымеренного столькими шагами оленя пути Териберка кажется оставленной далеко за горами. Если бы я без оленей, один, сейчас пошел назад, то через час, самое большее, я вышел бы обратно к забытым лопарями вежам.

Но я отказался от этого легкого пути, меня завлекает итти с лопарями дальше.

Солнечная ночь

Мы вышли вечером и идем за оленями ночью. Ночью меньше мучит оленя комар и прохладнее и лучше итти. Теперь, для того чтобы вы могли представить себе ночь в тундре, я советую вам закрыть глаза и представить, что перед вами блестит озеро. Блестит оно не по-ночному, в луне, а от не зашедшего над ним солнца.

Представьте розовый конец неба. Тучи. Особенный белый оттенок на всей земле, ровной и чистой. Эта белая пустота окружает вас.

Задумались ли вы о чем-нибудь, сказали ли, вы сразу вслед за вашей мыслью и словом продолжаете чувствовать эти белые холмики, эту почти прозрачную землю.

Мы вошли в полосу белого мха—ягеля.

Олени останавливаются и жуют мох. Мы тоже остановились. Хорошо в этой прохладе сесть на камень. Нам вынули сухари. Сухари дают и собакам. В тундре не пекут хлеба.

Мы пойдем до осеннего места с одними сухарями. А на осеннем месте в амбарчиках лежат еще прошлогодние сухари.

Лопари думают, где остановиться: пройти еще немного или сделать стоянку у того большого озера.

Где выбирают стоянку

Нужно, во-первых, чтобы место было сухим, во-вторых, чтобы оно было у озера, наконец чтобы кругом было много ягеля и еще, чтобы росли березки или другой какой кустарник для костров.

Обычно местом стоянки бывает небольшой холм у озера.

Холм этот покрыт «лесом», то есть маленькими, в рост школьника, березками.

Нашли такой холм.

Он был белым прекрасным местом. На нем росли березки, и под холмом лежало озерко.

Ехавший впереди нас лопарь стал поворачивать свою упряжь к этому холму, и я понял, что здесь, на этом прекрасном белом месте, у воды, будет наш первый город.

Наш город

И вот мы ставим город. Остановили оленей. Хозяйка распрягает их и разговаривает с ними. Они бьются, рвутся в ее руках.

Но наконец они свободны от упряжи. Постояв немного, они делают прыжки и скоро исчезают в тундре. Сейчас они уже не упряжной скот, а свободное стадо.

Мы остались с санками на свободном месте, среди березок, над водой. Здесь лежат четыре камня, сдвинутых в круг.

— Здесь мы останавливались в прошлый год,—говорит лопарка.—Здесь была наша кувакса. Вот завтра будем останавливаться на новом месте, так придется камни выбирать для костра. А здесь готовое.

Вокруг этих камней мы начинаем ставить жилища.

Пришедшие раньше нас лопари уже поставили невдалеке среди березок две куваксы—остроконечные палатки, напоминающие опрокинутые воронки, и из верху одной уже идет дым. Значит, там костер.

Как ставится кувакса

Мы снимаем с санок длинные шесты и ставим их вокруг камней, склоняя и соединяя их вверху. Получился скелет дома. Потом лопарка торжественно берет парусину, и мы надвигаем парусину, тянем ее от шеста к шесту—самый верх не захватываем, там остается дымовое отверстие. Наконец кувакса закрыта, туда можно войти, почувствовать себя в доме. Поднимающееся солнце светит через парусину.

Входить в куваксу надо в том месте, где конец парусины не скреплен с шестами, а просто наложен. Я часто забывал, где вход в куваксу, просто поднимал натянутую парусину и влезал внутрь, как мышь, и хозяйка смеялась надо мной.

Потом нужно нарвать березовых веток, для того чтобы застелить середину куваксы вокруг костра—сделать зеленый пол.

По краям, ближе к парусиновой стенке, мы развалим меха и подушки, а в середине эти березовые ветки. Это—украшение дома. Нужно чем-то закрыть землю.

— Ты не сумеешь брать березовые ветки,—говорит хозяйка.

В выборе этих веток хозяйка очень внимательна. Все равно, как у нас в лавке: прежде чем покупать вещь, вдоволь оглядят ее, так лопарка и ее дочь оглядывают на маленьких березках ветки с мелкими изящными листиками, напоминающими мне по своей величине и свежести пальцы маленьких детей.

Потом я узнал, что при выборе невесты обращают внимание на то, умеет ли девушка хорошо выбрать и разложить березовые ветки.

Я искал хорошие ветки вместе с хозяйкой, но разложить их по куваксе не сумел. Раскладывала веточку к веточке Нина—молчаливая лопарская девушка.

Дальше меня послали с чайником. Я взял воды из замечательно чистого, светлого озера, лежащего у подножья холма.

Камни стоят в глубине, воды над ними точно и нет, а только самый легкий воздух собран. Смотришь в слегка темную глубину озерка и видишь, что это глубина, но воды не чувствуешь.

Поэтому в Лапландии не боишься заразиться от сырой воды. Там и воздух и вода не заражают. Теперь ученые пришли к заключению, что от таких болезней, как туберкулез, легче всего лечить на крайнем Севере, в абсолютно чистом воздухе и у чистой воды.

Когда я поднялся от озерка к куваксе, я увидел уже целый город из восьми парусиновых домов. Над нашей куваксой стоял дым. Когда я туда забрался, там было уже тесно, как в доме: меха, подушки, посуда и люди. Вот здесь, у костра, я и буду жить.

Над костром вскипел чайник. Мы сидели, поджав ноги, и хозяин Андрей Михайлыч шутил с собаками. Он был очень занят этой игрой. По временам мне казалось, что собака—это гость, пришедший к нему поговорить. Он бросал собаке мяч, хохотал, когда она его грызла. И мне стало казаться, что собака здесь, в куваксе, как сын: уйди, умри собака—потеряется что-то очень большое.

В чуме

Солнце уже поднялось высоко, и стало в воздухе душно. А главное—тяжело от комаров. В куваксе же нелегко от дыма, который ветер загоняет обратно. Чай в куваксе—прекрасное дело. Сразу чувствуешь, что некуда итти, что кувакса будет стоять здесь долго, может быть, день или два, что в куваксе можно рассказывать сказки.

И, глядя на тихий пламень костра, мы начинаем думать и разговаривать о русской и лопарской жизни. То, что я слышу от лопарей, кажется мне сказкой.

Мне дают кусок какой-то рыбы, и я, вкладывая ее в рот, чувствую, что это семга, что такой семги я никогда и нигде не ел. Это не залежавшаяся в магазине рыба с запахом стен и полок, это настоящий подарок моря, северного воздуха и северной чистоты.

Куски дают и собакам. Две собаки лежат головами к костру, между людьми. Меня забавляет теснота в куваксе—такая, что едва можно между людьми всунуться собаке. Но эта теснота не связывает ни рук, ни ног. Наоборот, чувствуешь себя особенно просторно и даже как-то воздушно, точно ты не придавлен к земле, а в облаках.

В куваксе.

Пьем чай. В путешествии кончается то, что для меня является самым скучным воспоминанием о мурманском береге — постоянная треска.

Скоро в тундре убьют захромавшего, отстающего от стада теленка. Я буду есть оленье мясо—опять-таки мясо не застоявшихся в те-

лячьих вагонах и убитых на бойне телят, а мясо животного, убитого не на родине, в тундре.

После чая мы будем спать. Ведь мы ночью шли и спать должны днем. Хотя ночью солнце почти не заходит, все же разница между днем и ночью ощутительна. У моря она меньше. А здесь, в тундре, днем солнце начинает даже немного палить. Иногда людей и оленей мучат комары. Ночью же идешь по ровному холодку среди белого света. Я так и привык: часть дня проспать и начинать настоящий свой день к ночи, когда засыпает над краем земли солнце, воздух желтеет и темнеет, и начинают ловить оленей в путь. Тогда и начинается для меня «день».

Календаря со мной не было, так что отсчет дней и недель меня не интересовал. Все равно я выйду из тундры не раньше, чем доведут меня лопари. Приходится итти лопарским путем.

Сон и стадо

В первый ночь-день в куваксе я увидел странный сон.

Послышался мне шум поезда, то замедлявшего, то ускорявшего ход.

Это не было необычайным, ведь я часто езжу и привык спать на верхней полке вагона.

Сквозь этот шум я слышал какие-то родные голоса, о чем-то меня спрашивавшие. Что-то гладило меня по щеке, а шум окружал меня.

Много железнодорожных станций на моей памяти.

Вот станция Буй на Северной железной дороге. Туда из Ленинграда приезжают ночью, и, если едешь в бесплацкартном поезде, сразу просыпаешься от холода, забравшегося к тебе под одеяло из отворенной двери, и от голосов плотников, пильщиков, столяров, садящихся на этой станции проехать несколько прогонов.

Вот другая станция, названия которой я не помню. Вокруг глухой лес, прямые сосны. Небольшой поселок. И девочки, продающие молоко.

Вот еще станция. Вот еще дорога. Но я не могу итти по ней. Меня что-то слишком душит и греет.

Я проснулся. Сон мой объяснялся легко. Меня душило солнце, нагревшее парусиновую стенку. С другой стороны меня грел костер.

Когда я вышел из куваксы, то увидел, что стоял среди оленьего стада. Это стадо обступило нас, как море. Шум его походил на движение каких-то тяжелых масс. Потрескивание, похрюкивание, и ни одного голоса.

Лопари стояли рядом и высматривали оленей.

Стадо пришло, мучимое комаром. Я видел, как нестерпим оленям был комар. Они стояли, как камни, прямые, неподвижные, но скоро не выдерживали, начинали бегать. Комар садился сверху на плотную массу стада.

Кругом горели костры, и олени прятались от комариного стада в дым.

Когда-то все народы жили, так же как лопари, со стадами. И у них, как у лопарей, была память на каждого оленя в стаде. Сейчас лопари ловили арканами еще не помеченных хозяйскими метками оленей и клеймили их.

Вот идет лопарь вокруг стада, свертывая аркан на руке, и стадо пятится от него. Он выбрал теленка. Теленок стоит в самой середине, в бездне других голов и рогов. Но вот движение лопаря— и стадо в этом месте разбегается. Один теленок стоит, нагнув голову. Взять его руками—не легкое дело. С ним нужно бороться, давить его к земле. Наконец кончено. Один лопарь сидит на нем и держит его голову.

Теперь теленок тих, только темный глаз его вылез из орбиты. Другой лопарь подходит с коротким финским ножом. Я думаю, будет резать.

Лопарь наклоняется с ножом, но всего лишь метит его уши— он режет их, как тесто. И олень опять на свободе. Чтобы поверить, что он на вольном воздухе, он делает широкий быстрый круг около стада и потом спокойно приближается к нему.

Такими клеймами пользуются все скотоводческие народы. Клейма эти заменяют подпись. Кладутся они не только на скоте, но и на вещах.

У каждой семьи или рода своя подпись. Так появляется у людей письменность. Сначала они кладут знак на скоте, потом начинают делать заметки на камнях для охотников и пастухов, которые пойдут вслед за ними и должны будут узнать, каким следом шли первые охотники.

Во время пути в стаде часть оленей, особенно молодых, стирает ноги и хромает. Лечить, оставлять их нельзя, приходится убивать.

Убивают оленя. Пища

Хозяин пошел к стаду с арканом ловить оленя.

Пока он убивал его, стадо вокруг стояло спокойно. Бьют или ударяя ножом в мозг, или перерезая горло. Зрелище убийства не производит такого неприятного впечатления, как в городе, на бойне, где бьют усталых, испуганных быков. Здесь в лопаре еще чувствуешь охотника, а в олене—дичь. Собаки собираются лизать, пить густую кровь, стекающую с горла оленя. Олень еще не умер, его тело живет, но глаза уже мутнеют. А собаки стоят и пьют его кровь.

Когда с оленя сняли шкуру, хозяин разрезал мясо и разнес по чумам.

Лопари охотно делятся между собой мясом, да и везти мясо в пути все равно нельзя.

Мясо жарится на костре, прямо на камнях, и начинает скоро издавать вкусный, дурманящий запах. Особенно хотят его собаки. Хозяин срезает куски сырого мяса, бросает им.

Вот нам роздали по прекрасно пахнущей кости. Андрей Михайлыч забрал ее обеими руками, как держат у рта флейту или другой музыкальный инструмент. Так, как он сейчас ест, и я буду есть, сидя среди мяса, около жующих собак, есть руками, забирая мясо прямо из огня.

Мясо мне подали несоленым. Лопари почти не употребляют соли с жареным мясом. Но я попросил соли. Пресного мяса я не могу есть.

Еще не кончили мы есть мясо, как хозяйка вошла в чум с мягким оленьим рогом. Как олени обламывают рога, я видал часто. Мягкий рог можно обломить, ударившись о рог другого оленя. Хозяйка доломала истекающий кровью рог и несет в чум. В этом роге еще много жизни: под его мягкой шерстистой шкуркой—кровеносные сосуды. Он теплый.

— Мы, лопари, и рог едим,—говорит лопарка и сует рог к огню.

Меня очень интересовало, как едят рог, и мне дали поджаренной шкурки. Она показалась мне поджаренной резинкой, у нее совсем пустой вкус.

Я ее есть не стал, а лопарка ела, как лакомство.

Олень в тундре похож на дерево, с которого срывают плоды. Обломила лопарка рог и пошла есть, а собака, тут же под ногами оленя, лижет капающую на землю кровь.

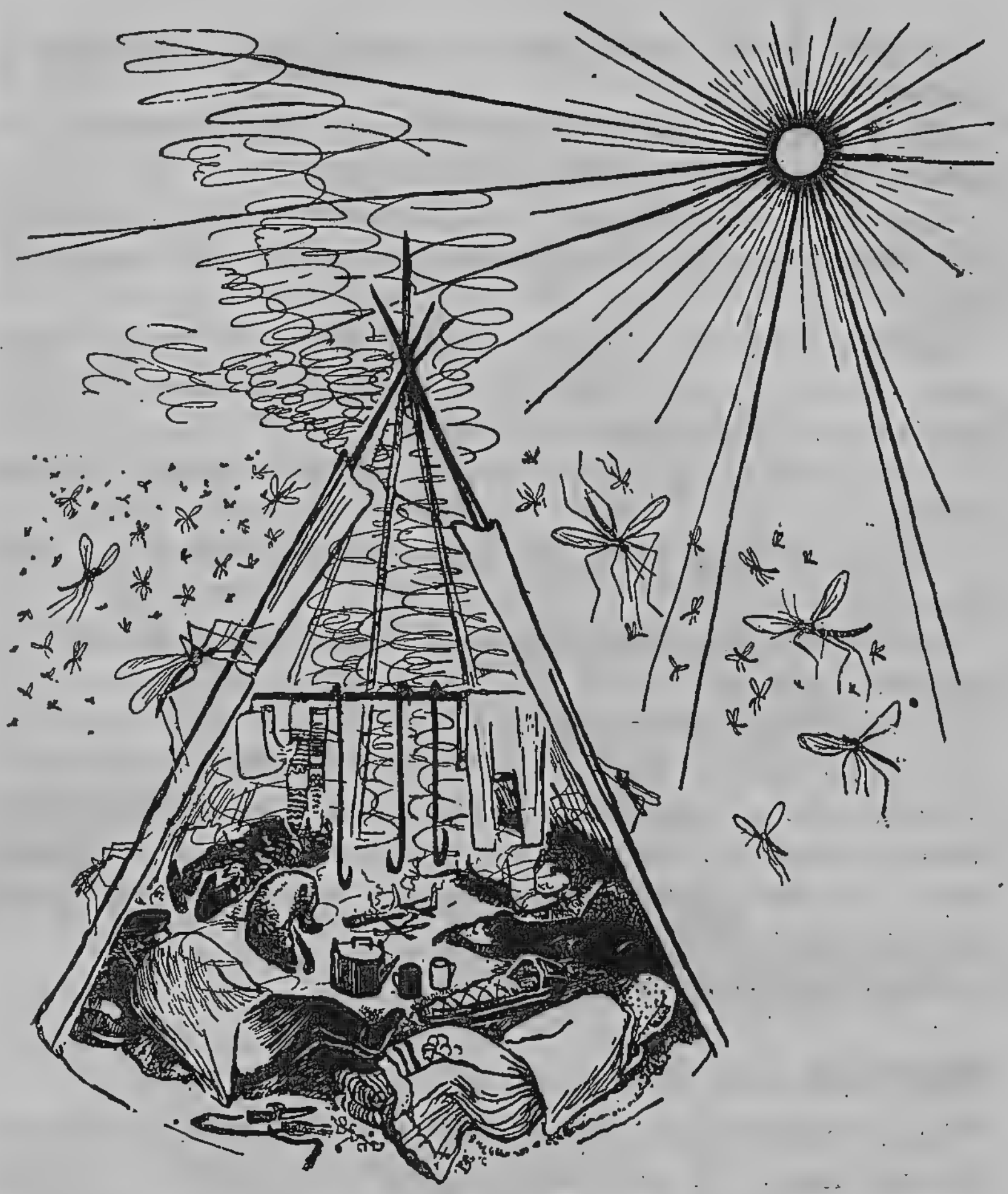
Но самой замечательной из всех историй об еде была история о том, как я пил в куваксе чай с оленьим молоком.

Чай лопари пьют настоящий, из териберкского кооператива. Если чайной нормы нехватает, то они собирают с березы особый нарост и каким-то способом делают из него свой чай. Сахар у нас тоже был из Териберки. Кроме того я купил много конфет. Что касается оленьего молока, то я еще не видал его.

Оленья важенка, как и всякая корова, молоко имеет, но дает его очень немного. Говорят, столько же, сколько дает коза. Зато молоко вкусное.

Доить важенку расчета нет, так как молоко идет для теленка. Впрочем мне говорили, что лопари на западном берегу доят важенок и торгуют молоком.

И однако в чуме, в куваксе, я пил чай с молоком. Это было в тот день, когда убили много телят. Ободранные туши оставили у кувакс, и одну из них свободно глодали собаки. Когда от туши



Внутри куваксы.

остались уже самые неинтересные места, лопари увидели, побежали и выругали собак, но делали это без особенного оживления. Оставшееся мясо снесли в куваксу, чтобы ели люди. А собак попинали ногой. У нас в деревнях приблизительно так наказывают детей, стащивших что-нибудь из кладовки.

Из туши другого оленя выбрали кишки, желудок и прочее и выбросили собакам.

Мы в куваксе собрались пить чай, а за куваксой собаки спорили из-за мяса и тянули его друг от дружки.

Вдруг женщины—хозяйка и Нина—вспомнили, что в выброшенном собакам мясе есть что-то ценное, что может быть украшением стола.

Нина побежала расправляться с собаками. Я слышал, как она их била, отнимала у них желудок, из-за которого, должно быть, и была главная борьба между собаками.

И вот среди нас ставят тонкую чашечку, полную пахучим молоком.

Молоко это можно брать, как творог, руками, и его лопари едят, попивая чай.

Я беру кусочек рыхлого, пахнущего немного горьким земляным запахом творога.

— Он травой пахнет,—говорю я.

— Олень всякую траву ест,—отвечают лопари.

Перед нами в чашке сегодняшняя пища теленка: материнское молоко и какая-то травка, которые вместе и образовали этот серый творог. Молоко оленьей коровы попало к нам на стол, пройдя через желудок теленка.

Такова история чая с молоком.

Важенки

Когда темнеет воздух, оленье стадо исчезает с нашего горизонта. Сегодня ночью мы не пойдем дальше. На горизонте, который точно намазан красной ртутью, как портреты, неподвижны фигуры нескольких оленей.

Это важенки—оленьи коровы, матери убитых сегодня телят. Важенки остаются всю ночь стоять и бегать на том месте, где были убиты их дети. Иногда они из ушедшего стада возвращаются к этим местам.

Отметьте дорогу

Итак, запомните, читатели, первый день моего пути: гору, на которую поднимался олень, санки, первое озеро и чум—куваксу, в которой горит огонек.

Постарайтесь сделать карту такого пути. Сделайте морской берег. Отметьте рыбачий поселок. И на другом берегу речки—лопарские вежи. Отметьте водопад—падун. И потом изобразите олений след, идущий к горе, и временную стоянку лопарей.

Так именно рисовали и рисуют карты первобытные люди. За основу на этой карте они берут свой путь и свой опыт. Потом составляется карта из наблюдений самых разных людей. Лопарь начертит путь оленьего стада. А рыбак хорошо изобразит линию берега. А осушитель болот изобразит границы всех болот и места рек. Та карта, которую мы теперь видим, составлена на основании нескольких сотен поездок. И до сих пор некоторые места нанесены грубо, и некоторые местности остались на том же Кольском полуострове еще неизвестными.

Река

Еще на морском берегу я слышал про эту реку.

— Попадет нам в тундре река большущая, как ты будешь переходить?—говорила лопарка, и я заранее представлял себе силу и блеск этой речки.

Речки в тундре быстрые и сильные. Я видел две реки, и от обеих осталось одно впечатление: очень живая река, сворачивающая камни, далеко в тундру посылающая свой шум.

Замечательно увидеть такую речку в пустынной тундре, где только северный камень сторожит берега.

Мы шли, и на лице хозяйки я читал отражение все более растущего страха. Это был страх перед рекой, которая, еще невидимая, шла перед нами.

— Как еще в этом году перейдем через реку. Говорят, разлилась нынче река.

Из тундры к морю нет известий. Лопари, живя у моря, ничего не знают о том, какой в нынешнем году их встретит река.

И вот мы идем по березовой роще. Впереди у нас шум. Я ни о чем не спрашиваю лопарей. Их лица нервны. Они медленно приближаются к реке. В лесу, недалеко от воды, началась подготовка к переправе.

Нужно срубить березки потолще и подложить дерево на санки, чтобы поднять кладь, иначе может смокнуть, если вода сильна.

Весь путь перед нами делали девочки с овцами. У лопарей есть небольшое овечье стадо.

Сейчас овец привязывают на санки. Это трудное занятие—прикрутить овцу к клади. Все—лопари, собаки, овцы—волновались, и только маленькие дети попрежнему сидели спокойно.

Проходя мимо меня, хозяйка коротко мне сказала:

— Как санки пойдут в воду, ты садись наверх.

И вот наша упряжь пошла по камням навстречу реке. Посредине несущейся дикой реки, как черные головы, поднимались камни. Казалось, что в воде сидят согнувшись и выглядывают черные люди.

Расстояние до другого берега было трудно определить, настолько волновалась и оттого казалась больше, чем на самом деле, река.

Хозяин сидел на первых санях, я на вторых. Мы переселились с земли на воду. Олени, напрягаясь, рысью пошли по большой глубине. Сани почти захлестывало водой. Они почти плыли. Вода подходила к моим ногам. Олени первой запряжки совсем смутились: вода была им по шею. Хозяин Андрей Михайлыч выругался и полез в воду. Крики и стон оставшихся на берегу сопровождали эту сцену.

И кажется мне, что вода уносит оленей, они не справятся.

Сзади меня захлебывается овца. Она сползла с саней и плывет сзади на веревке. А что же делается с детьми?

Олени вынесли нас в высокий лесок. Я вздохнул и оглянулся. Стояли сумерки.

Позади—дикие камни, холодный, мрачный закат над вечной неподвижной землей. По реке к нашему берегу переселялся на-

род. Подняв черные рога, плыли и бежали олени. Собаки стояли стадом, боясь переходить воду.

Так без всяких средств передвижения, через реки, не знавшие мостов, переселялись из страны в страну, из пустыни в пустыню древние народы, о которых я столько читал в детстве.

Они шли со стадами, и голос человека терялся среди голоса стада.

Но олени сейчас молчаливы. Они не кричат. Они с легким шумом выбегают из воды. Река пустеет. Она уже осталась за нами. Начинается приготовление к новой остановке. Теперь мы будем стоять долго: устали олени, и люди измучились. А главное—тяжело болен трехлетний Андрей.

Древние люди и природа

Теперь я хочу прекратить на некоторое время мой рассказ о лопарях, для того чтобы вспомнить древние времена.

Страна великих рек, страна лесов, гор встает в моем воспоминании. И людей, которые поклонялись горе и камню. Когда у человека нет в руках никакого орудия, которым он мог бы победить землю, он верит, что камень перед ним—это сила, у которой он может просить помощи. Следы этой далекой веры сохранились в теперешних сказках лопарей. Председатель Мурманского комитета Севера, В. К. Алымов, путешествуя с лопарями на лодке по озерам, записал некоторые их сказки. Сказкам этим не все лопари уже верят. Эти сказки отражают очень давнюю веру лопарского народа. Я сейчас расскажу несколько этих сказок, для того чтобы вы представили, в каком подчинении природе человек жил на далеком Севере.

Лопарские сказки

1. Сказка о Чахкли

Сказка эта записана В. К. Алымовым так:

«Охотился охотник в лесу и встретил Чахкли. Он был маленький, как ребенок, и совсем без одежды—голый. Хотел охотник убить его.

— Не убивай меня,—сказал Чахкли,—я тебе дам, что хочешь: и золота, и серебра, и денег. Пусть лопари во время нужды приходят к Чахкли-пахте, спустят в ущелье веревку, и я всего дам: и золота, и серебра, и денег. Но когда лопари увидят, что я посылаю им на веревке деревянные ложки, то это значит, что у меня уже больше ничего нет.

Повел Чахкли охотника к Чахкли-пахте и показал место, где он живет.

Чахкли—добрые. Они долго помогали лопарям. Спустят лопари с пахты веревку в щель, привяжут узел, и Чахкли им посылает все, что нужно. Долго так получали лопари от Чахкли поддержку в жизни, но когда стали на веревке подниматься деревянные ложки, то перестали обращаться к Чахкли.

Чахкли живут под землей. Чахкли-пахта (скала Чахкли) находится близ Нотозера, неподалеку от нынешней финской Нюванкюля».

Такова сказка о Чахкли. Она подобна сказкам других народов о колдунах, леших, водяных. У лесных людей есть сказки о леших, оказывающих помощь. В лопарской стране, в тундрах—один камень. К этому камню приковано внимание человека. У лопаря это внимание приковано так, что он начинает в камне видеть лицо человека, слышать в расселинах скалы голос. Кажется ему, что стоящий в озере камень—это сидящий и высунувший голову человек. Он видит эти камни живыми.

Совсем иначе глядит на эти камни обученный человек.

Несколько лет тому назад началось изучение горных пород Лапландии. Прежде Лапландию считали страной пустого, дикого, ненужного людям камня. Только дикий олень бродил у озер, огороженных горами. О горах этих лопари рассказывали сказки.

При советской власти группа ученых Академии наук впервые стала изучать эти огромные каменные пространства Лапландии. В результате этих исследований в центре каменных громад сейчас построен большой рабочий поселок. Нашли ценную породу—апатит. Камень из Лапландии будут вывозить в огромном количестве. И к этому делу уже пристроены лопари.

На одной станции Мурманской дороги я выходил на пять минут, пока стоял поезд. Дорогу окружали горы и леса. Вблизи соседило великолепное озеро. Подошедшие ребята рассказали, что на этом озере, на лесных островах, живут лопари, ловят рыбу. А от станции в горы делается дорога к апатитовым разработкам. Отсюда везут в новый рабочий поселок инструменты и продукты.

Лопарей на озере совсем немного. Прежде четыре или пять семей их жили одиноко среди огромного горного пространства. Теперь рядом с лопарями поезда, дорога, движение людей. Лопари с оленями помогают перевозить товары.

2. Сказка о Чадць-Илле

«У нюозерцев есть озеро, где было запрещено женщинам ловить рыбу.

Жила в тех местах колдунья. Не захотела она соблюдать запрещения и стала ловить на озере рыбу. Тогда из озера вышел чорт Чадць-Илле, водяной житель, хозяин озера, и сказал:

— Что это случилось, что женщины стали на этом озере рыбу ловить?

Колдунья ответила:

— Кто не боится, пусть ловит, а кто боится, пусть уходит.

Рассердился Чадць-Илле и пошел от озера на тундру (гору). Там, где он прошел по тундре, осталась на ней глубокая трещина. Было это недавно».

И первая и вторая сказки говорят об уходящих, исчезнувших хозяевах земли и воды.

Лопари перестают видеть в озерах водяных. Скоро они совсем сольются с приезжающим в тундру народом. Везде на озерах будет поставлено рыболовное хозяйство. Теперь еще озера в тундре стоят целый год пустынными. Проходящие по тундре лопари останавливаются у озера ловить рыбу.

Из такого отношения к озеру может возникнуть поклонение воде.

Рыбак, выходящий из тундры к озеру, поклонится ему. Оно лежит перед ним, тихое и громадное. Но, если к этому озеру итти

не долгим путем, огибая горы и переходя реки, а прилететь на аэроплане, оно уже не покажется таким важным.

Тот же В. К. Алымов сообщил мне, что раньше лопари, когда приходили к реке Иоканьге ловить рыбу, молились перед рекой.

Пройдут глубокую тундру. Везде камень, твердая земля, и вдруг лежит перед глазами живая, сильная река. Древние люди сразу склонялись перед рекой, как перед встретившимся человеком, давали ей имя. И потом каждый раз, попадая к ней, повторяли ее имя и этот поклон.

3. Сказка «Целей»

(Легенда о происхождении острова Сосновца в Белом море)

«Колдун, живший на берегу моря, где теперь погост Сосновский, однажды, ложась спать, сказал другим жителям:

— Когда утром проснетесь, не удивляйтесь тому, что увидите, и никому про то ничего не говорите.

Люди проснулись на утро. Глядят, по морю кусок земли идет. Все зашумели, земля и остановилась. Этот кусок земли—по-лопарски Целей—колдун оторвал от семи островов, что у мурманского берега, и тянул его к Архангельску, чтобы запереть реку Двину».

Итак, здесь лопари верят:

что земля появилась совершенно неожиданно,

что земля остановилась от крика людей,

что земля двигалась от слова колдуна.

Такого представления были древние лопари о земле.

Это понятно. У древних людей не было никаких инструментов, никаких сил в их руках, которыми мы можем переворачивать горы и изменять берег.

Лопарь к земле знал одно отношение—он шел по ней вместе с оленями. Шел всю жизнь—каждый год—и видел одно и то же: в белом лапландском дне черные скалы. И ему казалось, что скалы, горы, море, как сон: все может появиться и неожиданно исчезнуть.

Лопари, идущие за оленями, всегда поют про то, что видят: про горы, камни и оленей. Они настолько привыкли к песне, что считают, будто все эти горы и скалы, наметанные над морем, перед песней ничто. Верят они, что есть и такие замечательные певучие люди, которые песней могут заставить двигаться скалы и острова.

Прежде в Лапландии была распространена вера в колдунов (сейдов). Вот какие сказки есть о колдунах.

4. Сказка «Маресь аканчь»[1]

«Маресь аканчь—старушка Марья—сейд (колдун) на острове Кильдине. Стоит он, теперь уже обломок, на скале у моря, в западной части острова. Под ним в море обнажается из воды небольшой камень в виде пашки (маленькой лодки). Это приметный знак для нахождения сейда.

Маресь аканчь была колдунья и захотела запрудить реку. Оторвала от рыбачьего полуострова кусок и поплыла на нем к востоку.

Чтобы никто не видел, как земля плывет по морю, она напустила туману. Но в тумане сама потеряла направление, и плывший кусок земли задел дном за мелкое место. Увидели это люди и стали удивляться, откуда земля в море появилась. Тогда земля остановилась на месте. Земля эта—остров Кильдин.

Маресь аканчь окаменела вместе с дочерью на краю острова, наверху скалы.

Несколько лет назад военное судно, стоявшее в Александровске, подошло к Кильдину и выстрелило в Маресь аканчь из пушки. Выстрелом сбило часть камня.

Теперь сейд Маресь аканчь стоит разбитая».

Лопари, значит, в этот камень верили наполовину как в камень, наполовину как в человека. Раньше, давно, считали они, что это был уже совсем человек—колдунья или колдун.

---

1 Легенда о происхождении острова Кильдина. Это тот самый Кильдин, к которому я подъезжал в бурю и разглядел только черные скалы да тучи крутившихся над ними белых птиц. Кильдин—песцовый заповедник.

Для непривыкшего, не знакомого с историей земли человека лапландский берег так и должен представляться. Кажется, что эта черная каменистая земля недавно жила и дышала. И особенно это кажется потому, что нет вблизи людей. Привык разговаривать с человеком, видеть его лицо. А тут вот стоишь рядом с большим черным камнем.

Раньше лопари разговаривали с камнями.

Теперь мы тоже разговариваем с камнями, но больше молотом, громадными машинами. Близок день, когда камни в Лапландии уже не будут напоминать одиноких, застывших колдунов. Военное судно сбило со старушки Марьи часть ее черной головы. А при прокладке дорог камни взрываются в мелкий песок.

И в Карелии и в Лапландии приняты взрывные работы. В старинные горы закладываются порох и фитили, и на месте «колдуна», загораживающего путь, остается свободный проход автомобилям и лошади.

Вот еще сказка.

5. О двух колдунах

«Охотились два колдуна в Хибинских горах. Нужно им было после охоты возвращаться на Чухкь-Сулло (Экостров). Один сказал, что переплывет Иматру через Экостровскую салму и нырнул. Другой же остался сидеть на берегу и смотреть, где вынырнет первый. Первый колдун все время плыл под водой. Когда он стал подплывать к острову и стало уже мелко,—он повернул под водой кругом острова, чтобы не увидел другой колдун, где он выйдет из воды. Так как было мелко на том месте, где плыл первый, то его спина показалась из воды. Это увидел другой и закричал:

— Вижу, вижу где ты! Не обманешь.

В это время оба превратились в камни: у острова из воды виден камень, похожий на человека вверх спиной, а на материковом берегу—похожий на спящего человека, наклонившегося вперед и смотрящего в даль на тот берег Экостровской салмы, где виден из воды камень».

Когда в этой тишине лапландской земли идешь один и увидишь говорливую, разбивающуюся о камень воду, а среди широкой-широкой воды поднялись камни, вдруг поймешь происхождение лопарской сказки. Вода бежит, камень среди нее стоит и слушает. Человек, идущий по тундре, запел песню, сказал слово о себе и вспомнил о камне. И кажется человеку—вот он, человек, сидит на берегу, камень против него тоже сидит: совсем недавно было время, когда камень двигался. Также и человек может вдруг, идя по тундре, окаменеть, то есть сделаться неподвижнее.

Мимо таких окаменевших старух, мимо каменных людей, которые поглядывали за каждым моим шагом из-за других камней, я шел, но не верил тому, что камни—это бывшие люди.

Лопари знали все большие камни на пути. Они подходили к ним, как к старинным знакомым.

Если бы не было такой большой тишины вокруг, большой стоящий на земле камень не казался бы живым.

В куваксе

Теперь я возвращаюсь к описанию моего путешествия.

Лопари могут удивляться вещам, самым обыкновенным для нас.

Путешествовавшая по мурманскому берегу А. К. Покровская рассказывала мне, как она удивляла лопарей, показывая им мыльные пузыри. Самого обыкновенного летающего пузыря, переливающегося радугами, который пускают наши ребята соломинкой, лопари и не видали. И «фокус» Покровской им очень понравился. Конечно они долго вспоминали о ней, как мы вспоминаем о мастерах, делающих удивительные вещи. Мыльный пузырь—не часы, не автомобиль, он на одну минуту, а ведь понравился же лопарям своей «техникой».

С другой стороны, в распоряжении лопарей есть и более сложные механизмы. При мне лопарь починил другому часы. Другой лопарь, после короткого моего объяснения, сумел меня сфотографировать у стада моим аппаратом. Наконец пастух, с которым мы с горы высматривали стада, глядел на равнину через подзорную трубку,

привезенную им еще до революции из Норвегии. Но чем больше будет среди лопарей механизмов, тем больше они будут терять веру в двигающиеся и говорящие камни.

Разговоры в куваксе

Мы приготовились стоять долго. Лопари хотят переждать болезнь Андрея, которому становится все хуже и хуже.

Мы сидим у костра и беседуем об отцах, дедушках и бабушках и вообще о лопарской старине.

— Моя мама хорошая была,—говорит лопарка,—пожила до сорока лет и померла. А какая мастерица была!

В похвалу матери приводятся оба факта: и то, что мастерица, и то, что не стала жить больше сорока лет.

Сказано это было вот по какому поводу. Лопари все осуждали старуху, что она не хочет умирать.

— Вредная старуха и хитрая,—говорил Андрей Михайлыч,—подойди ты ей скажи: «Бабушка, умирать пора», она еще обижается.

Говорил Андрей Михайлыч с полным убеждением, что в тундре человек не должен жить долго. Действительно, в тех условиях, в которых лопари живут, больной старый человек—тяжелая для них нагрузка.

Под дождем и солнцем и под комарами везли старуху, неподвижную и белую от старости, как возят багаж.

— Однако теперь скоро сдохнет наверное старуха. Лежит уж который день, ничего не говорит.

— Да нет, не сдохнет еще. Вот увидишь, не сдохнет. Очень хитрая старуха.

— Если умрет в дороге, где вы ее хоронить будете?

— В тундре, на гладком месте, хоронить не будем. Отвезем на осеннее становище—там, где наши родители, там похороним.

На осенней стоянке лопарей, на озере, есть небольшой островок. Здесь, среди воды, лопари хоронят покойников.

К зиме лопари оставляют деревню, и только покойники остаются на своем озере, на островке, поросшем морошкой.

Прежде, по словам лопарей, старинные лопари были большие, сильные, красиво одевались.

Теперь лопари малорослый народ, и я, человек среднего роста, среди этого народа самый высокий человек.

Рассказ о старцах

Сказки лопари рассказывают, как воспоминания. А воспоминания превращаются у них в сказку. Вот что рассказала мне хозяйка Анна Михайловна о судьбе лопарского народа.

Все такие рассказы я слышал во время жизни в куваксе, у костра, когда грелся чайник или котелок.

— Были в нашей земле старцы,—сказала хозяйка,—и все забрали у лопарей—оленей, избушки.

— Кто же эти старцы?—спрашиваю я и перечисляю народы, живущие по соседству с лопарями: финнов, норвежцев, самоедов, русских.

— Нет, не знаем, кто они были. Говорили, какие-то пленные. Все забрали у лопарей.

— Чем же это кончилось, и когда это было?

— Было это при нашем дедушке,—отвечает хозяйка.—И поехал дедушка судиться в Москву. Из Москвы едет: дано ему ружье—убить старцев. Старцы, как увидели это, так все и пошли в озеро. И,—продолжает дальше хозяйка,—наш дедушка заболел после этого. Пошла по всему телу не знаем какая болезнь. И, умирая, говорил нам, чтобы мы ни с кем не судились.

— Почему же он заболел?

— А как же, сколько из-за него народу потопло.

Хотя лопарка говорит, что это событие было при ее дедушке, но это значит только, что она не умеет отделить глубокую старину, от которой у лопарей сохранились только сказки, от времени ее дедушки.

А эти сказки старины могли иметь в основе какой-нибудь действительный случай. Разве мало угнетали и порабощали при старой власти лопарей!

В этой сказке интереснее всего лопарское представление о людях.

Пришел другой народ, все забрал у лопарей. Лопари не сопротивлялись, только поехали судиться.

А этот новый народ, как только увидел ружье в руках человека, весь бросился в озеро.

У лопарей я не знаю рассказов, говорящих о жестокой борьбе, о столкновениях людей. Такие рассказы конечно были, но они, очевидно, утратились.

Крайний север, где живут лопари, был местом встречи разных народов. К этим берегам подплывали древние норвежцы. Конечно на этих берегах были бои и столкновения народов. Лопари, маленький, тихий народ, уцелели в безбрежных тундрах.

Я лопарям тоже рассказывал сказки. Каждую сказку, им рассказанную, они принимали очень серьезно. Лопарка поднимется из чума и уйдет, оставив недокипевшим котел. Оказывается, она ходила по другим куваксам передавать эту сказку.

Сама хозяйка ею рассказанное называла сказкой не всегда. Сказка о старцах была для нее не сказка, а воспоминание о дедушкиных временах.

Однажды, когда я рассказал смешную сказку, она вызвалась мне рассказать тоже. Я подумал, что она будет рассказывать длинную сказку с колдунами. Но она рассказала следующее:

— Вот мы тебе расскажем. Один раз я пошла с ней,—она показывает на близсидящую, нюхающую табак лопарку,—пошла я с ней через речку. Она была в тоборках, а я была в туфлях, вот таких (меховые туфли). Как пойдем, вот она говорит: «Я тебя возьму на плечи». И взяла. Пяти шагов не пронесла и сижу я в воде.—И лопарка начинает смеяться и вместе с ней, задыхаясь, начинает смеяться другая лопарка.—Всего пять шагов пронесла и свалила в воду,—говорит лопарка, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Вот-то настоящее смешное было,—говорят лопари.

Затем было рассказано о том, как подавилась молодица.

Раз мы сидим и едим вареную рыбу. Лопарская хозяйка вдруг нахмурилась, рассматривая большую кость.

— Молодица подавилась,—говорит она.

— Кто подавился?

Хозяйка показывает мне кость и начинает рассказывать.

— Была молодица. Прежде у нас молодицы шибко стыдились, от всего закрывались. Эта подавала гостям да схватила кусок рыбы. Захотелось есть, шибко торопилась и подавилась.

— Знакомая тебе молодица?

— Нет, это раньше было.

Как в разговоре о собачке, убитой русским, я не мог узнать, случилось это сегодня утром или это сказка давних времен.

— Вот эта кость и зовется «молодица подавилась»,—заключила хозяйка.

★

Наконец была рассказана сказка о лопарской девушке и норвежце.

Норвежец приехал свататься к лопарской девушке, а та его застыдилась, спряталась под лодку, и норвежец не нашел ее. Девушка после этого все пела—вспоминала норвежца: вышла бы она за него замуж, стала рожать ему детей. Везде в сказках—боязнь уйти со своего берега, от оленьего стада.

Только сейчас жизнь лопарей стала меняться, так что отдельные лопари привыкают к городу, служат в сельсоветах, входят в колхоз. И то об этих лопарях между лопарями же ходят неверные слухи.

Я слышал такой рассказ:

— Мы зимой мерзнем, ловим рыбу, болеем все. А от своей земли нам не отстать. Был у нас один лопарь грамотный, школу кончил, а нам не изменил. Захотел он на своей породе жениться—взял лопку. Их за это обоих исправник арестовал и увез.

— За что же?—спрашиваю я.

— За то видно, что шибко грамотный захотел на лопке жениться. Его заставляли на русской жениться. Он не хотел,—так обоих взяли и увезли, не знаем куда.

Лопари привыкли думать, что русские должны у них все отнимать, даже грамотных лопарей.

На чем основано такое поверье? На том, что при старой власти хозяином в крае был промышленник. На лопарском берегу, недалеко от лопарских веж, стоит большой, единственный городского типа дом. Теперь этот дом занят приезжими исследователями моря, а прежде здесь господствовал промышленник, в руки которого шла рыба с моря и мех из тундры.

Теперь лопари встречают уже русских другого сорта. Сотни русских—партийных и беспартийных,—заинтересовавшись Севером, заинтересовавшись судьбой малочисленного лопарского народа, живут на мурманском берегу, работают в кооперации и в виках. Кроме общих со всеми общественных органов, у лопарей есть особый орган—Комитет Севера, который защищает их интересы.

В последнее время Комитет Севера организует передачу падунов и мест ловли семги в руки лопарских артелей.

О работе Комитета Севера я говорю дальше.

Я, аппарат и лопари

Не знаю, что говорили между собой лопари обо мне. Моему пребыванию среди них они не удивлялись. Знали, что прежде отдельные люди «ходили с лопарями». Им моя цель была понятна.

Хозяйка, идя с оленями по тундре, называла для меня каждое озеро, каждую гору и раз сказала:

— Говорю я тебе, а ты не все запоминаешь.

К моему изучению лопарей она отнеслась как к труду и помогла облегчить этот труд.

Хотя лопари и представляли мне всякие трудности хождения в тундру и говорили, что я провалюсь и не перейду речку, и тоборков у меня нет, и мне не в чем итти, однако, как только

доходило до дела, шились тоборки и давались мне советы, как вставать на санки при переправе через реку. И я знал: ничего у меня не пропадет, ничего не будет забыто.

Особенно бережно обращалась лопарка с моими вещами. Со мной был фотографический аппарат, и лопарка говорила о нем таким тоном, каким говорят о людях.

— Теперь твоему аппарату будет хорошо.—Это она, разложив меха и подушки в поставленной куваксе, несет очень серьезно мой аппарат. Я запомнил ее вид: полная, краснощекая, свежая, как цветок в росе, несмотря на свои сорок лет, лопарка идет медленными короткими шагами, все оглядывая по пути и о чем-то думая. Кладет мой аппарат на табуреточку.

И я знаю, обо мне лопарка не так заботится. Она не крикнет, чтобы я успел сесть в сани—санки пробегут, и передо мной болото. Пойду, замочив ноги. Что же касается моего аппарата, то он бережно закутан у лопарки в санях, и она, развязывая поклажу, подумает о нем первом.

Она, очевидно, уважала сложность аппарата и его наружность.

— Аппарат твой цел,—слышу я опять, когда мы входим в куваксу. И усаживаемся. Сажусь я между греющимися у костра собаками. Собаки неохотно отодвигаются, но лопарскую собаку можно сильно толкнуть, и она не рассердится. Собаки немного отодвигаются, как люди, которым тесно сидеть.

Напротив меня на своих шкурах сидит хозяин Андрей Михайлыч с хозяйкой Анной Михайловной. Несмотря на то, что мы в куваксе, где места едва хватает для собак и людей, над постелью Андрея Михайлыча и Анны Михайловны занавеска. И тут же стоит мой аппарат.

— Смотри, аппарату твоему худо не будет?—говорит хозяйка, когда грозит дождь.

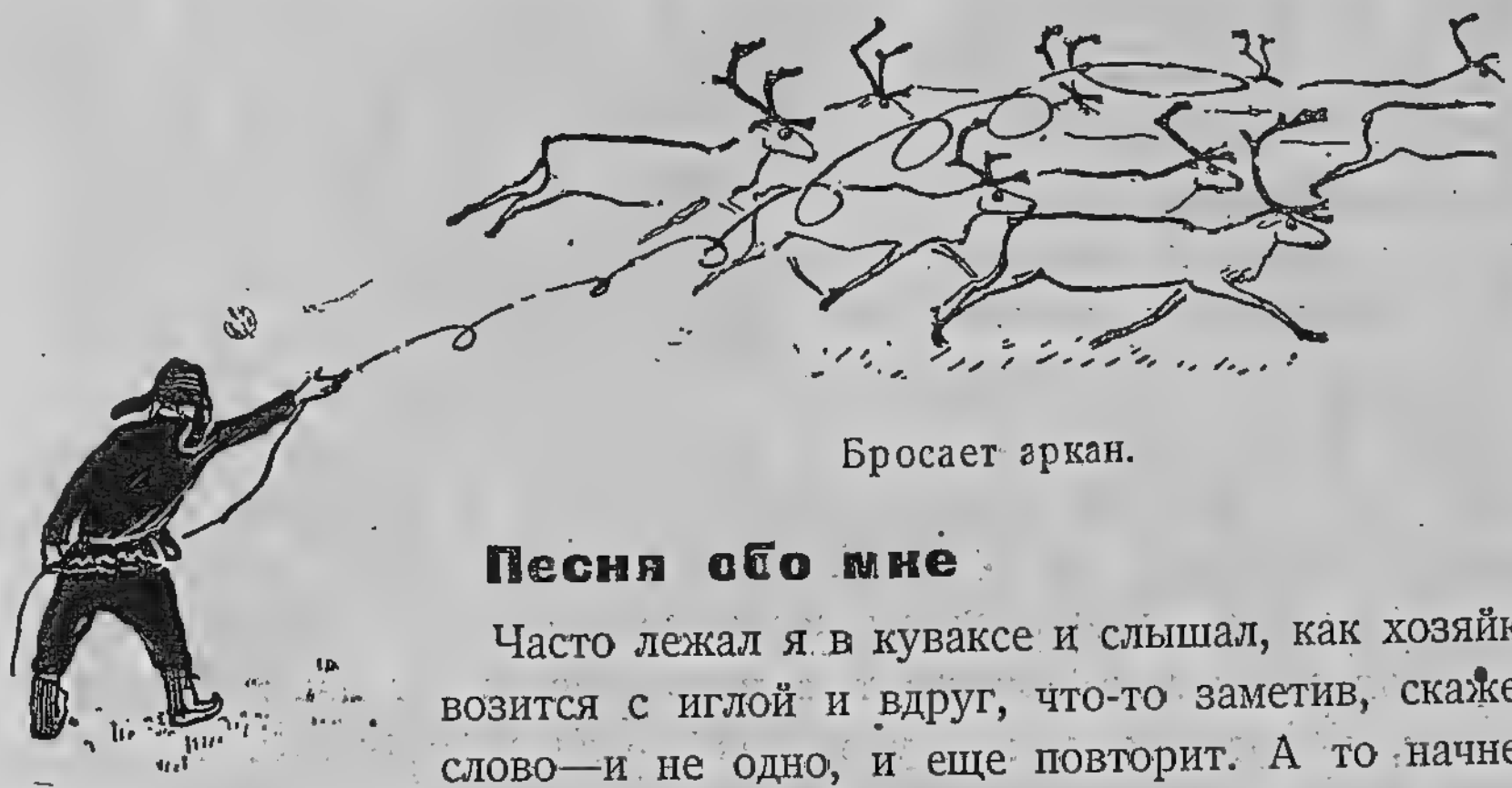
Фотографировал я неудачно, как плохой фотограф. Кроме того трудно приноровиться к свету полярной ночи. Для глаз он кажется очень ярким и едким. Но не знаешь, как он будет действовать на пластинку в аппарате. «Ведь все-таки ночь», думаешь и ста-

вишь диафрагму на ночь. Менять в аппарате пластинки было трудным делом. Для этого нужна абсолютная темнота. Опытные люди меняют пластинки, не глядя на них, при красном фонаре, что обыкновенно делают в фотографиях. В пути они закрывают руки одеялом и проделывают наощупь смену пластинок. У меня для фоторабот в темноте был маленький складной красный фонарик из красной промасленной бумаги или материи. Когда на берегу мне нужно было менять пластинки, я сначала пробовал работать в избушке, где шалями, платками и одеялами плотно завесили все окна, но в самый важный момент, когда пластинки, целая коробка, были открыты, ветер сорвал одеяло с окна. Тогда я решил работать в темноте, т. е. направился в тот маленький шалашик, в котором, как я упоминал, спали молодожены. Шалаш этот сплошь закрыт парусиной. Я сидел под ней, как под одеялом. Так же низко. Чтобы парусина не просвечивала, лопарки стали меня закрывать сверху шкурами. Одна за другой они несли шкуры, говоря: «Мы тебя так укроем, что тебе ничего видно не будет», и одна за другой на меня валили тяжелые меха, скрывавшие меня от полярного солнца. Казалось, я сижу не на черном лапландском берегу, посреди собак и веж, а дома, под одеялом. Но и этот опыт был неудачен: пламя от недостатка воздуха в фонарике тухло, и я, нервничая, вдвигая пластинку в кассету, сломал ее.

После этого я зажигал красный фонарик только для удовольствия лопарей, особенно маленького лопаря Андрюши, который часто ссорился со мной и любимой фразой которого было: «Пампу поппе»—«побей попа» (меня он за длинный макинтош считал попом).

В тундре я еще раз зажег фонарик в кувакее при хозяевах. Маленькая свечечка или фитиль наполовину сгорели. И мне захотелось сохранить фонарик у лопарей. Я отдал его лопарке, и Анна Михайловна бережно приняла его и спрятала в глубину маленького сундука, где лежали редкие в лопарском быту вещи—конфетные бумажки, карты и т. д.

И я знаю, что Анна Михайловна будет очень долго беречь этот фонарик и показывать его иногда.



Бросает аркан.

Песня обо мне

Часто лежал я в куваксе и слышал, как хозяйка возится с иглой и вдруг, что-то заметив, скажет слово—и не одно, и еще повторит. А то начнет быстро бормотать слова, и вдруг превращаются они у ней в напев. От разговоров до песни очень близко. Стоит лопарке чему-нибудь удивиться, она испускает напевное восклицание и начинает быстро говорить,—и не поймешь, песня это или разговор.

Больше всего она поет, сидя одна с иглой, поет, разговаривая с иглой. Песня эта—протяжный разговор, и повторения нужны, чтобы лучше и скорее обдумать то, что лопарке пришло в голову.

— А ты знаешь, о чем я пела?—спросила лопарка, когда я прослушал раз ее долгий и звучный разговор.—Я про тебя пела. Мы про тебя поем, а ты не знаешь, ты не понимаешь нашего языка.

Лопари хорошо говорят по-русски. В лопарский язык я проник совсем мало, чтобы понимать песни.

Лопарки сказали, что у них есть и большие песни. Например, когда в 1925 году тонул в териберкской речке какой-то Василий Кузьмич или Кузьма Иваныч, то о нем (очевидно, о близком лопарям человеке) было тогда много придумано.

Несколько раз лопарки обещали мне рассказать, что было сказано в той большой песне о Василии Кузьмиче, но так и не пришлось мне услышать.

— Та песня была большая,—говорила мне Анна Михайловна.

Может быть, и обо мне сейчас поет в куваксе Анна Михайловна какую-нибудь короткую песенку, где обо мне рассказываются всякие вещи, которых я не замечал. А через несколько лет другой путешественник, может быть, запишет от лопарей эту песенку и будет догадываться, о ком она пелась.

Внимательные лопари расспрашивали меня, где мои родители и как часто я к ним езжу. Иногда шутили со мной. Я шутил, говоря, что останусь в куваксах и женюсь на лопарке.

А лопари шутили, что дадут мне хорошую невесту и наградят оленьим стадом.

Они меня признали за то, что я им рассказывал сказки. Им на берегу немного удается слышать, и они с одинаковой жадностью слушают и сказки и действительно случившееся в этом году в Москве.

Вот разложены, собраны на санки куваксы. Остался стоять один только чум, в котором пять лопарских женщин выжидают, когда кончится дождь.

— Ну, расскажи еще,—требуют они от меня, как требуют подарка в руку. А мне кажется странным рассказывать сейчас, когда через пять минут мы пойдем под дождем по кочкам, по сырой, сумрачной тундре.

Кто-то начинает отворачивать и нашу парусину. Сейчас мы останемся без крова под дождиком, а лопарские старухи еще

Ловят оленей в тундре.

просят, чтобы я рассказал, и угощают меня табаком, и шутят, и смеются, и обещают мне невесту.

Но вот мы опять лицом к тундре. Вдали мелькает гора, которой мы должны достичь. И спереди и сзади дождь.

В тундре с оленями

Я шел за санками. Анна Михайловна, крепко завернувшись в платки, сидела впереди. В тундре не было ничего, кроме дождя да белых полян. Камни мешали оленям итти. У наших санок визжала собачка, которая была привязана за свою дурную привычку пугать оленей.

— Наказан,—сказала о нем хозяйка, как говорят о ребенке.

Остальные собаки идут свободно. Сбоку, огибая болото, идут девушки с маленьким стадом овец.

По тундре итти трудно, но глаз настолько привыкает к идущим оленям, что перестаешь и отвыкаешь уставать, и чем дальше, тем легче и свободнее себя чувствуешь.

Зато так легко, когда путь кончен: олени развязаны, ставится кувакса. Помню, как я завяз в болоте.

Нужно очень зорко следить, когда начинается мягкое, топкое место. Олени вдруг начинают быстро итти, под санками брызжет вода, санки летят по воде, надо успеть встать на зад санок.

Раз я пропустил санки, и они оставили позади себя топкую землю.

Я ступил и почувствовал, что тону в болоте.

А санки наши были последними и уже проехали далеко. Еще минута—и я останусь среди болота, наедине с собой, без людей.

Тогда я побежал по колено в трясине, прибежал весь мокрый и так шел снова за санками до остановки.

Представьте себе это болото, которое пересекает тундру. Местами открывается вода. Тебе жутко, ты не знаешь: повернуть влево—там, может быть, болоту конца не будет, а вправо—озеро, и тоже без конца. Не лучше ли уж двинуться прямо по болоту?

Но зеленоватая вода блестит сумрачно, и, кажется, под этой водой большая не изведанная никем глубина.

По этим глубинам и путешествовали мы от горы к горе, от озера к озеру. Лопарям все озера были знакомы. Однажды лопарка назвала эту землю пустой. Стоявший рядом лопарь точно обиделся: «Какая пустая, когда мы с оленями ходим по этой земле. Только хлеба не сеем».

Действительно, каждый кусок тундры лопарям знаком, ощупан лопарской ногой.

Карта

Если поглядеть на карту, то увидишь на ней массу пустых, незаселенных озер, только несколько становищ посредине тундры отмечено.

Но я когда-нибудь сделаю карту себе, которая уничтожит впечатление такой пустоты. Нужно сделать разных цветов флажки на иголках и передвигать их, как обозначают продвижение войск на военных картах.

Такая карта будет очень полезной для того, кто хочет приблизительно знать, считаясь с их путями в прежние годы, где могут быть в данный момент лопари.

Момент первый—флажки воткнуты у океана, возле становищ: Териберки, Иоканги, Поноя и других. По нескольку десятков семейств живет у каждого становища. Можно также один флажок обратить в пароход, который ходит от Мурманска к Архангельску и останавливается в каждом становище.

Но вот снимается группа флажков с Иоканги. Это семьи, живущие у становища Иоканги, снимаются и идут в тундру. Пустеют мало-по-малу и другие приморские стоянки лопарей. Только на Териберке остаются стоять флажки, потому что териберкские лопари в этот год из-за свадьбы запоздали итти в тундру. Но наконец и териберкские флажки переставляются в тундру, в озеро, у которого изображены на карте камни от прошлогоднего очага,—место

прошлой стоянки. Правда, здесь можно быть только приблизительным: лопари могут на этой стоянке не остановиться, а пройти дальше. Но здесь ошибка не может быть большой. Мест, удобных для стоянки, на лопарском пути немного, и они все наперечет.

В это время флажки иокангских и понойских лопарей тоже стоят на озерах в тундре, и вся тундра расцвечена этими разными, не сходящимися друг с другом флажками.

Вот озеро, такое же пустынное, как и все. Его на карте можно отметить знаком рыбы, потому что териберкские лопари всегда останавливаются вблизи этого озера и ловят рыбу. Можно даже определенно отметить это озеро не знаком рыбы вообще, а именно щуки, ибо в нем ловят только щуку. Но вот озеро с сигами.

Дальше на карте можно изобразить непроходимые болота. которые обходит стадо.

Не забудьте также изобразить особыми флажками самые стада. Пока лопари живут на берегу, стада оленей бродят по тундре. Здесь териберкские и понойские олени, бывает, и встречаются. Не встречаются только олени западной части с оленями восточной Лапландии, потому что боятся переходить железную полоску Мурманской дороги, пересекающую Кольский полуостров.

Путь стал труднее, и точно его, хотя бы флажками, изобразить нельзя. Но все же и у оленя есть свои излюбленные места—с ягелем. И если бы расспросить лопаря, то такую карту оленьего пути можно бы составить.

Но вот все флажки расставлены по далеким озерам. Лопари поселились на осень в своих избушках—ловить рыбу. Флажки, которые прежде ставились пачками в одном месте, поредели. Отдельные семьи отрываются от общего пути. Бывает, одна семья живет на далеком озере—ловит рыбу. Осенью—новый путь в зимние деревни.

А зимой путями изрезана вся тундра. На санках быстро ездят и к озеру—поставить в прорубь сеть, и в Мурманск—по делам, и на работы по Мурманской дороге к апатитам.

Да, конечно на вашей карте должна быть Мурманская дорога. Она—неподвижная часть карты, но вокруг нее все движется. Вот от нее идет ниточка, изображающая дорогу в Хибинские горы, к апатитовым разработкам. Сначала на карте были бы обозначены только следы некоторых ученых, проникших в Хибины исследовать породы, потом среди гор вы рисуете или ставите целый поселок. А по следам ученых теперь рисуется дорога, которая каждый месяц продвигается все дальше в тундру.

Вот от станции Пулозеро идет по болотам в лопарское село Ловозеро дорога на девяносто два километра. Несколько лет тому назад вы должны были всю дорогу изобразить на карте в виде тоненькой жердочки, положенной по болоту. Но вот на вашей карте появляется новый знак. Это стоянка рабочих. Стоянка эта передвигается из года в год. На вашей меняющейся карте вы отмечаете новые километры сделанного пути.

На карте также будут отмечены первые огороды на южном берегу. Вдруг стали садить картофель и севернее—по Мурманской дороге. Вы можете поставить знак картофеля. А на опытном поле в Хибинах зацвели южные цветы—георгины. Как украшается и меняется ваша карта! Еще где-то местами бродит по тундре не подходящий к лопарским стадам древний, дикий олень. Если еще на этой карте вы движениями флажков отметите ход трески и селедки по морю, вы сделаете совсем интересной карту.

Треска путешествует тоже, как оленье стадо. У нее есть свои излюбленные места и свои сроки.

В Карозере—осенней стоянке лопарей—один флажок должен отстать, вернее пойти вперед. Даже два флажка. Это я и мой провожатый. Провожатый доведет меня до Воронинского погоста и пойдет обратно, а флажок с моим именем двинется один по тундре и выйдет к станции Пулозеро, Мурманской железной дороги, где в вагоне сольется со всеми остальными, едущими на Мурманск путешественниками: рабочими, учеными, осушителями болот, агентами Госторга по сбору пушнины и просто людьми, едущими посмотреть Мурманск и удивиться северной жизни.

Да, такую карту я советую читателю составить, хотя бы неточно, с воображаемыми озерами и берегом, только было бы представление о движении, жизни и росте северной страны.

Путь из Карозера

Путь из Карозера был у меня только в воображении. Я знал, что Карозеро—это осенняя стоянка лопарей, где они живут месяца два, прежде чем собраться в зимнюю деревню. Ждать до зимы с ними в Карозере я не мог. Значит, нужно выйти из тундры с проводником.

Карты у меня не было, и я очень приблизительно представлял себе, где я нахожусь и куда иду, целиком доверяя себя лопарям.

— Проводим тебя до Воронинского погоста,—говорили лопари,—а там ижемцы возьмут тебя в Ловозеро.

Кто такие ижемцы, что такое Воронинский погост, я совсем не представлял себе и чувствовал их только в словах говоривших со мной лопарей.

Когда я только готовился итти, от океана весь будущий путь представлялся мне очень легким—ведь я с лопарями.

— Тебя проводим до Воронинского погоста, а там легко.

Но как именно легко, я не знал и слушал их речи, как слова из сказки.

Я конечно верил, что Воронинский погост действительно существует, и, если лопари говорят, что я к нему попаду, значит, попаду.

Но в разговорах с лопарями между Воронинским погостом и Карозером вырастали новые названия мест, в которые, как оказывается, не так легко попадать. Так бывает: сообщит тебе человек самое важное в кратких словах, а потом как-нибудь начнет доказывать в деталях, как это точно было. Так было и у меня с лопарями. Когда я шел с ними по тундре, они точно сказку начинали рассказывать—сказку, где все рассказывалось подробнее и подробнее.

— Не знаем, как ты пойдешь из Воронинского погоста,—сказала лопарка.

— А ижемцы возьмут меня,—сказал я лопарские же слова, сам уже не надеясь увидеть ижемцев.

— Разве буди ижемцы возьмут.

И разговор кончился.

И все это было в бесстрастной немой тундре, откуда мне необходимо попасть к сроку в Москву.

Я посидел-посидел в чуме, вышел на волю и встретил лопаря, идущего ловить оленя.

— Как думаешь итти от Воронинского погоста?

— Меня возьмут ижемцы,—сказал я.

— Уехали, может, в этот год ижемцы. Еще счастье, что попадешь на ижемца.

— А если от Воронинского погоста итти с проводником?—спросил я, возвратившись в чум, будто к слову, чтобы не дать понять лопарке, что я волнуюсь над этим вопросом.

А она, не глядя на меня, занимается только своей ниткой, примеряет ее толщину и говорит: «Как хочешь, так и пойдешь», точно я совсем особая сила, которая может пройти сквозь все.

Потом, за едой, поднимая ложку ко рту:

— Однако тебе не пройти одному в Ловозеро, туда только рекой ездят из Воронинского погоста.

— А кто ездит?

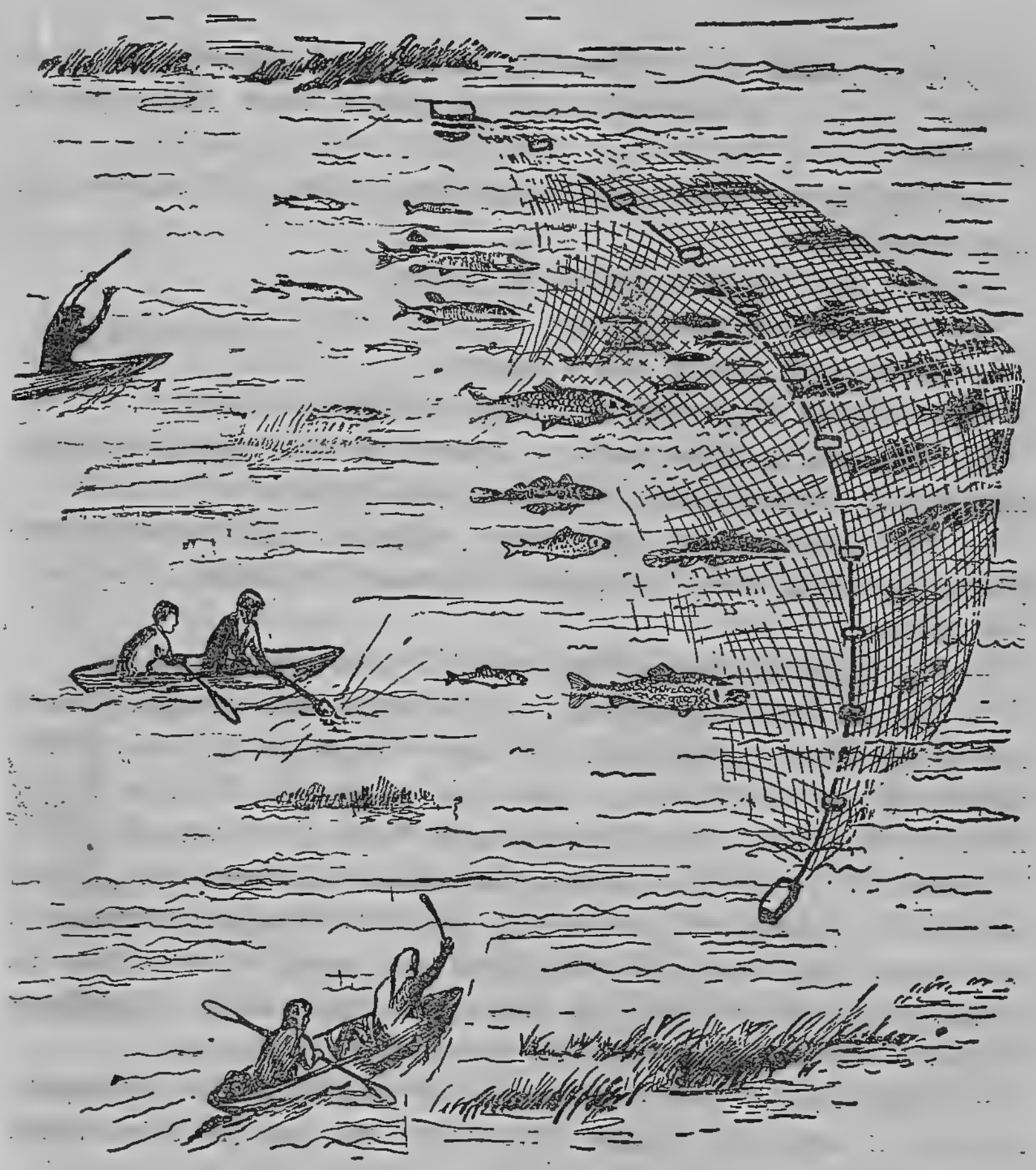
— Ижемцы ездят на карбасах.

Хозяйка твердо верила в присутствие ижемцев в это время в Воронинском погосте, а другой лопарь считал, что ижемцам в Воронинском погосте делать сейчас нечего, все покосы кончились, и ижемцы отправились к себе домой—в Ловозеро.

— А кроме ижемцев, кто-нибудь может отвезти?

— Там самоед живет, да тот не поедет. Бывает, дашь сто рублей, и поедет.

То есть, возможно, и поедет за сто рублей, а, может, и не бывает так, не повезут самоеды и за сто рублей.



Рыбная ловля.

Итак, из Карозера мне нужно попасть в Воронинский погост, из Воронинского погоста лодкой в Ловозеро. А из Ловозера близко до станции. Лопари мне говорили на вопрос о расстоянии какие-то фантастические километры, но это было все равно, что дорогу мерить килограммами. С километром лопари не умеют обращаться.

После я узнал, что от Ловозера до станции девяносто два километра. О пути из Ловозера лопари давали тоже самые разные сведения.

— Дорога там сейчас есть. Поди, уже ездят. Уж сколько лет начали дорогу.

— Нет еще дороги, никто не ездит.

— Однако почтальон ходит.

— Почтальон, может, как и ходит.

Они спорили о дороге, совершенно забыв про меня.

От Карозера до Воронинского погоста сначала считали тридцать километров, потом стали считать вдвое больше.

— Вы говорите, что там только тридцать километров?—осторожно повторял я их же слова. И лопари спокойно восприняли эту весть.

— Тридцать километров это зимой. Это по зимней дороге.

— Ты по ней не пойдешь,—рассказывал мне лопарь.—Зимой мы прямо ездим через озеро. Ты через озеро не пойдешь. В Воронинский погост ты сразу тоже не попадешь. Сначала нужно итти на Лекозеро, а от Лекозера уже будет Воронинский погост.

Таков был разговор о дороге. Он казался бы очень интересным, если бы я слушал его со стороны, как верно кажется интересным читающему эту книгу. Но читающий эту книгу сидит сейчас на стуле, а я сидел в тундре, на земле, и вся эта сказка ближайшим образом относилась ко мне: как выйду я из Карозера.

— Идет, идет с нами и не знаем, как дальше пойдет,—говорила хозяйка и начинала песню. Возможно, что это и была песня о моей будущей дороге.

Вопрос о том, кто будет меня провожать из Карозера, тоже казался неясным. Сначала говорили, что меня проводит Андрей Михайлыч. Но хозяйка в чуме сказала:

— Кто тебя провожать будет?

— А то Андрей Михайлыч проводит.

— Я не дам ему тебя провожать: у него ноги больные.—Потом:—Однако тебя Омелиан проводит до Воронинского погоста.

Это тот самый Омелиан, отец которого раздарил по знакомым оленей. Он меня и проводит до Воронинского погоста. Я не сговаривался заранее с Омелианом, знал, что расспросы и предварительные сговоры здесь не нужны. Все, когда нужно, случится как нужно.

За щукой

— Вот пойдем и будем стоять теперь долго. Пойдем на озеро щук ловить.

Дошли. Меня будят днем. Хозяева собирают сети, мешки, берут чайник—значит, охота будет долгая.

— Озеро,—говорят лопари,—недалеко. Не знаем, будет пять или три километра.

Но мне, может быть, оттого, что эта земля незнакома, кажется расстояние очень большим. Мы идем, то поднимаясь на пригорки, то спускаясь в болото. Сухие места крыты светлым чистым ягелем. Вот озеро. Оно лежит перед нами еще далеко, в глубине тундры. На нем в прошлый год ловили рыбу, и в позапрошлый.

Лопари ставят сети, а затем пугают рыбу шумом, камнями. И вот что-то гудит в воде, там, где на камне стоит лопарь. Он бьет по голове громадную щуку.

В этом безлюдье щука водится в громадном количестве, и ее легко ловить. Большие щучьи тела лежат у моих ног. Очнувшись от удара, щуки начинают открывать рты и поднимать головы. Собачка бьется вокруг них с бешеным лаем.

Мы с лопаркой начинаем раскладывать костер. Топливо здесь—это белый мох, ягель. Нароешь рукой ягеля и набросаешь большую белую кучу на разложенный огонь. И вот огонь побеждает ягель и разгорается страшно быстро и властно. Оказывается, ягель замечательно горит.

— Ягель—это первый керосин,—говорит лопарка.

От костра начинает гореть тундра: легкий, незаметный огонь ползет по ягелю уже далеко.

— Скорей туши, а то будет гореть тундра и будет без конца гореть.

Потушить нелегко. Огонь ползет быстрее моей руки, и я едва поспеваю обрывать вокруг ягель. Вокруг костра надо обязательно оставлять обнаженную землю, иначе костер передастся на всю тундру.

В тундре бывают большие пожары, когда безлюдная тундра горит, пугая стада оленей. Только болота—препятствие для этих пожаров.

В тундре, как на пороховых складах: если бы, уходя, мы бросили на землю горящую спичку, на другой день из кувакс мы увидели бы море огня, и никакие лопарские руки конечно не могли бы спасти оленье пастбище.

После ловли пили чай, а потом опять ловили. Смеркалось. Чувствовалась в этих сумерках уже лапландская осень.

На том, почти невидном берегу озера, где у главного конца сети дежурит один из наших лопарей, разгорается огромное пламя, как в степи, где остановились кочевники.

Так как щук попадалось очень много, то лопарям не захотелось уходить. Пошел дождь, сначала мелкий и легкий. При этом дожде не отставала от лица мошка. Она мешала даже думать, до того досадно и неприятно было ее прикосновение к лицу. Мошка сквозь дождь идет на лицо. Она забирается в нос, ты не можешь из-за нее дышать. В досаде отмахиваешься рукой, но руки мои заняты. Лопари, ругаясь, быстро собираются. На плечи мне дают сеть, а в руки двух огромных, уже кончивших жить щук. Это расстояние, которое днем казалось очень большим, теперь нужно пройти сквозь дождь и мошку со щуками на плечах.

Дождь и мошка мешают смотреть настолько, что приходится итти только ощупью, выбирая ногой места между камнями и кочками, хлюпая по болоту. Да и тундра стала мрачная и темная.

То, что происходит, кажется мне только сном: как во сне, как заведенные, идут лопари, не говоря ни слова, временами только поругиваясь.

Иногда я останавливаюсь и спрашиваю, далеко ли еще.

— Еще далеко.

Как во сне, когда не знаешь конца расстоянию. Быть может, оно будет продолжаться до тех пор, пока ты спишь. Так и здесь. Совершенно автоматически я двигаюсь, разогреваясь от ходьбы. Мои плечи и шея в холоде, одежда стала липкой и тяжелой, брюки промокли.

— Еще далеко.

Мне кажется, лопари спрятали себе расстояние в карман. Кажется мне, что мы идем по кругу, как в стадионах гоняют лошадей. Им всегда далеко, пока не устанут и не прекратят итти.

И вдруг что-то серое, еле видное, стоит перед нами. Я не узнал кувакс. Мы дома. Из дождя и ветра мы приходим к домам, если можно назвать домами эти дрожащие от дождя палатки.

Я лезу домой, то есть в куваксу, на мех. Тлеет, доживая последними углями, костер. Земля посредине куваксы—мокрая. Дождь везде—и по бокам стучит рядом с твоей спиной и заносит его сверху, в дымовое отверстие. Но все-таки парусиновая полоса поднята над твоим телом,—это уже дом. И тут же родные собаки, подвинувшиеся, когда я влез.

Поднялась хозяйка,—и для нас готов новый костер, и новый чайник, и даже совсем неожиданно какие-то свежие лепешки. Но мне сначала надо согреться, освободиться от холодного платья, от которого меня всего начало знобить. Верха мехов подмокли, но под меха все же можно пролезть, как в мешок, и выжидать дождь.

Мне хочется снять одежду и просушить ее. Снимаю тюленьи сапоги—тоборки. Я их берегу, как драгоценность, всегда вспоминая слова хозяйки, что собаки могут съесть тоборки. На сон я кладу их под мех, на котором сплю.

Я решаю снимать и рубаху. Хозяйка достает коробок, где хранятся чистые рубахи Андрея Михайлыча. Я на момент чувствую, что очень холодно, а потом на голое тело надеваю чистую свежую рубаху и от этого сразу успокаиваюсь. Мои ноги также освобо-

дились от промасленных тоборков, повязок, и вся одежда греется, испаряет воду надо мной, над костром.

Я забираюсь в рову. Рова—это олений мех с мешком для ног. В мешок суешь ноги и закрываешься ровой, как спеленутый ребенок. И душно и хорошо.

Хозяйка дала мне стакан горячего чая и вкусную лепешку. И сразу стало горячо во рту и во всем теле.

Это называется погреться: под одеялом, выпив горячего и пропотев. Если я простудился, то простуда выйдет вместе с потом.

Скоро мне делается и душно и тесно в рове. И хочется опять выйти на свежий воздух, но сейчас как раз нельзя итти—простудишься. А все душнее и душнее. В теле что-то все сжало—все мускулы, все нервы. У меня даже в ногах, внутри, это чувство тесноты, точно, если я сейчас не вылезу, что-то разорвется во мне.

Я высовываю голову, и сразу дружный холодный ветерок овевает мне лицо. В куваксе темно, черно. Спят собаки своим сном, и люди спят своим сном. И мне некуда деться, кроме как оставаться в куваксе.

С лопарями надо жить, как живут лопари, под дождем, и не думать, что ты не привык к этой жизни и оттого можешь погибнуть. Когда идешь в походе, то все тело напряжено так, что не пускает болезнь. Поэтому легче заболеть в городе, развалившись на мягком диване, чем в тундре, где каждый шаг твой в контакте со всем телом, где ты живешь, все наблюдая, все понимая.

Пришло потерянное стадо

На стоянке, когда я сидел с лопарями и рассказывал им сказку, вдруг из других кувакс стали выходить лопари. По куваксам прошло какое-то слово. Пришла к лопарям радость, лица у них засверкали.

Я вышел со всеми к холмам. С холмов на нас шло большое стадо. Это было то стадо, которое затерялось в тундре. Теперь наши пути встретились.

Лопари с радостью показывали друг другу отдельных сильных оленей.

Среди стада были белые красавцы с большими рогами. Белый олень—это редкость.

— Теперь пойдем быстро,—говорили лопари,—теперь запряжем самых сильных быков.

Из самых сильных быков самым сильным был белый бык с широкими—таких я еще не видал—рогами. Лопари звали его «коммунистом», так как каждый бык имеет здесь свою кличку. Когда нашли стадо, так сразу решили вечером итти—собираться.

Лопари опять сидели в куваксе, и Андрей Михайлыч, играя с собакой, просил рассказать еще сказку. Для лопарей мои сказки теперь были приятными еще и потому, что в момент рассказывания сказки появилось большое стадо.

— Ты вот сказку рассказывал—стадо пришло.

Было такое чувство, что, если я расскажу, еще что-нибудь хорошее покажется.

Так суеверный человек, не могущий управлять природой, сидит и ожидает себе счастья. Если это счастье придет в тот момент, когда он например мыл лицо, то он воду и мыло будет считать надолго предвестниками счастья.

Но рассказывание меня мало интересовало, мне хотелось посмотреть, как будут ловить быков.

Перед каждым отправлением в тундру мне приходилось наблюдать, как пастухи с собаками пригоняли к стоянке большое стадо и как хозяева с арканами выбирали упряжных оленей. Олень всегда сопротивлялся упряжке.

Сейчас это сопротивление оленей должно было быть особенно сильным, так как стадо, долго гуляя без человека в тундре, неохотно подставит голову под упряжь.

Лопари ходят, навернув арканы на руку. Среди других рогов они высматривают особенно большие рога. Кажется только они хотят позвать оленя—послать ему в стадо голос. Но они посылают аркан.

Полет аркана, как пуля, почти невидим. Останется стоящий, нагнувший голову к земле один олень-силач, остальные разбегутся и отойдут. Теперь оленя надо тянуть. Хозяин, я, хозяйка тянем на веревке эту упряжную скотину, пока еще свободного дикого оленя. Олень сопротивляется, стоя на одном месте, не сдвигаясь. Запряженный, он бьется, падает на землю, в то время как его товарищи по упряжи стоят спокойно. Тогда лопарская собака деловито, как хозяин, бегает вокруг оленя и иногда кусает его в самые чувствительные места, и олень начинает распрямляться, вставать и подчиняться общему движению.

Иногда аркан не попадает на оленя. Тогда тот делает огромный круг вокруг стада и удаляется в темные земли тундры. За ним бежит, гонит его собака. Мы так стояли и долго ждали: олень едва был виден, а собака совсем не видна. Оба наконец исчезли.

Наконец опять увидели оленя, приближавшегося к стаду, а следом за ним катился по пригоркам совсем маленький комочек—лопарская собака.

И вот олень встал в упряжь.

Карозеро

Мы приближаемся к осеннему месту, к Карозеру. Ближе Карозеро. Лопари возводят меня на гору и показывают живую карту.

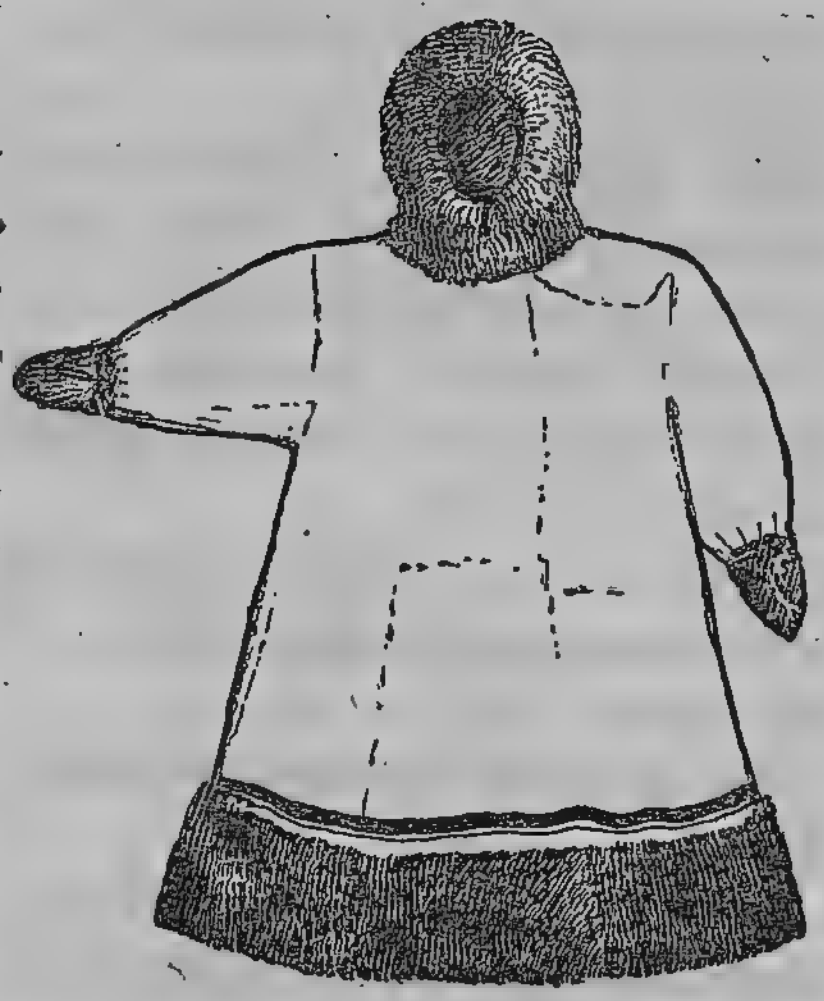
— Там, где горы, будут ловозерские Хибины. К этой стороне—Карозеро. А вот там чуть видно Лекозеро, ты туда пойдешь.

И я смотрю на эту карту, представляя уже дальнейший путь без лопарей.

К Карозеру подошли мы в сумерках. На лицах лопарей была радость. Мы подошли к настоящим, правда очень маленьким, избушкам. К целой, никем за этот год не тронутой избушке. Лопари с улыбкой осматривали свои амбары, стоявшие на сваях. Амбары были украшены парой оленьих рогов. Рога эти были прибиты к самому носу крыши и стояли высоко над крышами, как венцы, так что эти избушки были похожи на стадо оленей.

Главное украшение оленя перенесено на избушку.

Большая часть избушек—полуземлянки. Первая их часть напоминает вежу. В самой избушке мелкое окно. Устроено что-то вроде печки, то есть сквозь потолок пробито дымовое отверстие, а угол под ним обит железом, как в камине. В этот угол мы валим топливо. И огонь горит, как костер. Здесь и стул, и табуреточки, и лежанки. Дерева много. Мы вступили в лесную полосу Лапландии.



Малица.

Меня интересовало то имущество, которое сохраняется в осенней деревне. В амбарчике перед нашим домом хранятся сушеный от прошлого года хлеб, кадки с морошкой, единственной ягодой лопарей. Там лежат меха, которые к зиме лопари надевают.

Лопарей я видел в их летней, не отличающейся от русской одежде. Только раза два лопарь надевал при мне малицу, и я попробовал надевать ее на себя. И еще маленький Андрей в холодные дни гулял на берегу в малице, сшитой на его трехлетний рост.

Малица—это меховая рубаха, широкая, как женское платье, и длинная. Вверху она кончается мешком для головы. Пришитый к малице мешок заменяет шапку и удобен тем, что уж никогда не свалится с головы. Рукавицы также пришиты бывают к рукавам. Вся одежда—одно целое. Если бы звери могли раздевать и надевать свою шкуру, то это походило бы на одеванье лопаря—человек весь влез в рубаху, и в небольшое отверстие выглядывает только его лицо.

На ноги надеваются пимы—меховые сапоги, о которых я уже писал.

Мне показали не только эту одежду, мне показали одежду, в которой ходили старинные лопари, ходили отцы и еще мой хозяин Андрей Михайлыч ходил в ней в молодости.

Одежда прежних лопарей, по их словам, отличалась тем, что вместо малицы была меховая рубашка, короче и наряднее. Шапка носилась отдельно.

Шить малицы лопарей научил другой северный народ—ижемцы, переселившиеся на Кольский полуостров несколько десятков лет тому назад.

(На пути на станцию я увижу большое ижемское село—Ловозеро.)

Мне приносили ту шапку, которую в молодости носил Андрей Михайлыч. Шапка эта сверху покрыта зеленым и красным сукном. Впереди она расшита бисерными узорами, а сзади висит лисий хвост.

Одежда эта напоминает ту, в которой ходили древние воинственные завоеватели севера.

— Важно ходили прежние лопари,—говорит лопарка.

Главным украшением старой одежды были вышивки бисером. Если рассыпать такой мелкий бисер на руке, кажется, глядят на тебя мельчайшие глаза, и, если долго на них смотреть, глаз начинает путаться в их цвете.

А лопарка умеет поддевать их на иглу и, сидя часами, составлять блещущий всеми цветами узор. Так поблескивает снег, когда накинуть на него солнечный свет, и снег блестит целым роем блесток.

— Сама своей дурацкой башкой выдумала,—говорит лопарка, немного сконфузившись.

Дальше показывают оленью упряжь.

Зимой лопари из разных становищ съезжаются на праздники со всей тундры в село Ловозеро. Там териберкские лопари отыскивают понойских, иокангских, кильдинских лопарей. Там будут рас-

сказывать о том, что в этот год с териберкскими лопарями (вернее их назвать воронинскими—по месту их зимнего становища—Воронинского погоста) шел человек из Москвы, забирался на горки, смотрел на озера, названия гор записал в книжку, а лопарей всех снял в аппарат и увез в аппарате с собой в Москву. Много еще о чем будет говорить.

Там на празднике лопари гуляют на хороших ездовых оленях.

Праздничная упряжь расшита вся бисером. Сами наряжаются и оленя наряжают на этом празднике.

Там же в амбарчиках хранятся ружья. В избушке висит ружье с надписью на серебряной дощечке. Это приз, который получил брат хозяина, когда в прошлом году были состязания в Мурманске. На этих состязаниях лопари удивляли всех быстротой оленьей езды (тоже на призы) и ловкостью в стрельбе. Лопари стреляют прекрасно, но летом охотятся не так уж часто. И это очень странно видеть в такой стране, где угрожают стадам волки, где куропатки постоянно взлетают перед тобой из-под куста. Мы ели уху с новыми, то есть прошлогодними сухарями. Сухари этого года испортились в дороге от воды.

Хозяин тотчас сходил на озеро с сетью и вернулся с рыбой.

Еда

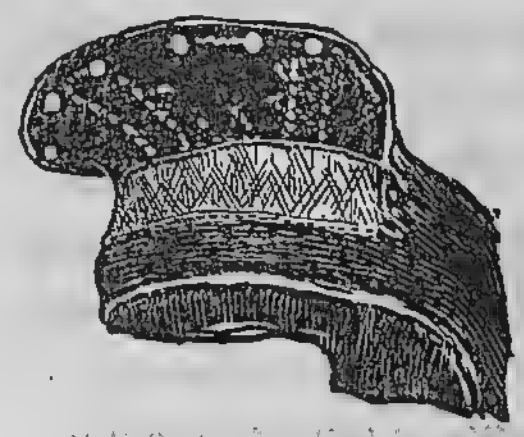
Скажу немного и о рыбе.

Я в путешествии ел семгу, щуку, треску, вернее треску и камбалу ел, сидя на морском берегу и мучаясь от надоевшего цвета и запаха трески. Пойманную в водопаде русскими семгу ел в первые дни пути по тундре. Во время остановок на озере ел щуку и ел еще какую-то прекрасного вкуса рыбу. Она красноватой красивой окраски.

Здесь, в Карозере, я стал есть прекрасную рыбу—сига.

Особенно хорош копченый сиг.

Хозяйка набрала рыб, проткнула их палкой и оставила над дымом.



Женский головной убор.

На другой день у нас были чудесные золотистые сиги, немного пропахшие дымным запахом, но свежие, с замечательным вкусом.

Говоря вообще о пище, напомню, что я ел.

В тундру взяли мы с собой консервы с тушеным мясом и подбавляли это мясо в суп из оленя.

В пути мы собирали массу грибов. Идя за оленем я подбирал грибы. Олени, между прочим, тоже очень любят грибы. Но сорвать для них гриб нельзя, они отвернутся от запаха человеческой руки. Можно только навести упряжного оленя на чистый, не тронутый никем в пути гриб, и тогда он с радостью съест его.

Для грибов этих хозяйка открывала мне ящик, приделанный к задним саням, и я бросал в его отверстие ядреные огромные грибы, которых и искать было не надо—сами лезли на тебя.

Придя в куваксу, я вываливал эти грибы, и хозяйка резала их ножом и бросала в котелок. Я как-то раз ее спросил, нужно ли чистить грибы или мыть.

— Зачем грибы чистить?—сказала хозяйка.

Она, верно, не знает, что на моей родине грибы чистят и моют перед тем, как положить их в суп.

Здесь вспоминаю разговор.

Когда меня просили рассказать сказку, я рассказал самое обыкновенное событие у нас дома.

— Раз,—сказал я,—позвали у нас гостей. Пришло много гостей, и поставили на стол похлебку, вот в роде такой, какая сейчас стоит.

Лопарка слушала с особым вниманием рассказы о моем доме. Очевидно, эти рассказы помогали ей определить меня.

— И,—рассказывал я дальше,—собака наша вскочила на стол и сунула морду в похлебку и стала ее нюхать...

— Так,—говорит, прищурившись в ожидании хорошей сказки Андрей Михайлыч.

— И тогда,—кончил я,—все гости вскочили, собаку выгнали и потом побили. А похлебку потом никто не стал есть—ее выкинули вон, и гости остались голодными.

Как я и ожидал, эта «сказка» произвела большое впечатление на лопарей. Они смеялись одним духом, как мы смеемся, слушая рассказы из жизни далеких народов.

Смеялись они очень долго.

В Карозеро у нас явилось еще лакомство—морошка. В этот год морошки уродилось мало в тундре. Морошка, пожалуй, не только лакомство, но и лопарский хлеб. И во рту она, пресная, похожа на хлеб сытостью своей.

Девушки походили по берегу, и за спиной у нас появилась кадка недозревшей еще морошки. Когда стали варить суп из оленины, хозяйка в котелок прибавила морошки.

О морошке хозяйка рассказала следующую историю.

Зимой, еще в годы гражданской войны, какие-то люди, командированные из Мурманска, проезжали сквозь тундру. Или заблудились они или что случилось, только они оказались без еды как раз у осенней остановки лопарей—в Карозере. Лопарей в то время не было, они жили в зимней деревне, и Карозеро стояло все запертым.

Проезжавшим пришлось сбить замки, чтобы поесть лопарских сухарей. Потом лопарям заплатили за это в Мурманске и объяснили, что иначе нельзя было поступить. «Ели мы,—сказали русские,—по нужде». Но тут было одно обстоятельство, повергшее лопарку в сомнение. «Если по нужде, то зачем же они морошку ели?» говорила она.

Русские не знали, может быть, что для лопарки морошка—это праздник, единственное лакомство. Взятый хлеб, отбитый замок она простила, но про морошку помнит.

Вот и все, что я мог увидеть из лопарской еды.

В зимнее время сухари, запасы морошки берегутся в амбарах.

Здесь я должен вспомнить о коте, которого лопари везли с собой от моря в Карозеро охранять амбары.

Гибель кота

Я уже упоминал об этом коте. Он сделал на санках несколько десятков километров под дождем и холодом. Его лишили теплой лежанки в рыбачьей избушке в Териберке. Он испытывал все невзгоды путешественников. Раз на остановке я обратил внимание на этого кота. Лопари сидели и отдыхали. Коту как раз не было отдыха—вокруг его санок собралась масса собак. И травили кота, а он, усталый и озлобленный, выгнув спину, огрызался из последних сил, решив, должно быть, не умирать, пока силы есть. В тот замечательный переход реки, который я описал раньше, кот сидел привязанный на санках. Заботясь об овцах и детях, люди забыли хорошенько позаботиться о коте, и во время плавания кот сполз с санок и плыл сзади на веревке.

Утром после переправы я вышел из куваксы поглядеть, как все кругом сушилось, исправлялось, готовилось отдыхать. У одних санок я увидел черный вытянутый труп с открытым глазом.

— Это кто?—спросил я, не узнав знакомого.

— Это кот,—сказали мне,—утонул вчера.

Те из читателей, кто, по моему совету, должен отмечать на карте все события, случившиеся с нами, место смерти кота могут отметить на реке Вороньей, там, где пересекает ее путь оленьего стада, километрах в пятидесяти от Териберки. Место, где остался его труп,—маленький лесок, где стояли наши куваксы.

Все же остальное, что болело в пути и было положено на санки—овцы, дети, старуха,—прибыло целым в Карозеро.

*

Все, кого я перечислил, вошли в Карозеро, кроме двух семей, отделившихся от нас и пошедших ловить рыбу на Лекозеро, где я их потом встречу. Все остальные достигли Карозера со стадами оленей и овец, с пятнадцатью санками, со всеми мехами, которые были в пути, с фотографическим аппаратом, которым

снимал я лопарей. Только тоборки мои износились—их могло едва-едва хватить до конца пути.

Из пришедших новобрачные переселились на ту сторону озера, в нескольких минутах езды от нас. Там у них была построена землянка. И с ними поселился не имевший землянки Омелиан Пелькин с больной женой и дочерью Анной Омелиановной, одного года. Все же остальные рыбачили на этой стороне озера—ставили сети.

Посредине Карозера стоял общий сарай для овец, и сделана была печь для общего печения хлеба. Такими, каким я видел Карозеро, были древние города. И когда мы в очень старых книгах читаем о городах и странах кочевых народов, то это не значит, что то были громадные города и большие страны. Могло быть так, как в Карозере: десяток избушек-полуземлянок, с общим загоном для овец и общей на улице устроенной печью, назывался городом, а по другую сторону, где жил Омелиан Пелькин, там считалась другая страна.

Лопари так летом и живут: на многих озерах живут по одной, по две лопарских семьи.

Посредине же озера был остров, который можно было измерить несколькими шагами. На этом острове помещались лопари, жившие в давние времена, то есть отцы, бабушки и дедушки теперешних моих лопарей.

Я был на этом острове, когда ездил через озеро сговариваться с Омелианом Пелькиным итти на другой же после приезда день в Воронинский погост. На обратном пути я устал, так как было сильное волнение. И я остановился на озере между двумя селениями и вылез на островок, где были похоронены «старинные лопари». Там вышел я на землю «старинных лопарей»—маленький остров, розовый от брусники.

— Ничего не сказали тебе родители?—рассмеялся лопарь, встретивший меня на берегу с сетями, когда я вернулся с острова могил.

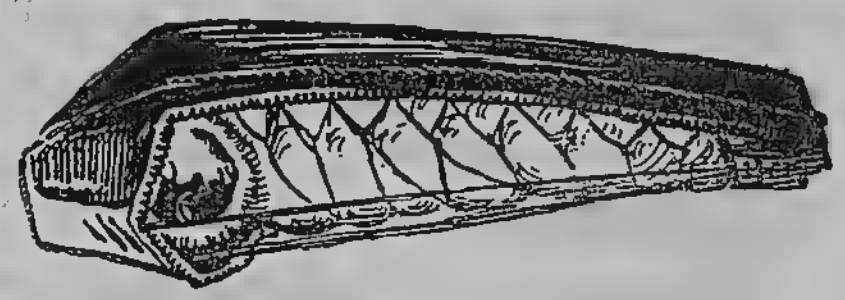
По озеру ходили лодки, закидывали сети.

Хозяйка Анна Михайловна жаловалась на жизнь: у нее опухают ноги, она уже не может стоять в холодных озерах, и Андрей тоже болен.

Колхозов, артелей у воронинских лопарей, когда я у них был, еще не было. И в этой единоличной жизни у озер лопари страдают, боятся воды, с которой дружно жили целую жизнь. Боятся волков, которые приходят к ним истреблять стада. Когда я взялся хлопотать, чтобы лопарям возвратили для ловли семги место около падуна, хозяйка сказала: «Ты нам падун охлопочи да волков отгони от Вороньего погоста, так мы всего тебя оденем», то есть она соблазняла меня теми мехами, из которых я мог купить себе только шапку да туфли.

Пимы.

Туфли.



Меховой мешок для ребенка.

— Тот раз русский приходил в другую деревню, говорил в трубу и верно отогнал волков.

Своих колдунов у лопарей уже нет. Они считают больше русских колдунами. Под колдовством лопарка понимает одну из способностей человека. Я был с фотографическим аппаратом, меня к лопарям привез секретарь сельсовета, значит, я был связан с властью: может быть, я могу и волков отогнать.

Тут она упомянула и о телефоне. Но Андрей Михайлыч ее оборвал, сказав, что телефоны—это электричество.

Лопарям в Мурманске, и теперь даже в центре тундры, прихо-

дится встречаться с предметами техники. При дальнейшем соприкосновении с культурой они легко отойдут от всяких остатков старинных представлений.

Я готовлюсь итти

Я готовлюсь итти из Карозера. Когда лопари покидают стоянку в тундре до следующего года, многие из них поднимают с земли длинные камни и ставят их как высокие памятники.

— Будешь ли ставить камень?—спросила меня лопарка, когда я ее застал за тем, как она бережно и несуетливо, так же как делала все остальное, ворочала на земле камень.—Такие мы себе памятники ставим.

Это памятники о прошедших по тундре лопарях.

В Лапландии следы не теряются: сохраняются год от года камни костров, оставляются жерди для кувакс. Я забыл сказать, что на одной стоянке мы забрали оставленный в прошлом году дом. Этот дом был постройкой из фанеры на санках.

Всякий, кто видел или представляет маленькие, рассчитанные на движение среди камней лопарские санки, знает, что этот дом может быть очень небольших размеров. Из этого дома выглядывала железная дымовая труба, а внутри стояла даже табуретка.

Лопарь с женой ехал в этом домике и продолжал жить в нем на стоянках. Домик был, если помнится, тоже оставлен в пути.

Я же ничего не оставил в тундре, кроме красненького фонарика, подаренного лопарке, да нескольких карандашей, которыми рисовали мне лопарские дети.

Впрочем, осталось еще одно. Когда я спрашивал, откуда лопари берут имена для своих оленей, лопарка сказала:

— Вот ты между нами шел, длинный и худой,—после тебя у нас олень в стаде пойдет с твоим именем.

Моего русского имени лопарки не запомнят. Но один худой высокий олень в их стаде будет называться как-нибудь в роде «длинный русский», и хозяйка, запрягая или погоняя его, всегда

будет вспоминать мою фигуру и какие-нибудь общие мои с оленем свойства и черты характера.

Вот что оставлю я в тундре.

Но тундра нуждается, чтобы приезжающие оставляли в ней не только одно воспоминание. До революции мало людей бывало в кольской тундре. Бывал купец за мехами. Изредка проезжали ученые путешественники. В научной литературе о лопарях написано мало.

Одно из лучших сочинений о лопарях напечатано несколько сот лет назад на латинском языке. Автор его—Иоанн Шеффер. Он пишет о тех старинных лопарях, которых вспоминают теперешние лопари, как о большом и сильном тогда племени. Книга Шеффера переведена с латинского на русский язык несколько лет тому назад, когда началось серьезное изучение лопарей с целью улучшить их жизнь. Эта книга и для теперешних ученых очень полезна, но на русском языке существует она всего в двух экземплярах, напечатанных на пишущей машинке. Они хранятся в Мурманском краеведческом музее.

Приезжавшие на Кольский полуостров путешественники с лопарями знакомились по пути. Их целью было исследование берега или путей тундры. Очень поздно отдельные ученые стали проникать к лопарям с целью их изучения. В наших музеях встретишь очень мало материала о лопарях—несколько одежд.

Надо, чтобы наши музеи показали, как в тундре живет лопарская избушка, как выходит лопарь ловить рыбу и как живет его стадо.

Жизнь оленьего стада тоже изучалась сравнительно мало. Ученые изучали отдельных оленей, строение их тела, привычки. Но ведь олени живут большим обществом. Можно написать целую книгу по истории лапландского оленя—сначала абсолютно дикого, потом ходившего в лопарском стаде.

Все эти вопросы сейчас должны быстро разрешаться, потому что необходимо устраивать школы для лопарей, заповедники для разведения диких оленей.

При Академии наук в настоящее время существует кольская экспедиция, постоянно ездящая на полуостров. Из ученых, изучающих лопарей, нужно указать на В. К. Алымова, который постоянно живет в Мурманске и работает по улучшению лопарской жизни.

Всякая запись человека, поехавшего на север, побывшего с лопарями, помогает понять жизнь лопарей. Ведь во многих местах, где останавливаются лопари, никто из ученых еще не был.

Если читатель этой книги попадет на Мурманский берег летом или зимой на оленях и проедет в тундру, будет много пользы и ему и лопарям.

Необязательно даже ехать с большой экспедицией или экскурсией. Можно ехать и одному. Вместо того, чтобы читать по учебнику, как в старину жили люди и как старая жизнь заменяется новой, возьмите билет на Мурманск, осмотрите порт, попадите в экскурсию на пароходы, походите по городу. Затем поезжайте в одно из рабочих становищ. По дороге вы узнаете море, услышите рассказы морские: какой капитан в каком году куда ходил. В рыбачьем становище вы встретитесь с напряженной работой. Попадите на ловлю трески. Отсюда переберитесь к лопарскому становищу и сделайте с ним путь по тундре. Когда вы выберетесь снова на линию железной дороги, сделайте несколько проездов— отправьтесь в Хибины, на апатитовые разработки. Можете пожить на озерах, на тихих островах в избушке лопаря во время летней ловли.

Перед уходом я хотел купить у лопарки вышитый бисером узор на одежду, чтобы поместить в московский музей на память о лопарях.

— Зачем вам смотреть в Москве не ваше?—сказала лопарка и вдруг вспомнила:—Разве в Москве есть наш лопин, Иван Михайлович, тот зайдет в музей, посмотрит свою родину.

И ей стало ясно, что узор можно отдать в руки русскому, который довезет его до Москвы.

Настало утро расставания с Лапландией. Я простился с хозяевами.

— Надо было кукол тебе наделать, в подарок твоим,—сказала лопарка.

Но уже поздно—я прощаюсь. Обещаем писать друг другу.

Письмо

Тут я хочу вспомнить, как по просьбе Андрея Михайлыча я писал письмо его брату в другую деревню. Брат его—грамотный, коммунист. Мы тогда стояли в Териберке. Я сходил на почту и принес карандашей и бумаги. Мы сели в куваксе. Собралась вся семья.

— Сначала пиши поклоны,—сказал Андрей Михайлыч.

Так я всегда начинал письма и в русских деревнях: «Кланяется вам ваш брат Андрей Михайлович и Анна Михайловна».

— Написал Анну Михайловну?—Лопари передохнули. Видно было, что они глубоко переживали это обращение к брату.—Потом пиши брата Антона Михайловича и жену его пиши. Написал жену? Теперь пиши Андрея Антоныча.

Андрей Антоныч был парень трех лет.

Так были перечислены все роды, упомянули и Омелиана с его женой.

Стали продолжать письмо. Вдруг хозяин вспомнил с потом на лице:

— Еще забыл Анну Омелиановну! Пиши Анну Омелиановну!

Кто эта Анна Омелиановна? И вдруг я вспомнил о младенце женского пола, которого я раз чуть не задавил, садясь в чужой куваксе: между вещей и собак поглядело на меня пунцовое больное лицо из деревянного короба. Как багаж, запакован был ребенок. Это и была Анна Омелиановна.

Кажется, все.

— Теперь пиши: «В нонешний год запоздали мы итти на осеннее место и, когда пойдем, того не знаем».

Окружавшие лопари слушали слова Андрея Михайлыча, как газету, точно никто из них этого сам не знал.

— Еще пиши,—торжественно и тихо сказал Андрей Михайлыч:—«В сей год женился у нас Иван Иванович». И другой, пиши, тоже женился.

— А другой как?

— Тоже Иван Иванович.

Оказалось, что в один год женились два Ивана Ивановича. Меня это поразило, откуда столько Иван Ивановичей в маленьком лопарском роду.

— Еще пиши,—с некоторым волнением сказал хозяин:—«Ходит сей год с нами один русский. Пойдет с нами на осеннее место, а куда дальше пойдет, мы не знаем».

— Он-то, поди, знает,—сказал в этом месте, кивая на меня, Антон Михайлович.

— Нет, уж так пиши,—сказал хозяин, которому хотелось соблюсти последовательность своей мысли:—«Куда он пойдет, мы не знаем».

И я написал о себе в третьем лице: что идет русский человек, и неведомо, куда он пойдет. Точно сказка, легко для меня писалось письмо.

А Андрей Михайлыч уставал говорить его. И все время задумывался.

— Что бы еще соврать ему?—криво усмехался он.

Это значило: что бы еще прибавить к письму очень подходящее. Лопари следили за ростом письма, точно из моих рук росло блестящее с цветами дерево, которое всех нас скоро накроет душистыми ветками.

Мне очень хотелось письмо сохранить у себя: во-первых, здесь были перечислены все роды лопарей, потом оно само по себе было очень красиво. Но я сделал с письмом, что полагалось: опустил его в териберкский почтовый ящик, откуда оно должно было пойти по морю в Мурманск, из Мурманска по железной дороге до станции.

Я ухожу от лопарей

Я простился с лопарями.

Мы сели в лодочку переехать озеро. Лопари стояли маленькой группой и смотрели на нас.

Здесь я хочу описать моих хозяев. Они роста мелкого. Андрей Михайлыч Дмитриев—рыжеус, а волос на голове почти черен. Смотрит все время очень пристально: играет ли с собакой или идет с оленем.

Анна Михайловна—плотная, низкая, идет, точно перекатываясь, губы у ней сложены в полуулыбку, но по-настоящему она улыбается редко. Глаза—маленькие, серьезные. Щеки очень велики и красны. Немного похожа она на полную красную лисицу. Когда она сидит и работает иглой, в ней масса спокойствия.

Мы причалили к другой стороне озера, где в землянке жили новобрачные и семья Омелиана Пелькина. Выпили там чаю. Жена Омелиана навязала мужу на спину высокие мешки, чайник. Взяли палки в руки. Омелиан поцеловал жену и маленькую Анну Омелиановну, и зашагали мы в далекий путь.

Омелиан Пелькин был не знавший своих лет высокий худой парень, постоянно улыбавшийся. Путь он, как оказалось, знал не очень твердо и часто заводил меня в болота.

О себе он часто говорил в третьем лице. Говорил он вообще мало, вот его короткие разговоры.

Идет он быстро по болоту, щупает землю палкой, и рядом с ним бежит, непрестанно поднимая уши, его собака: «Сегодня надо нам пройти много. Сегодня нужно в Лекозеро пойти».

Взбираемся на гору, оттуда видна гора и еще дальше горы. «Вот смотри: отсюда видна гора, с ней будет видна гора, откуда Лекозеро видно». «Да, оттуда будет Лекозеро видно».

Идем, а гора не приближается. Все белые пустые мхи и камни, как будто эту землю кто-то вспахал сотни тысяч лет назад. Ну да, ее пахал ледник! Наконец взбираемся на гору, отсюда видны леса и белые степи. Это та гора.

Нет, еще не та гора. А вот видна гора, с нее Лекозеро видно. Оказывается, мы поднялись только на подножье горы. На очень высоком месте парень сказал:

— Вот там видна гора, откуда Лекозеро видно. Туда мы пойдем. А там озеро, там живет мой дядюшка Петр Иваныч Пелькин.—Ему, должно быть, хотелось, чтобы я обратил на это озеро особое внимание.—Там живет мой дядюшка Петр Иваныч Пелькин. Провожу тебя, зайду в гости к своему дядюшке.— Он говорил с остановками, точно собирался петь.—Да, зайду к Петру Иванычу Пелькину, если он сейчас на озере, рыбу ловить не уехал.

Значит, проводив меня, Омелиан даст крюка по болотам и высоким тундрам к тому озеру, где в прошлый год жил его дядя. Но может оказаться, что дядину избушку он найдет закрытой и на пробое вместо замка завязано веревкой. Тогда, посидев в избушке, он пойдет с собакой дальше, к Карозеру, где и будет рассказывать, как проводил русского. И скажет еще, что дядина избушка стоит пустой.

Мне это казалось забавным. Представьте пустую болотистую равнину: на одном ее конце, у озера, живет Петр Иванович Пелькин с женой, на другом конце—Омелиан. И вот они встретятся, поговорят час, и опять Омелиан пойдет к своему озеру, а Петр Иванович останется на своем.

Вся большая тундра так тиха, что, наблюдая ее с горы, чувствуешь, что лопари, живущие на отдаленных друг от друга озерах, уже не так разделены друг от друга.

Взглянув на живую карту местности, я сходил с горы с Омелианом и погружался в болота, проходил мелкие, низкие лиственные леса. Омелиан идет, как и всякий настоящий лопарь, как птица, как машина—я за ним не поспеваю, но он влияет на меня, он передо мной, как раскинутые крылья, я взлетаю вслед за ним на поднятую землю, и собака рядом с нами бежит, не кидаясь по сторонам, а все прямо, тоже лопарским пастушеским шагом.

— Дойдем мы до той горы и будем чайничать. Как думаешь, будем чайничать?—спрашивает Омелиан. Этот разговор он повторяет часто. А мне хочется еще другого разговора. Я прошу рассказать его об этой местности.—А это Гирвасное озеро,— бормочет парень, когда мы подходим к огромной синей воде, затененной необычайной горой.—Здесь жили старинные лопари. Они сильны были.

Он показывает мне следы тропки, по которой, по его словам, ходили старинные лопари. Но мне кажется, что эта тропка сделана не дальше как отцами теперешних лопарей. Впрочем, Омелиан уже дедушек считает старинными лопарями. Но озеро прекрасно, и как идет к нему это название. Гирвасное озеро! Гирвас—это олень-самец [1].

Это тихое, покойное озеро с прекрасной водой.

Наконец дошли до горы, на которой должны были чайничать. Нет еще, оказалось, не та гора.

Я очень устал, но я точно прилип к Омелиану и подражаю ему. Омелиан постоянно улыбается. Мне кажется, больше себе, чем мне.

— Пройдем мы до этой горы и еще через гору—чайничать будем. Как думаешь?

Я соглашался чайничать, но с тревогой следил за горой, которая не приближалась, и, оглядываясь назад, видел не отдалявшееся Гирвасное озеро. И вот мы все-таки пьем чай.

Лекозеро

К вечеру, сквозь непрерывный дождик, измокшие, мы дошли до избушек в Лекозере. Не помню, сколько там изб—две или три. Это очень небольшая стоянка. Там мы встретили лопарей,

1 Должен в этом месте оговориться: впечатления пути с Омелианом мною собраны в одно целое. Возможно, что Гирвасное озеро (не смешивать с Гирвасозером) встретилось мне уже после остановки в Лекозере. В книге «Полярное солнце», изданной «Федерацией», я в этом месте тоже как будто погрешил против точной записи маршрута.

с которыми совершали кочевье. Хозяйка испекла нам лепешек. Хозяин говорил о дороге.

— Через речку придется вам переходить. Можно наверное пройти там. Будут теперь две речки. У второй речки там путь— по камням. Прыгай с камня на камень. Однако последний камень есть такой, что попадешь там в яму.

Лопарь совершенно точно рассказал мне об этом камешке, как нам учитель говорит по карте о каком-нибудь городе, и я уже был твердо убежден, что попаду в воду.

Сидевшие в избушке две девочки попросили у меня бумаги и карандаш рисовать: я отдал последний лист, и они изобразили на нем стадо оленей. Надо сказать, что то, что я рисовал с лопарскими детьми (вернее они для меня рисовали), запомнилось лопарями, и при прощании одна лопарка в роде того что даже поблагодарила меня:

— Ну, и тебе спасибо (в ответ на мое прощание)—ты с нашими детьми сидел рисовал.

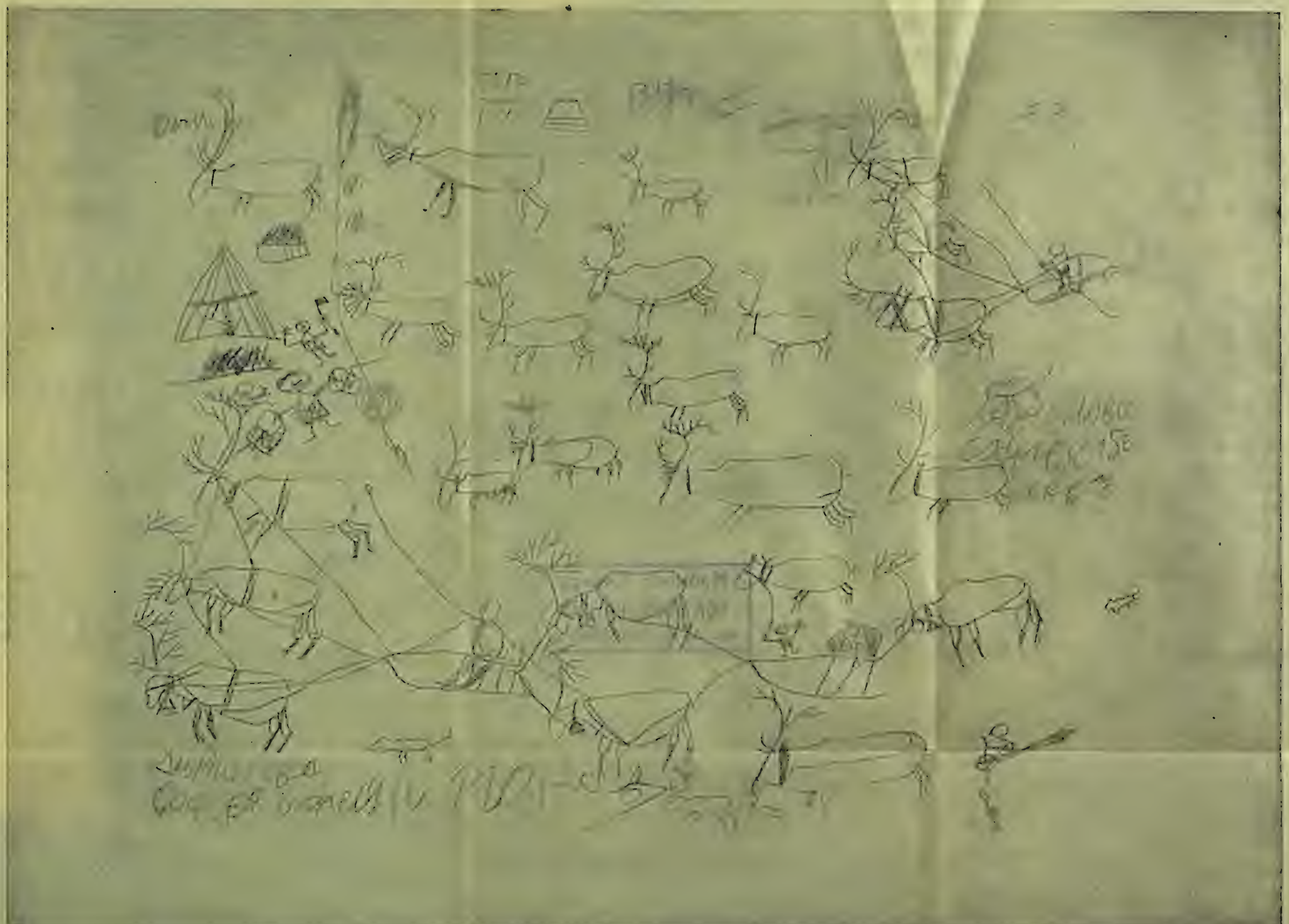
На запотевшем стекле девушка рисовала последний, который я видел здесь рисунок,—превосходного оленя. Хотел бы я взять и его с собой.

После ночевки в Лекозере мы пошли дальше, и я все думал о той речке с последним камнем.

Омелиан торопился, так как мы должны до ночи попасть к Воронинскому погосту.

— Придется через реку звать переправу. Ночью придется ночевать на камне.

Ну, теперь будем переходить через реку. Река крепкая, порожистая. Из воды выглядывают камни. Часть их виднеется из глубины смутными пятнами. По этим камням трудно итти, потому что вода сбивает. И рассмотреть их в пути под несущейся водой трудно. Оказаться в воде неприятно, потому что река уже совсем холодная. По совету Омелиана я снимаю тоборки и навертываю на босую ногу тряпки. Иначе нога будет скользить. Беру длинную палку. Омелиан быстро идет передо мной по камням. Нужно



К северным народам

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

приобрести его искусство движения: поспевать, не упасть и не останавливаться на камне, с которого стягивает ногу вода.

Трудно сравнить с чем-нибудь это путешествие по гладким, теряющимся под водой камням. Идешь не по земле: ноги твои под водой, и их срывает с камней. Раздумывать, на какой камень ступить, долго нельзя. Но я перебираюсь через все камни. Почти вся вода остается за мной. Вот впереди и берег. Перед ним одна разбивающая воду бурлящая головка камня. Это тот коварный камень, о котором говорили мне несколько раз. Омелиан уже на берегу, а я, ступая на камень, срываюсь и сразу сижу, весь пронизанный водой, по пояс в реке. Мне даже уходить отсюда не хочется, до того досадно.

— Ну, вылезай, нам нужно скорее итти в Воронинский погост,—говорит Омелиан.

Но я, вылезши на берег, протестую. Я требую костра, и Омелиан соглашается остановиться на несколько минут. В воздухе холодно. Я сажусь у костра и над костром на палки надеваю свое белье. Оно дымит и парится, из него ползет вода. Оно тлеет, образует черные пятна. Пусть горит, лишь бы немного посохло. И надо итти, скорее итти. И мы почти бежим по тундре. Нас встречают деревья, камни. В одном месте мы остановились: вся земля в камнях, как памятниках, точно выставлены на продажу.

И тут начинает падать белый град. Мы прячемся за спину камня и пережидаем. Град утих, и мы быстро оставляем этот народ камней, эту фантастическую страну узоров и каменных лиц. Есть камни, гладкие, как лбы. Есть камни, стоящие, как люди. Если бы наши скульпторы попали в то место, они во многом стали бы подражать природе в отделке камня.

Я совсем усталый, а Омелиан идет со своей собакой совсем как привиденье, и мне хочется его палкой ударить, чтобы убедиться, что у него тело такое же, как и у меня.

Входим в густой березняк. Здесь начались новые земли, простор леса. Вся моя душа объята лесом, он мне близок. В одном

месте я вижу цветок. Я давно его не видел, и сразу он мне непонятен.

В пути я немного сам стал степным животным, и мне теперь странно слышать весла, где-то ударяющие по реке. Омелиан дает полный голос, и к нам подъезжает и безмолвно берет нас лодка, в которой сидят двое—мужчина и женщина.

Воронинский погост

Это знаменитый Воронинский погост—зимняя деревня лопарей. Я могу поставить первую точку на своем пути. Мне хочется сразу спрашивать об ижемцах, которые должны ездить на карбасах, но я стараюсь сохранять спокойствие: я все-таки очень далек от конца моего пути. Но лопари со стадом мне кажутся чем-то очень далеким и в тумане.

Я точно впервые чувствую землю, крупные, далеко стоящие избушки, лесок на берегу.

Со мной последний лопарь—Омелиан. Он кажется странным среди ижемцев. Довезя меня до берега, хозяин лодки—чернобровый крестьянин—предложил мне итти к нему. Омелиан пошел ночевать в другой дом.

Ижемцы

Ижемцы—народ, живущий далеко от Кольского полуострова, по реке Печоре. Это—коми-зыряне. Коми они себя не называют. Их название ижемцы—по реке Ижме.

Несколько десятков лет тому назад ижемцы-оленеводы начали переселяться на Кольский полуостров. Среди них были состоятельные и хитрые, которые стали наживаться на счет лопарей.

Об этих кулаках-ижемцах один ижемец-бедняк мне рассказывал. Один кулак скупил у всех ближних лопарей по нескольку оленей. У него в стаде таким образом оказались олени с метками всех лопарских хозяев. Тогда ижемец велел своим работни-

кам ловить в тундре оленей из чужих стад. Когда лопари приходили к нему просить возвратить оленей, он отвечал: «Ты сам мне продавал оленей с твоими клеймами. Только те у меня есть». И лопарь не мог пожаловаться и доказать, что ижемец украл его оленей.

Два или три ижемца были подлинными эксплоататорами—они имели тысячные стада. Революция прекратила их наживу. У большей части ижемцев такие же стада, как у лопарей, но лопари страх перед кулаками перенесли на всех ижемцев и об ижемцах говорят: «Ижемцы—хитрый народ». Ижемцы—полуземледельческий народ. У них есть маленькие огороды, у некоторых и поля. А их скот, как в русских деревнях, со всей деревни пасут пастухи. Немногие ижемцы ходят сами со стадами.

Воронинский погост лежит посредине тундры на речке Вороньей. Здесь помещается сельсовет. Председатель сельсовета—лопарь. В летнее время члены сельсовета разъезжаются по озерам ловить рыбу, и, так сказать, власть в тундре прекращается. Больше половины домов в Воронинском погосте стоят пустыми—это дома лопарей, которых я оставил в Карозере.

Мне показывали дом Андрея Михайлыча, дом Антона и другие дома. Они стоят закрытыми.

Жизнь—в нескольких ижемских домах. Есть постоянно живущие в Воронинском погосте ижемцы. Кроме того летом приезжают ижемцы из села Ловозера (по реке около шестидесяти километров) на покосы (около Ловозера покосов почти нет). Также стоят в Воронинском погосте два ненцских (самоедских) дома.

Ненцы, которых русские до сих пор называют неправильным названием самоедов,—народ, живущий в тундре за Архангельском и на островах Ледовитого океана. Они близки лопарям по образу жизни, такие же кочевые оленеводы. И у самоедов, живших отдельно от других народов, гораздо больше остатков древности, первобытности, чем у лопарей. У ненцев сохранились еще давние каменные боги и боги из обрубков дерева. Сохранились колдуны. В отдельных местах ненцского севера, в Печорской губе

и на Новой Земле, после революции началось просвещение туземцев. И старый самоедский быт сильно изменился.

На Кольский полуостров ненцы пришли вместе с ижемцами. На Ижме ижемцы имели работников—ненцев. Эти работники приехали и на Кольский полуостров. За время долгой службы у ижемцев эти ненцы отвыкли от своего родного языка и даже совсем его забыли. На Кольском полуострове их совсем мало. Они отличаются от всего остального населения своим видом. Несведущий человек может спутать их по виду с китайцами и другими восточными народами. Так в Воронинском погосте встретились три маленьких народа: оленеводы—лопари, полуоленеводы—ижемцы и ненцы.

★

Лопари в Воронинском погосте живут только часть зимы. Они уезжают в эти годы на работы по линии Мурманской дороги. Так постепенно за несколько лет лопари совершенно сольются с оседлым населением.

В прошлом году в Воронинском погосте два месяца была школа. Лопари, забрав детей, выехали к Мурманской дороге, и школа кончилась. Теперь Комитет Севера старается устраивать школы с интернатами, чтобы в них постоянно могли жить дети. Такие школы есть и в печорских землях и на Новой Земле для ненцев.

В избе ижемца

Хозяин мой, очень тихий, чернобородый ижемец, совсем не похож на тех людей, которых я оставил в Карозере. Сразу чувствуется, что он связан с землей. В окно я вижу совсем маленький огород. С улицы мычит корова. А главное—большая изба с печью, с лавками, и для меня ставят самовар, подают на стол мягкий теплый хлеб (я уже забыл его вкус и цвет) и чашку со сметаной.

Здесь, в этой избе, живут не временами, а постоянно. Стены обклеены газетой. На одной стене известная картина: Ленин сидит

в кресле, а вокруг него стоит состав Политбюро ЦК ВКП(б)— несколько человек с внимательными лицами, как бы прислушиваясь к Ленину.

— Ленин,—сказал мне ижемец,—вокруг доктора стоят.

Он думал, что эти люди собрались лечить Ленина.

Рассказали мне, как переселились с Ижмы на Кольский полуостров.

Жена хозяина—женщина с самоедскими скулами и глазами. Толстый сынок хозяина тоже вышел совсем самоедом. Как я узнал после, жена ижемца действительно самоедка.

Мне подали поджаренный картофель. Здесь он был мелкий, меньше яйца. Я думал, что это зависит от климата. В Мурманске мне объяснили, что жители не умеют разводить картофель: на опытных участках и на колхозном поле картофель достигает тех же размеров, что и в средней России.

Мягкий хлеб, сметана, картофель после лопарского кочевья показались мне какими-то лишними. Я весь был овеян ветром скитаний с лопарями. И совсем необыкновенной мне показалась жизнь здесь, когда я помылся не у ручейка, а из висевшего над крыльцом умывальничка.

Мне предстояло здесь два дня ждать, когда поедут ижемцы в Ловозеро. Ижемцев я все-таки застал. Покосы не все еще кончились, и ловозерские ижемцы жили здесь последние дни, готовясь на двух карбасах пуститься по реке Вороньей.

Порожистая река идет до Ловозера.

Я побыл два дня в лесу у речки, устроил маленький костер и спасался этим от комаров. Я лежал на земле, просто отдыхая, разглядывая каждую травку. Земля мне напоминала родные места. Как я потом узнал, по погосту разнесся слух, что я исследую землю, рассматриваю почвы, а одна женщина даже утверждала, что я приехал со специальной целью «смотреть маленьких собачек дерьмо», то есть, увидя меня склонившимся над землей и потом обнаружив на этом месте сухой собачий кал, она решила, что я приехал в Лапландию специально для его исследования.

В тундре уже привыкли, что приезжают одинокие люди или маленькие экспедиционные отряды, которые собирают мох, куски пород и другие обыкновенные вещи.

Так и было истолковано мое появление. Об этом рассказывал мне везщий меня в Ловозеро ижемец.

— Вот видите,—сказал он, когда я объяснил ему цель своей поездки,—до чего у нас народ темный.

Перед уходом обратно зашел попрощаться Омелиан. Он сидел молча на лавке. Ему дали чаю, и ижемские девушки смеялись над его короткими ответами и улыбкой. Я видел, что для них Омелиан был человек чужой и далекий. Впрочем, и среди лопарей Омелиан выделялся особенной неграмотностью: он не только не умел свою фамилию ставить, как умели некоторые лопари, но совсем не умел считать деньги.

Впрочем, деньги считать в этом крае далеко не все умеют, как это читатель увидит дальше. И вот Омелиан собрался итти. Сначала, как он говорил, он должен зайти к избушке своего дядюшки—посмотреть, возвратился ли дядюшка с рыбной ловли, потом пойдет в Карозеро. Сейчас мои лопари во-всю ловят рыбу. Я дал Омелиану десять рублей за проводы. Теперь я остался один среди ижемцев.

По реке Вороньей

Хозяин карбаса—молодой ловозерский ижемец. Ижемцы, комизыряне, похожи на русских наших северных губерний. Такие же лица, как у живущих постоянно у рек и в лесах крестьян, свежие, здоровые.

На карбас село человек пятнадцать: мужчины, женщины с ребятами и девушки. Хозяин избушки долго не хотел взять деньги за постой. Он проводил с сыном меня до карбаса.

Наш путь был против течения. Мы должны были плыть несколько суток на двух парах весел. Я сразу сел за весла, и нас охватила свежесть реки.

Сначала мы ехали близко от берега. Остановились за погостом на лугах, чтобы собрать сено. Тут я впервые увидел здешние луга, те луга, на которые за сто с лишком километров приезжал прокормить свою корову колонист из Териберки. Это не луга, а кочкарник: косой здесь размахиваться не приходится, нужно орудовать ею осторожно и медленно, как ложкой во щах. Из вида этих лугов сразу понятно, что эту землю может победить только большое организованное хозяйство—совхоз и колхоз, ибо без мелиорации, без машин, без государственной помощи и специалистов ничего здесь не сделаешь.

Едем мы по реке, забывая берега. Они далеко отошли в стороны. Точно среди воды мы выросли и живем. Не даром ижемцев зовут по реке, по Ижме. Река здесь вначале богата порогами, и мы передвигаемся еле-еле. Да еще сильный встречный ветер.

Вот шумит вдали большой порог. В реке попадаются камни, и приходится внимательно присматриваться, чтобы не вывернуть весла. Наша широкая лодка напоминает мне целый город. На высоких тюках лежат женщины, кормят ребят. Мужчины поют. Порог ближе и ближе, вода гудит там сухим острым шумом. Карбас причаливает к берегу. Нам надо по лесу тащить на себе жерди, груз, в то время как один из мужчин будет итти в карбасе пихаясь веслом, а другой, идя в воде у берега, тянуть карбас бичевой.

С грузом на плече иду уже по настоящему лесу—высокому и глубокому, везде стоят красные шапки грибов. Пришлось переваливать три или четыре порога. Молодой ижемец мне рассказал:

—Раз секретарь Ловозерского рика поехал по делам в Воронинский погост. Поехал первый раз, он был приезжий. Кто-то, желая ему за что-то отомстить, посоветовал ему ехать по правой стороне реки, в то время как надо было ехать по левой. С этим советом риковец и поехал один по пустынным местам. Его подхватило порогами и несколько километров несло среди камней. Он уже простился с жизнью, считая, что лодку разобьет.

Из этого случая видно, как трудно бывает работать тем энтузиастам, которые приезжают в эту страну укреплять советскую власть и встречаются с недружелюбными кулацкими частями населения. Человека можно было погубить не обрезом, а просто советом,—пустить его в пороги, и он разбился бы и утонул среди пустынного места, только обломки его карбаса нашли бы проезжающие люди.

Мы заночевали на берегу. Набрали ветвей и из них сделали пахнущие зеленью шалаши. Были сумерки. Если даже глаза закрыть, то ясно чувствовалась большая река—так ею веяло. Пока раскладывали костер, я с ижемцами пошел собирать грибы. Делали пять шагов от гриба к грибу. Ведь здесь грибов никто не собирает, и даже странно их трогать: такой массой стоят они.

За грибной похлебкой ижемец рассказывал мне о своей стране:

— Лопари прежде хлеба не умели печь. Это мы их научили печь хлеб. И лопская малица—это наша одежда, прежде так лопари одеваться не умели. И санки-то лопские—это наши санки, с Ижмы. Лопари такой народ: прежде, бывало, соберутся у них большие мужики, возьмут оленьи рога в руки и начнут скакать.

(Это та самая игра, которую я видел у детей на берегу океана.)

Я спрашивал о родине ижемцев. Ижемцы—это коми-зыряне. Но они коми себя не считают.

— Да, знаем мы зырян Коми! Они как разбогатели? Приезжали в наши деревни просить ради христа. А у нас всем дают. Другие зыряне не сами еще приезжали, а посылали работников на лошадях.

— Как, собирать милостыню?

— Да, разбогатели. А ижемцы всем дают и дают. Наголо обобрали ижемцев.

В этом рассказе уже чувствовалась та борьба, которая происходила на Печоре и Ижме, где кулаки и промышленники приезжали в глухие места нажиться на счет оленеводов, та борьба, которую перенесли и на Кольский полуостров, в Лапландию, отдельные кулаки-ижемцы, выходцы с Ижмы.

Много рассказывает ижемец о темноте населения. Сам он бывал в Москве и в Ленинграде, когда был в армии, и рассказал, как он в Ленинграде на вывеске одного булочника увидел такое имя, отчество и фамилию, как и у себя, и пошел к этому булочнику спрашивать, не земляк ли он.

— Вот Костя, у которого вы жили в Воронинском погосте,— он денег считать не умеет. Раз он работал с другим ижемцем вместе, и рассчитали их медными и серебряными деньгами. Так Костя с тем ижемцем собрались делить деньги, сосчитать не умеют, а откладывают друг против друга одинаковые. Так до конца и не разделили. Да за них разделили другие.

О неумении считать ижемец рассказал мне историю про одного ненца:

— Жил у нас один самоед. Все собирался купить лыжи. А у него деньги были в бумажках, потом золотые и потом серебро и медь. Ну медь, та всех тяжелее. Пошел самоед на охоту, жена осталась. А как раз в то время торговец пришел. Приходит муж. Она уже лыжи купила. «Сколько дала?» спрашивает муж. «А дала,—говорит,—самые худые деньги—бумажки да мелкие желтые». Это, значит, золотые отдала. «Потом,—говорит,—дала два белых колеса». Это, значит, серебряные рубли. «И этих дала немного». То есть она всю медь сберегла да еще серебро, а золото и бумажки отдала.

Так обманывали торговцы ненцев, лопарей, ижемцев. Вся огромная страна с доверчивыми честными людьми при царе была отдана во власть приезжих торговцев. Торговец приезжал в глушь с водкой, с ярким сукном. За невиданные вещи ему отдавались оленьи стада, десятки соболей. Он уезжал богатым, вкоренив в туземцах привычку к пьянству. Этому хищничеству положен конец революцией и советской властью, когда поставлены препятствия к привозу алкоголя в тундру, когда запрещена скупка мехов торговцами. Вместо лавки купца, теперь учреждены туземные кооперативы, членами которых состоят сами туземцы. В кооперации туземец получает свое первое образование.

Ловозеро

На следующий день к вечеру мы подъехали к озеру Ловозеро. Есть озеро Ловозеро и есть село Ловозеро. Село стоит не на самом озере, а в нескольких от него километрах по речке. И мы решили не добираться сразу до села, переночевать на озере, на островке.

По пути нам попала лодка. Это председатель Ловозерского рика уезжает по делам. Так приходится встречаться в тундре с представителями власти. Они всегда в движении, всегда на работе.

Ловозеро—громадное красивое озеро, целая страна воды со многими островками, на которых летом живут лопари из села, занимаясь рыбной ловлей.

— Вот лебедь сидит,—указали мне на озеро.

Далеко, среди глади воды, на маленьком островке, скорее камне, сидел лебедь. Лебеди всегда так сидят—поодиночке, среди громадной пустынной воды. Я навсегда запомнил эту сидевшую среди далекой воды птицу.

Мы вылезли на остров. Здесь была последняя моя встреча с лопарями. Опять меня встретили маленькие избушки и амбарчики с оленьими рогами на высоте. Опять маленькая изба—пырт—с камельком. Сели у огня. Постепенно в пырт стал набираться народ—ижемцы и лопари. Разглядывали меня.

— Это мы-то, я понимаю, а товарищ-то зачем пришел мучиться,—сказал невысокий седой лопарь, напомнивший мне сейда—жителя камня.

Ему стали объяснять.

— Да неужели знаешь лопарский язык?—спросил меня.

Я сказал одну из немногих фраз, которые знал: «Дай мне хлеба» («Пыт мине лейб»).

— А что думаете, русский сейчас все может!—сказал низкий лопарь.—Приехал раз русский, сел против меня, точно меня давно знает, и сказал по-лопарски: «Ну, давай, расскажи мне сказку». А мы с ним никогда и не видались.

Село Ловозеро

Большое село Ловозеро, один из центров тундры, по внешнему виду ничем не привлекательно. Стоит оно в стороне от красивого озера, на пустом месте. Посреди села проходит речка. В одной части села стоят преимущественно лопарские дома. Там опять видишь оленьи рога над крышами.

В другой части ижемские дома. В Ловозере я первый раз за время моего путешествия сходил в баню, и тело мое рассталось с тем вечным запахом кожи и жира, который передали мне тоборки. Тоборки, кстати, совсем разорвались, и я оставил их хозяину в Воронинском погосте.

Я должен был итти теперь просто в ботинках, надеясь на то, что дорога из Ловозера в Пулозеро в хорошем состоянии.

В Ловозере я жил у отца привезшего меня ижемца в большой избе. Здесь тоже ставили самовары, подавали на стол молоко. Принесли только что выловленную рыбу. Старик спросил меня, люблю ли я рыбу «сырком». Ижемцы любят, отрезав кусок от неуснувшей еще рыбы, прямо положить в рот. Ел и я, для того чтобы испытать вкус. Есть сырую рыбу можно, но только сначала посолив. Ижемцы едят без соли.

Здесь у ижемцев я купил пыжиковую шапку прекрасного черного цвета. Она вся легко светится, как атласная.

Из тундры кроме этой шапки я вывез еще туфли: пару купил у лопарей и пару у ижемцев. Туфли эти делаются из меха и украшаются спереди набором из тонких разноцветных полосок сукна. Ижемцы сдают туфли в местную кооперацию.

Оба мои хозяина, и отец и сын, состоят рабочими на замшевом заводе. Из оленьей кожи выделывается ценная замша, из которой делают разные мелкие сумочки. Замша идет главным образом для экспорта. На Ловозерском заводе, выделывающем замшу, работает что-то около десяти человек. Пока еще это производство недостаточно развито.

В Ловозере же есть и оленеводческая станция, где специалисты-зоотехники изучают оленя и его болезни.

Одним словом, это село в центре тундры уже приближается к тем селам и культурным местам, которых много по остальному СССР. Здесь есть клуб, красный уголок, библиотека и школа. За летним временем почти все было закрыто.

Я побывал в рике.

Секретарь рика спросил меня, существует ли в данный момент сельсовет в Воронинском погосте.

Я ответил, что члены сельсовета живут сейчас разно, на озерах. В таких особенных условиях приходится строить в тундре советскую власть.

Я спросил секретаря о дороге из Ловозера.

Дорога эта строится уже два года и через год будет окончена. Часть дороги около Пулозера уже сделана—болото обращено в хороший тракт, по которому можно ездить. Однако мне до этого придется сделать большой путь по болоту.

— Ходил я в Пулозеро летом, как вы, в ботинках, но ноги замочить придется. На дороге всюду положены жердочки. Но иная жердь и соскользнет.

Он советовал мне взять проводника, но мне хотелось пройти этот путь одному.

Девяностодвухкилометровый путь из Пулозера до Ловозера аккуратно делает ловозерский почтальон. Он ходит два раза в неделю, то есть живет почти беспрерывно в пути.

— Наверное встретите почтальона.

На пятнадцатом километре есть избушка для ночевки. Потом такая же избушка попадается еще через несколько километров. Через пятьдесят два километра от Ловозера есть стоянка, и после нее уже до Пулозера стоянок нет.

Секретарь уверял, что пятидесяти двух километров по болоту мне не сделать. Однако я был так заражен желанием скорее попасть к Мурманской дороге, что решил сделать весь путь в два дня.

Один по тундре

С котомкой за плечами я вышел на другой день рано утром за село, провожаемый стариком-ижемцем. Он провел меня по болотистой почве до леска, где встретил меня первый верстовой столб с надписью: «9/1». Отсюда начинается моя дорога; я поцеловался со стариком, и, немного волнуясь, пошел по узкой, едва намеченной человеческими ногами тропке. Оглянулся на высокого красивого мужика, который крикнул мне, чтобы, если я еще раз попаду сюда, прямо ехал к нему.

Я стал считать километры. Лес был тих, и даже птицы не пели. Если убить человека в этом лесу и зарыть, никто никогда не откроет этого.

До Териберки я ехал с моряками, от Териберки шел с лопарями, до Ловозера с ижемцами по реке. Теперь иду один. Путешествие через леса по скользкой лежащей в черной мокрой земле жерди. Иногда жердь сворачивала в сторону. Мне надо было прыгать через болото, тонуть среди кочек. Иногда жерди временно пропадали, начиналось пустое место, и я едва догадывался, где идет дорожка.

Местами начинались просеки, которые шли через этот девственный лес. Здесь уже был путь человеческой руки.

Я подходил и к речкам, над которыми были накинуты прекрасные деревянные мосты, поднимался на горы, где вела все та же тропа. Путь был как и прежде безлюдным, я начинал уже сомневаться в том, что могу встретить людей. И вдруг среди лесов показалась собака, ее вела за привязь женщина. Женщина оказалась самоедкой. Подойдя ко мне, она спросила что-то, но я не сумел разобрать ее выговора. Наконец понял: она спрашивала, не встречал ли я Кузьму Ивановича.

Немного позже, среди лесной тишины, среди высоких, как дома, сосен встретил я маленькую избушку. Снаружи дверь ее была приперта большим шестом. Это была избушка для проходящих. Я зашел на минуту, посидел, разжег костер, согрел чулки. На

избушке над входом была высечена надпись, которую переписываю сюда так именно, как она высечена:

«Ленин умир, ну дело его жывет. Строила артель костромских плотников».

Конечно эта избушка в тундре есть дело Ленина. Пулозерский тракт сыграет огромную роль в жизни Лапландии: он соединит лопарей и ижемцев со станцией Мурманской дороги, сделает возможным частые приезды из тундры в Мурманск. Ведь все, что я прошел с лопарями, с ижемцами и один долгими днями и светлыми ночами по болотам, рекам, лесам, пешком, на санях и на лодке,—все это пространство поезд мог бы победить в несколько часов. И сейчас я выйду из центра тундры, сяду в вагон и буду часа два дремать, и поезд, мелькая между болот и лесов, доставит меня в Мурманск.

Я иду, все еще боясь устать: до ночевки далеко. Попадается еще человек—русский, в пиджаке, в подмоченных брюках и таких же штиблетах, как и у меня. Мы присели на то дерево, лежащее на земле, через которое каждый должен был переступить в разные стороны, и он мне рассказал обычную канцелярскую историю, как он поступал в Пулозеро, но по ошибке не поступил, и теперь его приглашают счетоводом в Ловозерский рик.

Дальше уже в полусне я видел насыпи, срубленные деревья, людей, строящих дорогу, шел по плотной убитой земле и опять потерял ее.

Я ночевал, как и хотел, на стоянке.

На следующий день я делал путь уже по хорошо проложенной дороге, победившей болото и лес. Я боялся опоздать к поезду и торопился. У меня начинало от усталости нехорошо биться сердце, и я боялся, что не выдержу. Вдруг все во мне стало постепенно успокаиваться. Я поймал себя на том, что я сплю.

Многие из нас знают наверное, что можно спать в дороге, на ходу. Это очень интересное состояние: все сразу облегчается, сердце начинает биться ровно, нет никаких возбуждающих мыслей, все тело твое спит, за исключением того участка мозга, который

заведует ходьбой. Ты продолжаешь спокойно и равномерно итти, не замечая леса, ничего не замечая, кроме дороги под ногами.

Во сне передо мной выплыла партия рабочих, и шедший впереди спросил, сколько времени. Я в ответ спросил, поспею ли я на поезд, точно и не я говорил: я так странно, точно со стороны, чувствовал свои говорящие губы и голос, как он исходил из меня.

Я шел дальше, и вдруг открылась передо мной картина.

Огромное озеро, за ним высота, в высоте опять озеро. Гора и озеро, гора и озеро. Так что все запомнить и увидеть не мог, а только поразился. Я спустился с горы в маленький аккуратный поселок и там увидел показавшуюся мне забавной ниточку железной дороги. Я так привык к другим путям по оленьим следам, что не верил, что эта ниточка соединит меня с городами. Однако счастье заполняло мое сердце: я дошел до Пулозера, ибо что это такое, как не станция Пулозеро, хоть я и гляжу на нее почти во сне. Нашел и самую станцию—маленький домик. Там я встретил пожилого человека—начальника станции; сидел с ним и разговаривал.

Он живет в этом глухом поселке среди гор и не скучает, потому что его увлекла охота. Сына своего он недавно отправил учиться. Он показывал мне его рисунки.

Отсюда я отправил телеграмму в Москву в учреждение, которое меня ждало. Начальник станции жалел, что я пришел поздно, а то бы он поставил самовар. Вдруг раздался гудок поезда. Это шел поезд со знакомых мне уже мест: с Кондопоги, Кандалакши, Ленинграда. То, что мне казалось всегда севером, стало теперь для меня югом.

Вот подошел поезд к станции Пулозеро. Десяток человек сел со станции, и поезд пошел в Мурманск. Теперь, сидя на лавке в вагоне, я мог наблюдать те болота, которые казались мне непроходимым путем.

Лопари сейчас рыбачат в Карозере, ижемцы кончают свои покосы, а я подъезжаю к городу Мурманску.

★

Интересно, что я и в дороге и в Мурманске продолжал дня два спать этим же сном. Находясь на ногах, встречаясь с людьми, я все чувствовал сон во всем своем теле.

Первое время, когда я обедал в ресторане, мне казалось странным брать пищу вилкой, и все казалось, что я сижу без стула, сложив ноги, посреди лопарских собак и моих хозяев.

И еще долго у меня сохранилась привычка, проснувшись, ждать, что я, раскрыв глаза, увижу над собой лапландское небо, выступающее из восьмиугольного отверстия куваксы.

Из описания моей поздки читателю будет ясно, как трудно до сих пор жилось лопарям. При царском строе суеверия и сказки заменяли им грамоту. Лопарский пастух Иоганн Тури написал книгу о лопарях, живущих в Норвегии. Книга эта была издана в 1912 году на немецком языке. В виду исключительного ее интереса я приведу в следующей главе места из этой книги. В этой книге найдешь не мало описаний столкновений лопарей с более сильными, приходившими на север, народами.

В наших русских книгах известия о лопарях встречаются главным образом в связи с войнами, которые вели русские цари, подчиняя Север.

Русские купцы проникали до Белого моря и дальше. Встречая лопарей, они рассматривали их как животных, у которых можно было все отбирать, которых можно было вытеснять из лучших мест страны.

В одной старинной книге лопари названы «страшными сыроядцами».

Русские монахи обратили внимание на их привычку есть сырое мясо и приравняли их к хищным зверям. Из моего описания лопарской жизни читатель может понять, что этих сыроядцев никак нельзя было считать страшными. Лопари—тихий, спокойный народ, внимательно относящийся ко всему живому. К этому приучает их постоянное пребывание в стаде, забота об оленях.

По сравнению с этими тихими пастухами люди, пришедшие из России с оружием, были в большей степени сыроядцами, чем сами лопари.

В XVI столетии царь Иван Грозный приписал большую часть лопарей к основанному на севере Печенгскому монастырю. Монастыри на севере были зачинателями крепостного хозяйства. Печенгский монастырь получил огромную пустую землю. Тот народ, который бродил по этой земле, оказался в его распоряжении. Чтобы приручить лопарей, монахи крестили их, вешали им на шеи русские иконки. Но со времени этой власти русских над лопарями до самой почти революции лопари почти не двинулись в своем развитии. Наоборот, во всех своих рассказах лопари вспоминают, как сильны и здоровы были они в то время, когда, кроме них, никто не жил на крайнем Севере. Русские купцы, наезжали к лопарям, оставляли у них только водку и русские болезни. Зато купцы жертвовали на монастыри, и северные монастыри становились настоящими хозяевами земли.

Так до самой революции на земле лопарей распоряжались чужие хозяева.

После октябрьского переворота для защиты кочевых народностей был создан при ВЦИК Комитет Севера.

Места охоты, пастьбы скота, ловли рыбы в районах, населенных кочующими народностями, предоставлялись в первую очередь им. Но предоставить это право еще не значит по-настоящему помочь малым народностям. Неграмотный народ не сумеет воспользоваться своими правами.

Комитет Севера стал посылать людей в самые дальние места: организовывать среди туземцев кооперацию и культбазы—места их просвещения.

Кооперация на мурманском берегу поставлена хорошо. Летом лопари получают продукты из лавок в рыбачьих становищах. Перед отправлением в поход им дается запас на дорогу. Лопари, выходя из Териберки, взяли такие запасы на два месяца вперед. В то же время они имели право получить продукты из лавки

в Воронинском погосте. Придя в Карозеро, лопари собирались послать людей получить «норму» из воронинской лавки.

Таким образом лопари несколько месяцев в году находятся почти на двойном снабжении.

Лопари-охотники доставляют зимой меха в лавки Госторга, который расплачивается и товарами и деньгами.

Так как эта кооперативная система находится под строгим партийным и государственным контролем, и лопари сами приучаются участвовать в кооперативных делах, злоупотребления в кооперации не часты.

Второй вопрос—это правильная организация советского аппарата.

Лопарь с хореем.

По советским законам малые народы имеют право выбирать свои туземные советы из представителей своего народа. Как бы ни было мало туземное население по сравнению с пришлым, оно может иметь свой туземный совет, кроме обыкновенного районного.

На Кольском полуострове недавно установлено такое районное деление, при котором центры управления тундрой оказываются в лопарских становищах.

За последнее время ряд лопарей уже работает в сельсоветах и районных органах. Полукочевой образ жизни мешает пока этой работе советов. Сельсоветы на определенный период времени прекращают свою работу.

Очень большое влияние на организацию лопарей имеет культурная работа

в тех центрах, где лопари бывают зимой, где они располагают свободным временем.

Прежде всего этим центром является Мурманск.

Лопари в Мурманске останавливаются в Доме рыбака (то же, что у нас Дом крестьянина). Здесь ведется культурная работа. Рядом с Домом рыбака—клубы и кино. Но твердой привычки к ним у лопаря еще не выработалось.

Громадное значение для лопарей имели устраивавшиеся в Мурманске оленьи бега и стрельба на призы. По словам лопарей это было лопарским праздником. На нем они могли показать свою ловкость в стрельбе и управлении оленями. Розданные призы, подарки очень порадовали лопарей.

Действует на лопарей участие в съездах и конференциях в Мурманске.

Как раз перед моим приездом в Мурманск там был пионерский слет: приезжали пионеры-лопари из самых дальних погостов. До зимы пионербюро теряло связь с местными пионерами. Те жили на озерах, кочевали в тундре. Зимой связь восстанавливалась. Что касается школьного обучения, то в большинстве мест существовали временные школы на период зимнего стояния лопарей. Теперь в некоторых местах организованы школы-интернаты, где в учебное время всю зиму живут дети.

Воспитание детей, обучение культурным привычкам при хорошем руководстве должно иметь решающее значение в лопарской жизни.

Смертность детей в условиях кочевья—большая. Вы читали, что приходится переносить лопарскому ребенку, начиная с того момента, когда его запаковывают в узкий футляр и оставляют лежать в куваксе.

Ребенок рождается в чуме, выносит болезни под открытым воздухом тундры. Когда-то это не вредило лопарям, но теперь народ стал слабее и нуждается в уходе.

В Комитете Севера в Москве обсуждается еще один тип школы для кочевых народов—это передвижная школа. Учитель должен

путешествовать вместе с туземцами, собирать людей в куваксах и там их учить. Особенное значение этот проект приобретает для кочевых народов Сибири, мало связанных с местами оседлости.

Что касается лопарей, то поверхность Кольского полуострова не так уж велика по сравнению с сибирскими равнинами. И там и здесь в кольской тундре появляются крупные хозяйственные центры: и по линии Мурманской дороги, и в Хибинских горах, и на берегу моря. Лопарь все чаще и чаще приходит в соприкосновение с этими пунктами и там будет получать образование.

Нельзя предположить, что очень долго останется в тундре порядок передвижения всего народа вслед за стадом.

Оленье стадо будет со временем более домашним—пасти его будут пастухи, но не весь народ. Лопари осядут по разным культурным местам тундры.

Здесь следующая, очень большая задача—организация лопарского хозяйства. Оленьи стада, предоставленные сами себе, постепенно редеют и от волков и от болезней.

На Кольском полуострове начата работа по организации помощи оленьему стаду: ряд специалистов работает на оленеводческой станции в Ловозере. Существует также мысль организовать в тундре заповедник для оставшихся немногих диких оленей. Этот заповедник будет в роде конского завода: скрещивая лопарских оленей с дикими, будут улучшать породу скота.

Громадное значение имеет осушение болот, повсюду проводимое на Кольском полуострове, введение культур, которые раньше считались не подходящими для тундры. У лопарей скоро появятся свои огороды и поля.

Мелиорация изменит кочевой образ жизни.

В ведущемся на Кольском полуострове строительстве—дорожном, разработке апатитов и т. д.—лопари принимают близкое участие. Они лучшие знатоки тундры, лучшие провожатые по тундре.

Партия начала объединение маломощных, как здесь выражаются, «малооленных» лопарей. Начата организация колхозов.

Что такое лопарский колхоз

Прежде всего колхоз создается как объединение лопарей, работающих по перевозкам, затем организуются и другие чисто скотоводческие колхозы.

Организация оленеводческих колхозов началась с 1929 года. По пятилетнему плану намечена организация колхозов во всех лопарских погостах.

Для лопаря коллективизироваться—значит, войти со своим колхозом под защиту государства, обеспечить себе со стороны государства работы по перевозкам, возможность часто пользоваться помощью животноводов. Сверх того колхозы скорее приблизят лопаря к земле и освободят его от трудностей путешествия со стадом.

Лопарь будет экономить свои силы—стадом будут заниматься специальные пастухи. Колхоз же получит возможность начать обработку земли.

Громадное значение должна иметь коллективизация для престарелых и больных лопарей. Сейчас больной лопарь должен итти старыми путями за стадом по тундре, мерзнуть в озерах, добывая рыбу. При усложнении и разделении труда в лопарских колхозах старые и малоспособные к труду лопари будут получать легкую работу, а совсем неспособные переходить на социальное обеспечение.

Таким образом колхоз в тундре приведет лопарей к тем же усовершенствованным формам жизни, какие мы наблюдаем в коллективизированной русской деревне.

Для того чтобы помочь коллективизирующимся малооленным лопарям, государство дает им долгосрочную ссуду для покупки оленей. Так, несколькими колхозами уже куплены стада.

Нужно отметить, что среди лопарей очень мало кулаков. В Воронинском погосте ряд лопарей был объявлен имущими, но позднее, на собрании лопарей при участии представителей Мурманска, было выяснено, что большинство хозяев кулаками сочтено неправильно, и им были возвращены права. Только два или три хозяина в этой

части кольской тундры являются подлинными кулаками, эксплоататорами и лишены прав.

Среди ижемцев кулаков больше. Их влияние на лопарское население сейчас пресечено.

Находясь в Ловозере, я видел одного из этих кулаков. Это бывший владелец тысячного стада. Работники его воровали оленей из малых лопарских стад.

Этот бывший хозяин при мне еще гулял по Ловозеру, но делать ему было нечего. Как я слышал, он собирается на Печору.

Когда читатель все это читает, он не должен забывать, что лопарей в СССР осталось всего около двух тысяч, что этот замечательный народ, если расселить его в Москве, весь поместился бы в одном большом доме.

И запомните, что этот когда-то большой безжалостно истреблявшийся в старое время народ, теперь двухтысячный среди стапятидесятимиллионной массы народов Советского союза, пользуется особым вниманием, имеет свои культурные органы.

Интервенция, белые чуть было не смяли лопарей. В годы интервенции у лопарей тысячами отбирались олени. Наиболее активные лопари в эти годы оказались партизанами, и до сих пор сохранилась слава о нескольких таких лопарях.

Теперь учителя, животноводы, мелиораторы едут на помощь этому маленькому народу. А несколько человек из лопарей учится в Ленинграде на рабфаке народов Севера. Когда-нибудь один из этих выучившихся лопарей напишет большую книгу о своем детстве в оленьем стаде, о старых лопарских обычаях и суевериях, о тяжелых для лопарей годах гражданской войны и о том, как лопарь из чума попал в Ленинград учиться.

Рабфак Севера

Рабфак народов Севера в Ленинграде—замечательное учреждение.

Он помещается на окраине города, за крепкой стеной, из-за которой торчат церковные главы.

Большая часть земли за оградой занята могильными плитами и крестами, на которых читаешь имена и звания людей, умерших в славе и величии.

Здесь и действительные статские советники, и генерал-адъютанты, и жены министров—родня тех, кто истреблял лопарей на Кольском полуострове.

Раньше здесь была Александроневская лавра—царский монастырь, куда ездили молиться цари и их свита—генералы, купцы и помещики.

Теперь в ограде монастыря живут люди, о которых прежние владельцы только слыхали. Живут лопари, ненцы, ойраты, якуты, монголы, гиляки, остяки, тунгусы.

Там, где молились русские попы русскому богу за русского царя, за русских генералов, за русское купечество и за победы русских солдат над нерусскими, сидят теперь за школьными столами лопари, ненцы, остяки, изучая политическую грамоту. В прежнем дворце монахов готовятся управлять страной представители малых народов.

Так, не только Ленинград и Москва приходят в Лапландию—посылают туда свои поезда, Лапландия приходит в Ленинград и живет там, где стояли кресты и иконы и колдовали попы.

Важной задачей советского правительства является воспитание среди малых кочевых народов таких людей, которые, являясь близкими людьми в своем народе, вели бы культурное строительство и работали бы в органах советской власти.

За эти годы для многих народов подготовлены на северном рабфаке такие люди.

До сих пор преподавание в школах ведется на русском языке, так как учительницы не знают лопарского. Русских людей, знающих хорошо лопарский язык, очень мало, да и те ученые живут не в Лапландии, а в русских городах

Книг и газет на лопарском языке тоже нет.

Это все в будущем.

Ученые Кольского полуострова

Есть несколько человек, живущих на Кольском полуострове, хорошо знающих эту страну, постоянно здесь живущих. Их дети могут считать полярные края своей родиной. К числу таких людей принадлежат Алымов, Клюге, Вайсфельд, Крепс и другие. Между ними, так сказать, поделена природа и население Кольского полуострова. Один специалист по лопарям, другой изучает море и его животных, третий—животный мир полуострова, четвертый—растения. Эти люди не просто изучают,—они и создают жизнь на полуострове.

Например, В. К. Алымов. Он в Мурманске заведует вопросами, касающимися лопарского населения: спорят лопари с ижемцами о семужном лове—лопарские представители садятся на санки и едут из далеких погостов в Мурманск к Алымову. Рассказывают ему, где лопари были раньше, как их деды ловили семгу в водопаде. Поднимается вопрос о школе—Алымов едет в погост разговаривать с лопарями, где им удобнее устроить школу. А разговаривать с лопарями, как вы можете видеть из моей книги, штука не такая легкая. И потому необычайно ценен человек, который сумел сойтись с лопарями, узнал их обычаи, их язык. Летом Алымов ездил с лопарями по озерам: узнавал все их стоянки, записывал их сказки, осматривал оленьи стада. И все приезжающие в Мурманск идут к Алымову, узнать, где можно увидеть лопарей.

Алымов живет в маленьком доме на горке, над Мурманском.

Другой исследователь севера живет на биологической станции, на берегу возле Александровска. Это хозяин моря—Клюге. Третий специалист живет в центре тундры на опытной станции в Хибинских горах. Он изучает растительность полуострова. Изучает не только то, что растет, но больше то, что может расти. Он как волшебник сидит в далекой станции и посылает оттуда известия: вот вырастил клубнику, вот зацвели георгины. Для Кольского полуострова все это необыкновенно.

Четвертый специалист изучает жизнь оленьего стада,—он изучает жизнь диких оленей, прячущихся от людей в тундре. Он узнал

о них вещи, которые кажутся нам сказкой. В одной статье его я прочел вот о чем: стада диких оленей, бродящих по Кольскому полуострову, в некоторые времена года сходятся и бродят вместе, потом расходятся опять. Но вот выстроили железную дорогу—среди болот, лесов, на широкой лапландской земле протянулась ниточка железного пути. И оленьи стада, ушедшие на запад, не могут вернуться на восток. Они подходят к полоске рельс, издали смотрят на нее и не смеют перейти.

Когда-нибудь ученый Крепс напишет нам целую книгу по истории оленьих стад. А теперь он заботится о том, чтобы сохранить небольшие семьи диких оленей для того, чтобы, скрещивая их с домашними, укреплять и совершенствовать породу домашних. Если я не нашел колдунов среди лопарского народа, то я нашел их среди ученых, живущих на Кольском полуострове.

Одному дана власть над морем, другому—над растениями, третьему—над животными. И вот их колдовство над пустой полярной землей начнет сказываться: зацветут по тундрам цветы, и лопари будут грамотными.

Лопарские рисунки

Впрочем, у меня есть книга, написанная воронинскими лопарями во время путешествия со мной по тундре. Эта книга написана неграмотными и полуграмотными людьми.

Это сотня рисунков на больших листах. Рисунки и шапка оленья—единственные вещи, вывезенные мною из тундры.

Эти рисунки—большая ценность, и я хочу о них сказать особо. Я начал рисовать с лопарями у моря, когда лопарский народ жил густо в избушках и вежах со своими собаками, сидел и ждал оленей. Казалось, все мысли обращены к потерянному стаду и не может быть дела, которое могло бы занять людей. И именно в этот момент они стали с увлечением рисовать, изображая стада. Рисовали дети и подростки, и парни, и даже хозяин мой нарисовал человека с ружьем и потом много смеялся на него.

Человека изображали редко, а все больше стада. На большом листе бумаги изобразят идущих оленей, земли не покажут и дорог не обозначат. На рисунок смотришь, как на звездное небо: олени толпятся, как звезды: среди них люди совсем маленькие. Если рисуют оленя отдельно с санками и с человеком, то изобразят бугорок земли, и дорогу, и сосны, и чум, и вещи, которых касается человек, и собаку, и бегущего волка. Но человек нарисован против оленя так, что олень кажется пароходом, а человек маленькой лодкой. Этого, между прочим, не замечают смотрящие на рисунок или замечают не сразу. Так хорошо, замечательно написан громадный олень,—а что человек едет на санках—это уж маленькая подробность: человек просто пририсован к оленю. Понятно, лопарь поет об олене и рисует оленя богатырем: рога над головой поднялись как дерево.

Или вот нарисована олениха-важенка: в животе у ней нарисован олень, который еще не родился, и у того оленя рога высоко поднимаются над телом матери и сплетаются с ее рогами.

О чем мечтает, то и рисует: будут в стаде жирные, хорошие олени—здоровый приплод. Зачем же рисовать плохих оленей и петь о плохих оленях?

Рисуют стадо: для меня все олени в нем одинаково нарисованы. А мне показывают: разве не видишь—этот олень молодой, этот идет, хромает, а этот олень взбесился.

И потом я учусь видеть в нарисованном стаде массу подробностей.

Рисуя, некоторые поют: «Вот нарисован олень с колокольчиком: ой, какой крепкий олень! Колокольчик вот как звонит. Ой-ой-ой, ка-кой крепкий олень». И песенка сопровождает рисунок.

А Омелиан Пелькин нарисовал человека и идущую навстречу ему птицу—гагару, ростом и весом с человека, и смеялся своему рисунку и привел товарища, лопарского парня, чтобы и тот смеялся.

И когда дети рисовали, то приходили родители и поправляли их и все вместе спорили об оленях.

Так писалась эта книга.

В ней, как и во всем том, что я видел в кольской тундре, никакого колдовства нет, а только удивительная способность лопарей запоминать и изображать родные им вещи.

Но вот через несколько лет все лопари, проживающие в СССР, будут грамотны. Не только рисовать, но и писать будут.

Норвежские лопари

Норвежцы хвастаются тем, что их лопари почти все грамотны. Но мы можем догадаться, какая это грамотность, если нам скажут, что лопарские районы в Норвегии называются церковными приходами. Церковный двор—это место сбора лопарей, место их праздника.

Учитель их—пастор (норвежский священник).

Единственный лопарь-писатель, Иоганн Тури, написал книгу о своем народе. В ней масса интересного об обычаях лопарей. И еще интересно то, что в этой книге лопарского писателя масса суеверий. Тури пишет о чорте, которого случалось встретить его отцу и ему самому, о волшебных лягушках, помогающих людям.

То, что видится крестьянину самой глухой деревни,—все это сохранилось в уме и представлениях лопарского писателя.

Это и понятно. Ведь книга, по которой учился Иоганн Тури писать,—евангелие, где говорится о чудесах, о превращениях крови в вино, одного хлеба в пять тысяч хлебов. И Тури, выучившись у норвежцев грамоте, остался тем же суеверным человеком, как и его деды.

Когда читаешь эту книгу, кажется, что она написана триста или пятьсот лет назад. Не верится, что умевший писать человек мог сохранить столько древней веры в животных, камни и т. д.

Норвежские помещики и купцы грамотность ввели среди лопарей для того, чтобы укрепить в них христианскую веру.

Привожу несколько кусков из этой книги. Перевел мне ее т. Кравцов, и мы вместе переделывали перевод. Книга, написанная лопарем, была напечатана на датском языке и с датского переведена

РОГА

ВЕСНОЙ

ЛЕТОМ

ЗИМОЙ

на немецкий (Das Buch des Lappen Ióhan Turi). Мы переводили уже с немецкого языка, и потому наш перевод не может быть совершенно точным.

В предисловии Тури пишет о себе, о том, почему он задумал писать эту книгу.

«Я—лопарь, знакомый со всеми лопарскими занятиями, и я знаю все, что бывает между лопарями. Норвежская власть... не понимает как следует нашей жизни и нашего положения, потому что лопарь не мог растолковать что есть на самом деле.

Причина этого в том, что когда лопарь приходит в закрытое место, тогда он немного понимает, когда ему ветер не дует в нос. Его мысли не могут течь, когда там стены и когда над головой у него закрыто. Тоже нехорошо для него в густом лесу, когда жарко в воздухе.

Но, когда лопарь на высоких горах, у него совсем ясный ум. И если бы там, наверху, устраивали место сходки, то мог бы лопарь очень хорошо говорить о своих собственных делах.

Я думаю, что будет лучше всего, если будет книга, где будет описано все о жизни лопарей и о том, что между ними бывает, так что не надо будет спрашивать, как живут между собой лопари. Чтоб не всегда было так, как сейчас, когда люди говорят о ло-

парях, что они лжецы и все переиначивают, как будто у лопаря только и дела, что браниться с норвежцами и шведами».

Так начинает свою книгу Иоганн Тури. Вы сразу видите, что это пишет лопарь, который сам ходит со стадом в гору и с гор в тундру и которому нехватает слов и мыслей, когда он в избушке. Только в природе, на горах, на свободном ветру он чувствует в себе «ясный разум».

Иоганн Тури теперешнюю жизнь лопарей между «культурными» норвежскими помещиками, обучившими лопарей грамоте, ценит меньше, чем старинное время, когда лопари бродили свободно по стране и рядом с ними хозяев в стране не было.

«Я думаю, что лопари в прежнее время жили тем, что ловили рыбу, и птиц, и диких оленей, и медведей, и всяких диких зверей. Я считаю так потому, что лопарские названия встречаются на рыбных местах, на озерах, где лопари уж больше не живут. Есть ущелья, где лопари раньше останавливались. Эти ущелья были их жилищами. Лопари рыли себе ямы, как дикие звери. И большая часть ущельев была на морском берегу, около озер и горных потоков, и в таких местах, где жили дикие звери, там, где сходятся ущелья, и между озер».

Тут правильно указал Тури на то, что лопари жили в тех местах, где теперь не живут. То же говорят и ученые. Много разных причин заставляло лопарский народ переселяться. И самая главная та, что пришли норвежские купцы, моряки, захватывавшие земли и лишившие лопарей свободной тундры.

Тури пишет:

«Первое бегство лопарей. Рассказ о том, как это с лопарями случилось, что люди размножились и начали искать землю.

Они (норвежцы) шли вдоль моря сюда до северного угла и гнали лопарей от морского берега. И тогда бежали лопари в высокие леса, и там жили они много лет в мире, и пасли свои стада в лесах и на горах, где пустынно и где нет людей.

В то время доили лопари много молока от оленьих маток и делали сыр, и в то время они не употребляли кофе и муки. Лопари

ели мясо, кровь и молоко. Тогда был вместо утреннего кофе суп из оленьей крови, и в него они клали оленье молоко, которое заготовлялось летом. Но, когда люди размножились, пришли опять темноодетые люди (норвежские предприниматели) туда, куда лопари сперва бежали, и построили себе жилища там, где остановились лопари, потому что они видели, что там были хорошие луга, где олени удобрили их, там, где лопари много поколений прожили. И они гнали лопарей прочь с того места, где они жили.

И стало тогда для лопарей так, что они должны были итти дальше. Но уж не оставалось больше высоких лесистых гор, и не могли лопари больше бежать. И тогда они должны были покориться.

И как не могли норвежцы дальше угнать лопарей, начали они все грабить, что находили: сыр, молоко, шкуры и маток. И то одного, то другого лопаря убьют тоже.

Один раз случилось, что норвежец пришел к концу Нью-Орьефуомби, где лопари остановились. И он там, прежде всего, разложил огонь, как пришел, чтобы рассмотреть место. Тогда копнул он землю и взял ее в рот и попробовал. И лопари думали, что норвежец пробует, чтобы узнать, будет ли плодородной земля. И имя норвежцу было Юбонаш.

И в этот год он ничего больше не сделал. Но он пришел в следующем году опять. И с ним был товарищ. И они прежде всего построили землянку и прогнали лопарей оттуда прочь. И лопари должны были свои стоянки перенести дальше. Но как олени по старой привычке паслись вокруг места, где норвежец выстроил свою землянку... и как норвежец лопарей услыхал, которые пасли оленей, тогда он пришел, чтобы их прогнать. И он застрелил одного лопаря, который прыгнул на большой камень, и он (норвежец) побежал туда и убил лопаря. И как он увидел, что тот умер, пошел своим путем.

Лопари увидели, что норвежец ушел. Тогда побежали к убитому и перенесли его на траву. И Юбонаш пришел позднее посмотреть на убитого, и как он его не увидел, то подумал, что лопарь еще живой.

И он знал, что это был лопарь, у которого самое большое стадо, и что имя лопаря было Гуйка.

И норвежец вернулся в землянку искать человека и убить его, чтоб выкуп потребовать, потому что лопарь пас стадо на его пастбище. Он считал себя господином надо всей землей долины.

Теперь у лопарей не было больше земли, даже столько, чтобы они могли дальше сдвинуться, и поэтому должны были остаться на том месте и пасти стада. И они совещались, должны ли они начать войну.

Но они не осмелились.

Однако сын убитого слышал, что его отец убит. Тогда сказал он в ненависти: «Я пойду и убью всех норвежцев, сколько их ни будет».

Как мать его это услышала, тогда спрятала она его рог с порохом, и сын не мог тогда пойти. А потом уже не был больше в такой ненависти, и так остался Юбонаш жить.

И норвежцы еще убили одного лопаря из Каресуванто. И это много раз случалось.

Много было таких случаев, о которых мы слыщали. И много было таких, о которых мы не слышали.

У меня нет больше охоты рассказывать. Это просто отвратительно об этом рассказывать. Но если надо все писать, так надо и плохое и хорошее писать».

Так кончилась жизнь свободных лопарей.

А потом государство закрепило за помещиком землю, а лопари, как животные, искали себе места ходить с оленями.

Такой ценой лопари купили себе соседство с норвежскими купцами.

*

«Когда был голодный год, перемерло много оленей. И тогда не было времени, чтобы спать, но без остановки ехали дальше.

Иногда надо было итти за санями, которые отставали, и самим тащить кое-какие сани.

И понятно, что это так огорчало, что женщины плакали. Часто весь день сторожили, потому что оставили зимнюю стоянку.

Спать больше не приходилось иначе, как стоя, опираясь на палку.

И, когда добрались до высоких гор, тогда пастбище стало немного лучше. Но тогда пришел волк, и там на высоких горах тоже не было покоя. И вот уж неделя с такими трудностями. И так пройдет много недель.

И в то время обыкновенно многие теряли зрение (ослепляло глаза сияющим снегом.—*В. Л.*). Глаза слезились, и такая боль была в глазах, что нельзя было ни есть, ни спать, и некоторые были полуслепые.

У многих лопарей—плохие глаза. Они красные и распухшие, так что они не могут их утром раскрыть; если помочат водой, тогда только их откроют.

Но некоторые лопари никогда не моют лицо. И потому лопари так темны. И еще потому темные, что они все время на воздухе.

Всегда жжет холодный ветер, и солнце, и дым в жилище, и дым в тундре коптит их.

И есть светлолицые лопари, такие лопари, которые живут зимой в сосновых лесах и прилежно моют и лицо и руки.

Тело лопари не моют никогда. И одежду тоже. Она у них из оленьего меха. И они носят ее шерстью внутрь и сверху другой шерстью наружу.

Зимой носят они оленьи шкуры мехом внутрь. Но на это годится только шкура животного, которое убито летом, когда гладко линяет, и на нем редкая шерсть.

И шапки они носят тоже из оленьего меха. Но бывает, что на долгой поездке шапку потеряет: ветер сорвет, и иногда закатит ее в огонь, когда спят».

Таким образом описывает Тури жизнь лопарей очень подробно: и как они шапки теряют, и как их вытесняют норвежцы, и кто из лопарей моет лицо.

Но в этой книге нет места о науке, о просвещении. Только в одном месте сказано о евангельских проповедниках.

Тури остался старым суеверным пастухом. Евангелие только помогло укрепиться этим суевериям. Тури пишет о привидениях, о горных чертях, указывая, кто из земляков и когда он сам видел чорта.

Описывая простых животных, он пишет о них, как суеверный крестьянин.

Рассказ о лягушке

«Лягушка живет в воде и живет на земле. Весной она мечет икру в то же самое время, как и щука. Ее яйца лежат в болоте. И у нее такой голос, что она квакает, как олений теленок.

Но ведь известно, что лягушка появилась на земле, упав сверху, как и другие животные, которые свалились на снег.

Верно, что лягушка свалилась на землю из тучи, потому что лягушек находят на высоких горах, на снегу, где никакой открытой воды кругом нет.

Лягушка такое животное, что если ее кто отважится взять в руку и если лягушка в руке пустит воду, то такая рука делается целебной. Если такой рукой придавить больное место, то тотчас облегчится боль.

Также если будут струпья на губах. Для этого также лягушка целительное средство».

В Норвегии, стране большой буржуазной культуры, лопарский писатель пишет книгу, и по этой книге мы видим: он колдун.

О собаке Тури пишет:

«Собака тоже была диким животным. И начала она—это ей тяжело было—пищу в тундре искать. И она иногда очень голодала, потому что никакой пищи не находила, если волк не встречал оленя. Если волк встречал оленя, тогда пищи хватало для всех. И тогда собирались все звери: росомахи, лисы, вороны, орлы и собаки. И тогда было пищи довольно. Но тогда были также погоня и страх. И приходили волк и росомаха, которые оба были сильнее собаки, и разбойничали, и, если более слабый не убегал, он был убит.

Волк часто убивает более слабых зверей: лису, песца, зайца и собаку.

И собака стала думать:

«Я пойду к лопарю служить».

Она вспомнила, как она один раз пришла к источнику лопаря, как лопарь свое стадо собирал.

И собака видела и слышала, как лопарь собирал стадо и как лопарь был в затруднении оттого, что не мог собрать стадо. Тогда бросился лопарь вперед и завыл и залаял, как собака.

И, когда собака это услышала, начала лаять и гонялась, чтобы лопарю там и там испугать оленей, и согнала их вместе в стадо.

И тогда понравилась лопарю собака, он захотел, чтобы она стала ему служить».

Здесь Тури прекрасно описывает, как бегает собака по стаду «там и там», гоняя оленей, и как человек при этом превращается только в инструктора, который следит за собакой и иногда отзывает ее.

Хорошо описана и жизнь зверей и их обед в тундре. Напоминает эта сцена лопарскую жизнь, когда лопарь, так же как собака, был выгнан с родного места.

★

И еще помещаю отрывок о детях.

«Здесь рассказывается о занятиях детей во время кочевья.

Когда ребенок еще малый и легкий, так оленю не тяжело нести его сбоку в люльке, так же как несет олень и другие лопарские вещи, по двадцать кило на каждом боку.

Но когда ребенок очень сильно плачет, то матери трудно его успокоить, когда он на олене. Но все-таки это необходимо, и к этому привыкнуть трудно. Если ребенок очень сильно плачет, то должна она сама нести ребенка и качать на руках, и он скоро затихнет.

О больших детях

Когда ребенок станет больше и тяжелее, олень не может нести его сбоку. Когда ребенку уже четыре года, его заставляют ехать верхом на олене—все равно, хорошая погода или холод. И тогда

мерзнет ребенок и устает, так что наконец и не может сидеть на олене, потому что замерз. И на олене так холодно, потому что ветер дует снизу и со всех сторон».

Путешествующие по тундре знают, как там оценивается все—ребенок, или вещь, или взрослый—по весу. Трудно итти по тундре, летом особенно. И детям жить в кочевье трудно.

★

У нас в СССР поставлены точные задачи по просвещению лопарей, по их коллективизации. Мы знаем, что через пять-шесть лет все лопарские дети смогут жить в интернатах.

Что же норвежские и финляндские хозяева могут обещать своим лопарям? Ничего, разве только нового проповедника в деревню, который, как все его предшественники, будет учить лопарей евангелию.

Вот еще рассказы, которые слышал от лопарей Норвегии мой знакомый Н. И. Кравцов, ездивший с экспедицией изучать лопарей.

Пересказываю их своими словами.

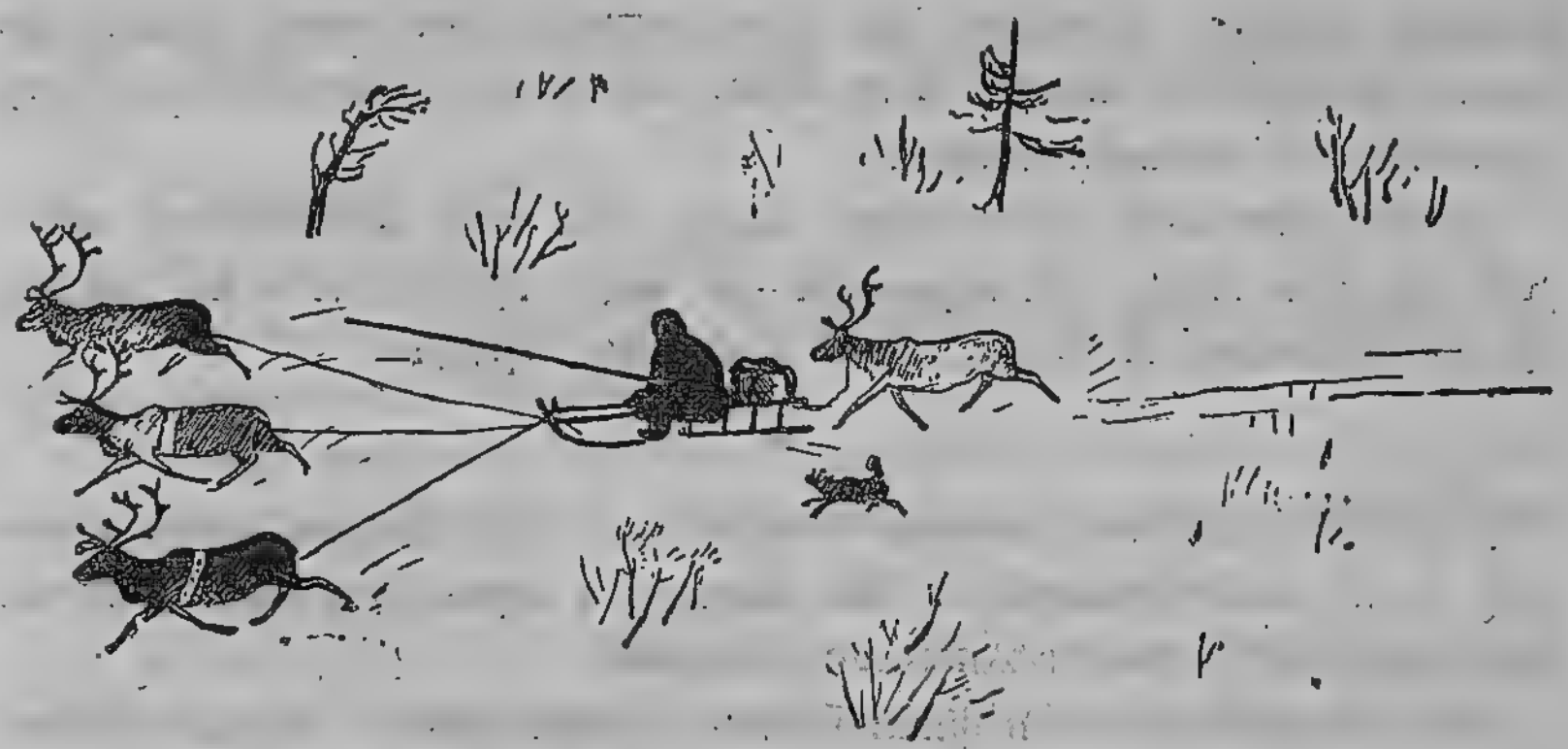
I

В деревне Суорселе среди лопарей много болезней. Раньше лопари не болели. Болезни эти принесены на лопарский берег купцами, норвежскими предпринимателями, моряками.

Но многие лопари считают, что болезни оттого пришли в Суорселе, что здешние лопари нехорошо обошлись с медведем. Было это по рассказам лопарей так.

Медведь один вышел из леса и отправился в гости к лопарю. Но у лопаря в то время была большая свадьба. Медведь решил остаться на этой свадьбе, но хозяин уговаривал его: лучше бы уйти. Может быть, из людей кто напьется и обидит медведя.

Но остался медведь, а люди пили. И когда лопари напились и опьянели, решили некоторые содрать шкуру с медведя-гостя. Хозяин уговаривал пьяных, но те взяли ножи и содрали шкуру. Медведь без шкуры ушел к себе в горы. Но с той поры Суорселе полна болезней.



На оленях в тундре.

2

Рассказали тамошние лопари, почему медведь бурый.

Медведь бурый потому, что обманул человека. Лопарь раз гнался за оленем. Олень—он быстро бежал. Лопарь бежал тихо. Уставать стал. Большого медведя увидел. Медведь ему: «Сидя на моей спине, догонишь». Лопарь тот, медведю поверив, сел на широкую спину медведя, но медведь, обманщик, не пожелал итти. А олень тот ушел. Лопарь в гневе медведя арканом поймал и повел в деревню свою. Там все хозяева вышли. Прослушав рассказ, все медведя бранили—и хозяева, и хозяйки, и дети. Потом принесли огня и медведя-изменника стали палить огнем: и когда медведь пошел от них в леса, то был он уже не прежнего цвета, а бурый. И оттого все медведи теперь бурые.

3

Был лопарь. Он немножко колдовал даже. Но вот раз пошел на охоту в горы, к лесам, и навстречу ему Од-Седи—новорожденный олень. Тот охотник, не побоявшись, взял ружье, и того новорожденного оленя убил и встал над его телом.

Тогда из лесу могучий, большой вышел Ирвас-олень. Замечательно широки его рога были. И с гневом подошел, и с гневом

ударил того лопаря, который немножко колдовал, рогами. И там была речка, поток. И с гневом бросил его в поток. Тот лопарь попал в воду и не мог выйти. Так погиб колдун.

4

Лес совсем тихий. Лесной хозяин—Метс—любит только тишину. И попробуй только кто крикнуть в лесу или запеть громкую песню. Лопари в лесу ведут себя тихо.

5

Одна лопарка-девушка встретила оленя. И олень взял ее на спину. И так ехали долго-долго—совсем далеко. И прошли за огненное озеро. Там лопарская девушка стала женой оленя.

Примечания к рисункам, сделанным лопарями

Рисунок между стр. 32 и 33. Идет стадо. В левом углу нарисован олень, у которого обломился рог.

На стр. 65 нарисован зимний путь лопаря на олене.

На стр. 83 рисунок грамотного лопарского парня Прокопия Фефелова: лопарь, ловящий оленя.

На стр. 99 нарисован чум—кувакса.

На стр. 115 часть лопарского рисунка: рыбная ловля на осенней стоянке.

На берегу сушатся сети. На озере рыбачат лопари. Слева—два лопаря тянут концы сети, третий, бросая камни в воду, загоняет рыбу в сеть. Сеть полна рыб.

На рисунке между стр. 128 и 129 рисунок девочки Софии Антоновой. Оленье стадо. Упряжи. Лопари на санках погоняют оленей хореями. Стадо окружено собаками. Налево—стоянка лопарей. Лопари выходят из куваксы—один с ведром идет к озеру за водой, другой—с топором—за топливом.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3
День, когда мне захотелось ехать на Север 5
Из Ленинграда на Север 10
«Калевала» 12
Озеро. Старуха 14
Мурманская дорога 17
Мурманск 19
Люди 20
Спутанное время 21
Утром 22
В море 23
Териберка 26
Лапландия. Местность 29
Водопад 32
Первые дни с лопарями 32
Вежи 34
Подошел к морю олень 36
В русском поселке 38
Торговец у лопарей 39
Страна, где не растет мед 40
Готовятся к пути 42
Дети лопарей 43
История с собачкой 45
Пришли со свадьбы 46
Свадьба в Териберке 47
В клубе и в гостях 49
Пришли пастухи 54
Лопарские собачки 55
Народ в древности 57

Стр.

Пуас 59
Лопари в тундре 61
В тундре 62
Как ходят за оленем 63
Солнечная ночь 67
Где выбирают стоянку 67
Наш город 68
Как ставится кувакса 68
В чуме 70
Сон и стадо 71
Убивают оленя. Пища 73
Важенки 76
Отметьте дорогу 77
Река 77
Древние люди и природа 79
Лопарские сказки. 79
Сказка о Чахкли 79
Сказка о Чадць-Илле 81
Сказка «Целей» 82
Сказка «Маресь аканчь» 84
О двух колдунах 85
В куваксе 86
Разговоры в куваксе 87
Рассказ о старцах 88
Я, аппарат и лопари 91
Песня обо мне 94
В тундре с оленями 96
Карта 97
Путь из Карозера 101
За щукой 105
Пришло потерянное стадо 108
Карозеро 110
Еда 113
Гибель кота 117
Я готовлюсь итти 120
Письмо 123
Я ухожу от лопарей 125
Лекозеро 127
Воронинский погост 130
Ижемцы 130

Стр.
В избе ижёмца 132
По реке Вороньей 134
Ловозеро 138
Село Ловозеро 139
Один по тундре 141
Что такое лопарский колхоз 149
Ученые Кольского полуострова 152
Рабфак Севера 150
Лопарские рисунки 153
Норвежские лопари 155
Рассказ о лягушке 161
О больших детях 162
Примечания к рисункам, сделанным лопарями 165

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Цена 2 р. 25 к.

2.0.08

2.0.08